

1917

РЕВОЛЮЦИЯ,
ИЛИ КАК
ПРОИЗОШЕЛ
ПЕРЕВОРОТ
В РОССИИ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
СВИТЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

ДМИТРИЯ НИКОЛАЕВИЧА
ДУБЕНСКОГО

К 100-летию революции

Дмитрий Дубенский

**Революция, или Как
произошел переворот в России**

«АСТ»

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)524

Дубенский Д. Н.

Революция, или Как произошел переворот в России /
Д. Н. Дубенский — «АСТ», — (К 100-летию революции)

ISBN 978-5-17-101779-8

Сборник содержит воспоминания генерал-майора Свиты Императора Николая II, военного историографа Великой войны Д. Н. Дубенского (1857–1923), появившиеся в свет в эмигрантском журнале «Русская Летопись». Впервые публикуются в России без сокращений и с приложением материалов бывших «спецхранов», которые позволяют раскрыть (накануне 100-летнего юбилея) многие малоизвестные страницы истории Февральской революции 1917 г. Для всех интересующихся историей нашего Отечества.

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-17-101779-8

© Дубенский Д. Н.
© АСТ

Содержание

Вместо предисловия	6
В. М. Хрусталеv	8
В. М. Хрусталеv	29
Д. Н. Дубенский	34
С ноября 1916 до конца февраля 1917 года	35
23-го февраля{47}	40
Могилев	43
Могилев	46
Могилев	48
Могилев	50
Переезд Могилев – Орша – Смоленск – Лихославль – Бологое	54
– Малая Вишера	
Переезд Малая Вишера – Бологое – Валдай – Ст. Русса – Дно –	58
Порхов – Псков	
Псков	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65
Комментарии	

Дмитний Николаевич Дубенский

Революция, или Как произошел переворот в России

© В. М. Хрусталеv, составление, очерк, биогр. справка, комментарии,
2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Вместо предисловия

Перед нами воспоминания генерал-майора Свиты Государя Императора Николая II, официального историографа Первой мировой войны Дмитрия Николаевича Дубенского (1857–1923). На него были возложены многие обязанности, в т. ч. по описанию поездок Николая II в Ставку Верховного Главнокомандующего вооруженными силами и флотом (Барановичи и Могилев), а также на многочисленные фронты, порой в зону ожесточенных боевых действий. Линия фронта протянулась в то время почти на две тысячи километров от берегов Балтики до Черного моря, а с вступлением в Великую войну Османской империи бои развернулись в Закавказье и Персии (Иране), где была сформирована и действовала Кавказская армия, и русские воинские части координировали боевые операции против турок с англичанами в Месопотамии (Ираке). Отдельные русские формирования воевали вместе с союзниками (по Антанте) и на Балканах, а позднее и на территории самой Франции. Во время Великой войны Императорский поезд преодолел с Государем и его сопровождающими лицами около ста тысяч верст. Царь неожиданно появлялся в самых отдаленных уголках фронта. Так, например, в конце 1914 года он посетил цитадель Карса на турецком фронте в Закавказье, где лично участвовал в награждении Георгиевскими крестами отличившихся воинов. Дубенский также сопровождал Государя в поездках в Галицию, Львов, Перемышль на Юго-Западном фронте, неоднократно они бывали во многих опасных в военном отношении местах на Западном и Северном фронтах. За неоднократное нахождение в прифронтовой и фронтовой зоне император Николай II был отмечен орденом Св. Георгия 4 ст., а его сын цесаревич Алексей Николаевич Георгиевской медалью, чем оба очень гордились. Дубенский оказался в числе немногих непосредственных свидетелей (в силу разных обстоятельств) подписания акта отречения последнего самодержца от Российского Престола в Ставке у генерал-адъютанта В. Н. Рузского (1854–1918) в Пскове. Многие из ближайшего окружения царя восприняли эти события как военный заговор или государственный переворот, позднее получивший во всемирной истории известное теперь всем нам наименование «великой и бескровной Февральской революции». Прошло уже 100 лет с момента свершения этого глобального мирового события, а научные споры вокруг него до сих пор продолжают с выяснением все тех же вечных вопросов: кто был прав или виноват и что надо было делать?! Верно написал в свое время немецкий поэт и историк Иоганн-Фридрих Шиллер (1759–1805) такие, ставшие крылатыми слова: «Истина ничуть не страдает от того, если кто-либо ее не признает». Великий поэт только не уточнил, как прояснить эту истину до конца. Генерал Дубенский отразил свое видение проблемы и незадолго до собственной кончины изложил события на суд читателей на страницах эмигрантского журнала, а затем издал их отдельной брошюрой, но, к сожалению, не всегда строго соблюдая хронологию и временами, возможно невольно, искажая факты. Попробуем внести в это дело хотя бы некоторую ясность, попытаемся разобраться, о чем писал автор воспоминаний достоверно и в чем он заблуждался, чтобы нашим читателям можно было каждому самостоятельно хотя бы на шаг приблизиться к истине. Только в сопоставлении текста многих исторических источников и объективного анализа их содержания залог успеха на бесконечном пути достижения поставленной цели. В этой связи стоит помнить слова великого нашего соотечественника и просветителя Александра Николаевича Радищева (1749–1802): «...чем выше человек восходит в познаниях, тем пространнейшие открываются ему виды».

Основу сборника составляют воспоминания и другие архивные свидетельства (в полном виде, т. е. без сокращений, цензуры и редакторской правки тех фрагментов, которые публиковались в прежние советские времена, а также материалы ранее недоступных из бывших «спецхранов» архивов и библиотек), казалось бы, известных, а во многом тайных и дра-

матических событий, происходивших в начале XX века в государстве Российском. Сборник составлен по правилам публикации исторических документов. К материалам в необходимых случаях даны подстрочные примечания или соответствующие пояснения составителя в самом тексте в круглых скобках (с обозначением: – **В.Х.**), а также развернутые тематические и именные комментарии к ним, помещенные под валовой нумерацией в конце издания. Комментарии написаны на основе архивных и печатных источников, в т. ч. из «спецхранов», что значительно повышает информативность содержания публикации и облегчает понимание хода исторических событий того периода. При частичной публикации документов или воспоминаний извлечения, сделанные из текста, оговариваются в заголовке предложением «из» и во всех случаях они отмечены отточием, заключенным в косые скобки (с обозначением: /.../). Очевидные погрешности текста (пропуски букв, опечатки, орфографические ошибки), не носящие смысловой нагрузки, исправлены и не оговариваются, за исключением тех случаев, когда они характеризуют какие-то особенности того или иного лица. В последнем случае в подстрочном примечании указывается сохранение специфики исторического источника. Восполняемые составителем недостающие в некоторых документах отдельные слова и части слов, а также поврежденные места их заключены в квадратные скобки (с обозначением: []) или оговариваются в подстрочных примечаниях. Словами «так в документе» обращено внимание читателей на смысловые и стилистические особенности текста источника. Документы и события до 14 февраля 1918 г. датируются по старому стилю. В необходимых случаях датирование по новому стилю проставлено рядом в круглых скобках или через косую черту. Сборник дает возможность каждому читателю составить свое личное мнение о ходе глобальных исторических событий той далекой эпохи.

В. М. Хрусталеv Февральская революция, или Как произошел переворот в России

Политическая и экономическая ситуация в стране в начале 1917 г. напоминала грозные события революции 1905–1907 гг. Тогда, в конце Русско-японской войны, после первой всеобщей забастовки, император Николай II обратился за советом к графу С. Ю. Витте. Искушенный в таких делах царедворец сказал: «Ваше Величество, Вы должны сделать выбор. Или дать народу конституцию, или назначить военного диктатора с неограниченной властью». Так появился царский Манифест 17 октября 1905 г., который дал России первую «конституцию». Права монарха были ограничены, в частности, бюджетными правами Государственной думы. Законопроекты могли стать законами только после одобрения обеими палатами: Государственной думой и Государственным советом. В новых условиях постоянного сотрудничества с Думой председатель Совета министров П. А. Столыпин заложил основы конституционализма в России. Крылатыми стали обращенные им к сторонникам революционного переустройства общества слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Это был призыв к гражданскому миру во имя величия и процветания державы.

В начале XX в. Российская империя выдвинулась в число передовых государств мира. Недаром известный в то время французский экономический обозреватель Эдмонд Тэри, анализируя в книге «Россия в 1914 году» ход мирового процесса, писал: «Рассматривая результаты, полученные с начала XX в., они (*читатели. – В.Х.*) придут к заключению, что если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении...».

Стоит отметить, что за период 1885–1913 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства в России составляли 5,8 %, США – 5,2 %, Германии – 4,5 %. Занимая пятое место в мире по промышленному производству, Россия все с большим ускорением догоняла передовые страны.

Однако Первая мировая война, которую в Российской империи нередко называли «Великой» или «Отечественной», и шквал революций 1917 года опрокинули все радужные надежды наших соотечественников на лучшее будущее. Современники тех событий пророчески отмечали: «История императора Николая II и его царствования не легко дается историкам. Уже теперь на фоне ее вырисовываются два противоположных, могущих казаться исключаящими друг друга явления: 1) чрезвычайный, почти неслыханный рост благосостояния русского народа почти во всех областях государственной жизни и 2) трагический конец царствования, бросивший великую страну в омут неслыханных бедствий, поставивших ее на край бездны...».

Сегодня общепризнанно, что в истории России XX в. есть еще множество «белых пятен», которые только теперь начинают исчезать. Таким «белым пятном» остается один из поворотных моментов мировой и отечественной истории: неожиданное крушение Российской империи и Императорского Дома династии Романовых в феврале – марте 1917 г., не так давно до этого (в 1913 г.) торжественно отметившего 300-летнее правление великой державой, занимавшей шестую часть земного шара, где проживал каждый седьмой человек планеты.

Этой катастрофе в немалой степени способствовало всепожирающее пламя Первой мировой войны, в горниле которого жертвами пали еще две европейские династии: Гоген-

цоллернов в Германии и Габсбургов в Австро-Венгрии. Парадоксальность событий заключалась в том, что в открытом военном противостоянии столкнулись и рухнули три старейших Императорских Дома, некогда стоявших единым щитом против наполеоновских притязаний на мировое господство. Последствия катастрофы оказались трагичными не только для народов поверженных империй, но и для судеб мировой цивилизации.

Россия вступила в Первую мировую войну уже не той, какой она была десять лет назад, т. е. во времена вооруженного конфликта с Японией. При Николае II в стране произошли глубокие изменения во всех областях жизни. Экономический потенциал России позволил ей вынести на своих плечах главный удар неприятельских армий в кампании 1914 г. и выручить союзников по Антанте от грозящего поражения. Однако положение резко изменилось к лету 1915 г. в связи с отступлением русских армий из Галиции и Польши из-за острого недостатка боеприпасов, военного снаряжения и ошибок Верховного командования. Военный министр генерал В. А. Сухомлинов (1848–1926) был отстранен от должности и затем отдан под суд. Обстановка в стране подтолкнула буржуазно-помещичьи фракции IV Государственной думы и Государственного совета объединиться в августе 1915 г. в так называемый «Прогрессивный блок». Вне блока оставались только крайне правые и меньшевики. Блок критиковал царское правительство за неспособность обеспечить победу в Первой мировой войне и выдвигал программу ограниченных либерально-демократических реформ, добиваясь перераспределения реальной политической и экономической власти в пользу крупной буржуазии, как это было в Западной Европе и США. Главным требованием блока являлось создание «министерства доверия» во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Государственной думой. Требование оставалось в рамках закона о Думе 1906 г. Под влиянием временных военных поражений русской армии в 1915 году вновь возродились надежды оппозиции на вхождение в состав правительства и достижение поставленной цели. Однако после «Брусиловского прорыва» на фронте положение резко изменилось опять в пользу Российской империи. Австро-Венгрия была на пороге разгрома, и недалек был тот час окончательной победы над внешним врагом, а также исполнения «тайной вековой мечты» – обладать черноморскими проливами и Константинополем. Такой «приз» гарантировали русским союзники по Антанте, но только после успешного окончания войны. Обещали они в те времена, когда положение на фронте для них было критическим и требовалась срочная помощь русских армий. Однако с устранением опасности, особенно после Вердена, наши союзники предпочитали все реже вспоминать о своих обязательствах. Тому были свои причины. Это еще более могло увеличить мощь и влияние Российской империи на мировые процессы развития цивилизации на нашей планете в послевоенное время. Победы желали в войне и российские капиталисты (приобретение новых рынков и т. п.), но в то же время в таких условиях буржуазным классам (реальным и все усиливающимся хозяевам страны) трудно было рассчитывать на уступки политической власти в свою пользу от самодержавного строя. Думская оппозиция это хорошо осознавала, пойдя на отчаянный штурм Российской монархии еще во второй половине 1916 г., когда будоражила всю страну все новыми выдвигаемыми царскому правительству требованиями. Таким образом, в конце 1916 и начале 1917 гг. Николай II опять, как и в 1905 г., оказался перед дилеммой: «или сильная военная диктатура... или примирение с общественностью».

Противостояние политических сил нарастало. Становилась все более реальной угроза военного заговора или дворцового переворота. Положение усугублялось тем, что в конце 1916 г. в связи с убийством Г. Е. Распутина (1869–1916) Императорский Дом Романовых оказался расколотым. Николай II предпринимал попытки найти выход из политического тупика и все усиливавшейся изоляции, но не шел на предлагаемые ему советниками крайние меры, надеясь решить все проблемы миром и без больших потрясений, чем входил уже в противоречие с позицией «правых монархических кругов». Союзники по Антанте не желали даль-

нейшего усиления Российской империи, а больше всего не хотели видеть в ее составе новые стратегически важные территории за счет Османской империи, которые в трудные времена сулили русским за понесенные бесчисленные жертвы.

Почему произошла Февральская революция, резко качнувшая маятник истории? Профессиональные историки многих поколений довольно «потрудились» над этим вопросом, принося порой объективность в жертву политике. За историческими событиями часто отсутствовали неугодные исторические персонажи – люди, бывшие непосредственными участниками этих событий. Однако ход истории нередко зависит от волевого решения отдельной личности, облеченной властью, и понять это решение можно, лишь взглянув на него не только через «призму объективных обстоятельств и событий», но и сквозь «субъективное преломление черт характера» того или иного действующего лица, стоящего у «руля» государства.

Определенно можно сказать, что к последнему русскому царю, которого в недавние времена называли не иначе как «Николай Кровавый», советские и российские историки, за исключением немногих (да и то в последнее время), мягко говоря, отнеслись несправедливо, а некоторые их «труды» – бледное отражение действительности. В течение длительного периода на Николая II (1868–1918), который мог бы быть почти нашим современником (как, например, германский император Вильгельм II, родившийся в 1859 г. и умерший в 1941 г.), обрушивали потоки клеветы, измышлений и ненависти. Его имя систематически дискредитировалось, так что многим становилось ясно: все это было планомерной акцией по вытравливанию из сознания простого русского люда (веками чтившего монарха как одну из величайших своих национальных святынь) малейшей памяти об этой, несомненно, незаурядной личности, хотя и не лишенной человеческих слабостей.

Если следовать афоризму, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое», то необходимо установить последовательность реальных событий, предшествовавших крушению царской России, рассказать – опираясь на документы и свидетельства очевидцев – об «отречении» Николая II и его брата великого князя Михаила Александровича от трона, что и стало отправной точкой скорбного пути Романовых, а по большому счету, и всей России.

* * *

С первых дней победы Февральской революции в общественном сознании превалировало мнение о беспечности и слабости последнего самодержца – Николая II, о той легкости, с которой он якобы без борьбы отрекся от российского престола, как будто (по крылатому выражению в воспоминаниях генерал-майора Свиты Императора Д. Н. Дубенского) «сдал эскадрон».

Так ли было на самом деле? Чтобы понять ход грозных событий конца февраля – начала марта 1917 г. и поведение в это время императора, необходимо четко представлять расстановку политических сил в стране накануне их и знать особенности характера Николая II. В связи с этим попытаемся кратко отметить наиболее значительные особенности ситуации и воспроизвести хронологию круговерти революционных дней.

В мятежное время Февральской и Октябрьской революций (да и после расстрела Николая II) в периодической печати и многочисленных мемуарах современников отмечалась роковая предопределенность судьбы бывшего царя.

На фатализм, свойственный Николаю II, указывал французский посол в России Морис Палеолог (1859–1944). В воспоминаниях «Царская Россия накануне революции» он приводит следующее свидетельство:

«Однажды Столыпин предлагал Государю важную внутривполитическую меру. Задумчиво выслушав его, Николай Второй делает скептическое беззаботное движение, которое как бы говорит: это или что-нибудь другое – не все ли равно... Наконец он заявляет:

– Знаете ли Вы, когда день моего рождения?

– Разве я мог бы его не знать?

– Шестого мая. А какого святого праздник в этот день?

– Простите, Государь, не помню.

– Иова Многострадального.

– Слава Богу, царствование Вашего Величества завершится со славой, так как Иов, претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божиим и благополучием.

– Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие. У меня в этом глубокая уверенность. Я обречен на страшные испытания...».

В самом деле, царствование Николая II, начавшись Ходынкой, было отмечено печатью многих трагических событий истории российской: Русско-японская война, революционные события 1905–1907 гг., кровавая бойня Первой мировой войны, всепожирательное пламя революций 1917 года и разгоравшийся пожар гражданской междоусобицы. Какой-то рок, казалось, отметил его судьбу скорбной печатью. Это предчувствие постепенно проникло в сознание императора, и он знал, что «Господь ведет его по пути Иова», надо только претерпеть, а дальше... Божья воля.

Следует заметить, что в Императорской семье Романовых знали о предсказании святого Серафима Саровского, записанном (как говорило предание) каким-то генералом и хранящемся в департаменте полиции, гласившем о сыне императора Александра III приблизительно следующее: «Начало двадцатого века: кровопролитная война. Глад, мор, трясение земли. Сын восстанет на отца и брат на брата. Царствование долгое (чуть не шестьдесят лет), первая половина его тяжкая, вторая светлая и покойная».

Последний русский самодержец Николай Александрович Романов родился 6 мая 1868 г. Старший сын императора Александра III и его жены Марии Федоровны, датской принцессы Дагмар (1847–1928). Он вступил на престол 21 октября 1894 г. Женится 14 ноября 1894 г. на немецкой принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской (1872–1918), принявшей в православии имя Александра Федоровна.

Государь Николай II был среднего роста – 5 футов и 7 дюймов (168 см), выделялся пропорциональностью телосложения и стройной спортивной фигурой. Волосы имел золотисто-рыжеватого цвета, несколько темнее была тщательно подстриженная, холеная борода. Украшением его красивого, чуть удлиненного лица, на котором часто светилась очаровательная улыбка, были голубые глаза. Следовательно по особому важным делам Н. А. Соколов (1882–1924) в своей известной книге «Убийство царской семьи» (Париж, 1924; Берлин, 1925; М., 1990) характеризовал его следующим образом: «Николай получил воспитание, какое обычно давала среда, в которой он родился и жил. Она привила ему привычку быть всегда ровным, сдержанным, не проявлять никаких чувств. Он любил книгу и много читал по общественным наукам и по истории. Был прост и скромен в своих личных привычках, любил природу и охоту, был весьма религиозен. Самой типичной чертой его натуры, поглощавшей все другое, была доброта его сердца, его душевная мягкость, утонченная деликатность. По своей природе он был совсем не способен причинить лично кому-нибудь зло».

В светском аристократическом обществе того времени бытовало устойчивое мнение относительно слабости Николая II. Однако это было общее заблуждение, создававшееся первым впечатлением от уступчивости императора. Он не любил спорить и редко в полемике отстаивал свое мнение, но часто делал так, как считал должным. Об этом есть многочисленные свидетельства графа С. Ю. Витте, других министров и политических лидеров. В част-

ности, своеобразие характера царя отмечал французский президент Эмиль Лубе: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, беззащитного против влияний и давлений. Это глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством, он имеет задолго продуманные планы, осуществление которых медленно достигает. Под видом робости, немного женственной, царь имеет сильную душу и мужественное сердце. Непоколебимое и верное. Он знает, куда идет и чего хочет».

Брак царской четы оказался счастливым, хотя имел длительную предысторию. Вероятно, ни одна из русских императриц не была столь несправедливо опорочена современниками, как супруга Николая II. Государыне Александре Федоровне ставили в упрек чрезмерную гордыню и высокомерие, плохой русский язык и скромные туалеты, «непонимание и предательство» интересов России. Ее имя уличные сплетни «желтой прессы», а порой и столичных салонов аристократов тесно связывали с ненавистным и порочным для многих именем Григория Распутина.

Но проходит время, и история, освобожденная от оков политики и интриг, четко все расставляет по своим местам. И совсем иным представляется сегодня образ Александры Федоровны – императрицы, жены, матери...

Она родилась 6 июня (25 мая – по старому стилю) 1872 года в тихом и провинциальном Дармштадте, столице небольшого герцогства Гессен-Дармштадтского, что лежит между Рейном и Майном. При крещении ее нарекли по протестантскому обряду длинно и торжественно: Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса. Она была младшей в большой, дружной семье герцога Людвиг (Людовика) IV и урожденной принцессы Алисы Английской (два сына и пять дочерей). Маленькая принцесса являлась общей любимицей, особенно бабушки, английской королевы Виктории I. Близкие называли ее Аликс, а родители величали: наша Санни, т. е. Солнышко. В семье хранили память о посещении Дармштадта супругой Александра II императрицей Марией Александровной (1824–1880), которая, увидев маленькую Алису, сказала баронессе А. К. Пилар: “Поцелуйте у нее руку – это будущая ваша императрица”.

Беда пришла неожиданно. В 1878 году в городе вспыхнула эпидемия дифтерии. Болезнь не обошла стороной герцогский дворец. Шестилетняя Алиса потеряла мать. Смерть потрясла девочку – она замкнулась в себе, стала робкой и застенчивой.

Большую часть детства и отрочества Аликс провела у бабушки, королевы Виктории I, в Англии, которая с нежностью опекала и воспитывала внучку. Известно, что королева Виктория не любила немцев и особое нерасположение питала к императору Вильгельму II, что невольно передалось и Аликс. Принцесса много занималась, она оказалась способной ученицей и достигла хороших успехов особенно в истории, географии, ее познания в немецкой и английской литературе намного превышали уровень студента колледжа. Аликс прослушала даже курс лекций по философии и была удостоена степени доктора философии Гейдельбергского университета. Она прекрасно пела и музицировала на фортепьяно, но только в тесном кругу близких.

Условия воспитания определенно отразились на характере будущей императрицы. Французский посол в России М. Палеолог 7 января 1915 г. отмечал в своем дневнике:

«Александра Федоровна, родившаяся немкой, никогда не была ею ни умом, ни сердцем. Конечно, она немка по рождению, по крайней мере, со стороны отца, так как ее отцом был Людвиг IV, великий герцог гессенский и рейнский, но она – англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878 г., будучи шести лет, она потеряла свою мать и с тех пор обычно жила при английском дворе. Ее воспитание, ее обучение, ее умственное и моральное образование также были вполне английскими. И теперь еще она – англичанка по своей внешности, по своей осанке, по некоторой непреклонности и пуританизму,

по непримиримой и воинствующей строгости ее совести, наконец, по многим своим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все, что проистекает из ее западного происхождения.

Основа ее натуры стала вполне русской. Прежде всего и несмотря на враждебную легенду, которая, как я вижу, возникает вокруг нее, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью. И как не быть ей привязанной к этой усыновившей (*так в тексте.* – **В.Х.**) ее родине, которая для нее резюмирует и олицетворяет все ее интересы женщины, супруги, Государыни, матери?

Когда она в 1894 г. вступала на трон, было уже известно, что она не любит Германии и особенно Пруссии».

Вот еще одно мнение, графини М. Э. Клейнмихель: «Немецкое происхождение императрицы также служило причиной для недружелюбного к ней отношения, хотя она, подобно погибшей от руки убийц на Урале сестре ее Елизавете, получила совершенно английское воспитание. Она гордилась тем, что она внучка королевы Виктории...».

Несмотря на то, что на Николая II большое влияние имела его супруга Александра Федоровна, но и ее настойчивые просьбы, как свидетельствуют их личные письма и дневники, далеко не всегда исполнялись императором.

Все считали Николая Александровича однолюбом и примерным семьянином. Брак царской четы оказался счастливым. После рождения дочерей Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии наконец 30 июля 1904 г. «Бог даровал России Цесаревича».

Государыня звала долгожданного единственного сына Солнечным Лучом, Крошкой, Беби, маленьким Агунюшкой. Николай Александрович в своем дневнике часто называет его «наше маленькое сокровище». Однако рядом с долгожданным семейным счастьем соседствовало несчастье. Цесаревич унаследовал таинственную болезнь Гессенского дома – гемофилию (несвертываемость крови). Жизнь мальчика ежечасно была под смертельной угрозой.

В 1913 г., в дни празднования 300-летия дома Романовых, больного цесаревича пронесли перед войсками на руках: «Его рука обнимала шею казака, было прозрачно-бледным его исхудавшее лицо, а прекрасные глаза полны грусти...».

«Когда он был здоров, – вспоминал учитель наследника П. Жильяр, – дворец как бы перерождался: это был луч солнца, освещающий всех. Это был умный, живой, сердечный и отзывчивый ребенок».

Отчаяние родителей породило в них надежду на чудесную силу исцеления сына «старцем и молитвенником» Г. Е. Распутиным (его сейчас, наверное, назвали бы экстрасенсом). Этот человек, хотя и значительно облегчал приступы болезни юного наследника престола, но порой своим поведением и хвастовством о близости к царской семье, в конце концов, благодаря усилиям недоброжелателей дискредитировал себя и Романовых.

Феномен Распутина и «распутинщины» породил целый поток так называемой «желтой» или «бульварной» литературы, особенно в период нескончаемой революции. Часто, критикуя «эзоповым языком» Распутина, некоторые журналисты и многие оппозиционные деятели метили в устои самодержавного строя и в определенный круг властей предержавших. Однако это был только инструмент для достижения поставленной цели по свержению монархии. Об этом можно судить по многим фактам. Вот, например, свидетельство бывшей фрейлины императрицы А. А. Вырубовой в ее воспоминаниях: «Судебное расследование Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства доказало, что политикой Распутин не занимался и у Их Величеств разговоры с ним были всегда на отвлеченные темы и о здоровье маленького наследника». Тем не менее загадочную и скандальную фигуру Григория Распутина общественное мнение тесно связывало с именем императрицы Александры Федоровны, что бросало мрачную тень на всю царскую семью.

Во все усложнявшейся экономической обстановке Первой мировой войны, исподволь возраставшем революционном движении, не прекращавшейся «министерской чехарде» многие видели кризис власти и растущую неспособность Николая II справиться с создавшейся ситуацией. Хотя теперь многим из нас, пережившим тяготы Отечественной войны (1941–1945) или слышавшим о них от близких, кажется странным, что в Российской империи во время Великой войны не было карточной системы, внешний враг во все годы ее сдерживался на дальних подступах и сама победа уже не вызывала никакого сомнения; продолжала функционировать фактически бунтующая против царского правительства Государственная дума, действовали оппозиционные партии и ими организованные Прогрессивный блок, Земский и Городской союзы и т. д. Правда, некоторые из наших соотечественников того времени считали, что будь жив убиенный П. А. Столыпин (1862–1911), этой ситуации могло бы и не быть. Аналогично той далекой эпохе, некоторые наши современники также вспоминают сейчас «отца народов» И. В. Сталина (1879–1953) все с той же целью – решения современных проблем России. Стоит заметить, что правды или истины фактически не знает никто (даже известные историки и «экстрасенсы»), к ней только стремятся приблизиться, изучая все более вводимые в научный оборот исторические источники «спецхранов», включая и воспоминания свидетелей тех или иных событий. Беда в том, что каждый из мемуаристов вроде бы знает «правду», но у каждого из них она своя, т. е. как он ее понимает. Он иногда пытается внушить ту «правду», которая порой грешит перед реальными фактами, а нередко сознательно умалчивая о таковых, очевидно, для достижения своих корыстных целей или оправдания своих опрометчивых поступков. Вернемся к хронологии тех далеких событий, которые раскололи нашу державу и последствия их сказываются до сегодняшнего дня.

В некоторых кругах светского влиятельного общества вызревали традиционные варианты дворцового переворота. Так, французский посол в России Морис Палеолог (1859–1944) в дневниковой записи от 13 августа 1915 г. подробно излагал (со слов бывшего гвардейского офицера) один из вариантов такого плана. Суть его состояла в том, чтобы Николая II оставить на троне как своего рода декорацию, а царицу Александру Федоровну и ее сестру московскую игуменью Елизавету Федоровну сослать в монастырь на Урал; «распутинскую клику» запрятать еще дальше, «в глубь Сибири».

Строились и более радикальные планы даже после убийства Григория Распутина. Например, 5 января 1917 г. на банкете у миллионера Богданова фабрикант Путилов прямо предложил, обращаясь к князю Гавриилу Романову, собрать нечто вроде Земского собора (всю царскую фамилию, лидеров партийных фракций в Государственной думе, представителей дворян, командующих армиями и т. д.), «торжественно объявить императора слабым, непригодным для лежащей на нем задачи, неспособным дальше царствовать и объявить царем наследника под регентством одного из великих князей».

Все эти разговоры стали известны «охранке», царю и его приближенным. Конечно, император Николай II хорошо осознавал, что значит угроза дворцового переворота. Вот свидетельство одного из очевидцев той обстановки, который позднее говорил о Государе: «Казалось, будто он предчувствовал великую катастрофу. Он был подобен человеку, который неудержимо и решившись на все идет навстречу таящейся опасности».

Однако еще большую угрозу не только для династии Романовых, но и для всех устоев Российской империи представляло постепенно возрастающее недовольство простого народа все ухудшающимся материальным положением. Эту ситуацию в своих интересах пытались использовать многие оппозиционные политические партии.

В памяти Николая II еще свежи были уроки грозного 1905 г., когда наказ его отца Александра III о сохранении в неприкосновенности самодержавия был нарушен. И в те дни было много противоречивых советов, как спасти «больную» Россию, – от рецепта дяди царя, великого князя Владимира Александровича: «Лучшее лекарство от народных бедствий

– это повесить сотню бунтовщиков» – до уступок оппозиции и провозглашения конституции. Тогда пришлось пойти на компромисс и, таким образом, спасти положение, но в душе Николая II все протестовало, когда решения навязывались помимо его воли. Недаром граф С. Ю. Витте, отмечая особенности характера императора, сердито говорил писателю А. С. Суворину: «Он не самоволец, а своеволец». Граф Витте недолго любил императора, который нашел ему достойную замену в лице П. А. Столыпина. Это было известно всем. В те времена ходил анекдот, который имел распространение в октябре 1904 г. и злыми языками приписывался опальному главе правительства: «Почему вдруг понадобилась конституция, ограничивающая монархию? Ведь уже десять лет мы имеем “ограниченного царя”!». Парадокс, но сам граф С. Ю. Витте в своих мемуарах перед всеми признавал: «Император Александр III был, несомненно, обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей, и в этом отношении император Николай II стоит гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию».

Трудности на фронтах Первой мировой войны не только ухудшили экономическое, но и обострили политическое положение в стране. Требуя реформ, активизировалась оппозиция в лице либеральной буржуазии и общественности. Представители крупного капитала и финансовых кругов все настойчивее требовали политических уступок от самодержавия. «Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться, – утверждал один из членов Прогрессивного блока В. В. Шульгин. – Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят. Но побежденных судят... За поражения надо платить. Чем? Той валютой, которая принимается в уплату. Надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной».

В ответ на создание «Прогрессивного блока» по повелению императора сессия Государственной думы была распущена досрочно, т. е. 3 сентября 1915 г. Однако превентивная мера не имела успеха. Этот воинствующий «общественный рупор» продолжал действовать, хотя в то время в отличие от Российской империи во многих воюющих странах Западной Европы подобные органы были закрыты или ограничены до окончания войны. Спустя всего год в стенах Думы уже раздали официально на всю страну слова кадеты П. Н. Милюкова «глупость или измена» – о роли Распутина и «безответственных влияниях» императрицы Александры Федоровны. Недаром речи в Государственной думе, прозвучавшие 1 ноября 1916 года и «подпольно» в многочисленных произвольных списках распространявшиеся по всей России, позднее многие называли «штурмовым сигналом революции». Проявляются тревожные симптомы надвигающихся революционных событий, которые были особенно нежелательны и опасны в условиях военного времени и ведения вооруженной борьбы против внешнего врага. Однако деятели оппозиции хорошо помнили, что только благодаря лихолетью Русско-японской войны и революционному движению удалось вырвать часть уступок от правящего режима в свою пользу. Все больше и больше углубляется пропасть между политическими лагерями, между оппозицией и сторонниками самодержавия.

Непримиримую и открытую позицию в этой борьбе заняла супруга Николая II императрица Александра Федоровна. В своих многих письмах (на английском языке) в Ставку (Могилев) она советует, настаивает и требует от мужа решительности и несгибаемости воли. Она платит гневом и презрением тем, кто хоть в какой-то мере пытается покушаться на трон и самодержавие. «Гучков очень болен, – с внутренним ликованием сообщает она мужу 4 января 1916 г., – хотела бы, чтобы он переселился на тот свет». Тон ее писем в сентябре – декабре 1916 г. становится еще более категоричным: «Я бы сослала Львова в Сибирь... отняла бы чин у Самарина... Милюкова, Гучкова и Поливанова тоже в Сибирь...»; «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – сокруши их всех»; «Как бы я хотела, чтобы Родзянко повесили, – ужасный человек и такой нахал». Даже когда революция уже дышала в лицо, 24 февраля 1917 г. Александра Федоровна продолжала настаивать

в своих письмах на жестких мерах: «Я надеюсь, что Кедринского (*правильно: А. Ф. Керенского. – В.Х.*) из Думы повесят за его ужасную речь – это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость».

Одной из причин крушения державы явилось и то, что Императорский Дом Романовых, насчитывавший к тому времени 65 человек, 16 из которых носили титул великого князя, оказался расколотым. Ряд великих князей, обеспокоенных возможными последствиями грядущей революции, возросшим влиянием Распутина и Александры Федоровны на государственные дела, предприняли несколько попыток воздействовать на Николая II. Они считали, что в сложившейся ситуации необходимо пойти хотя бы на частичные реформы, претворяемые в жизнь через «ответственное министерство», и тем самым остановить неумолимый ход назревавших революционных событий, а не откладывать необходимые преобразования до конца войны. Они вспомнили о завете своего Венценосного предка, Царя-Освободителя Александра II (1818–1881): «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу». Эта позиция великих князей была поддержана матерью Николая II – вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Однако все попытки повлиять на «слабовольного» царя казались тщетными.

Убийство Григория Распутина заставило императора 19 декабря 1916 г. покинуть Ставку в Могилеве и вернуться в Царское Село. Гибель «Друга» семейства потрясла императрицу, которая уверовала в предсказание Распутина, что с его смертью «для ее семьи начнутся все беды – муж ее потеряет трон, сын умрет и т. д.».

Вскоре замешанные в этом уголовном деле великий князь Дмитрий Павлович и князь Ф. Ф. Юсупов (младший) были взяты под домашний арест, грозивший им жесткими санкциями. В защиту их было составлено письмо, которое подписали 16 представителей Императорского Дома Романовых. Это лояльное по форме послание было грозным предупреждением Николаю II: оно содержало просьбу смягчить наказание Дмитрию Павловичу – не отправлять его в Персию на фронт, а послать в одно из его имений (Усово или Ильинское). «Венценосные родственники» ясно давали понять, что они целиком поддерживают свершившееся событие, оставляя императору лишь гадать, как далеко они способны зайти в своем отношении к царской семье. Призрак дворцового переворота или «убиенного Павла I», витавший давно в царских покоях и великосветских салонах, мог стать реальностью.

Оказавшись в меньшинстве перед почти единым фронтом родственников, Николай II не пошел на крайние меры (подобно Петру I), но и не отказался от наказания. Его резолюция на коллективном письме гласила: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне».

Великий князь Дмитрий Павлович был выслан в Персию на Кавказский фронт к генералу Н. Н. Баратову, а князь Феликс Юсупов – в собственное имение под домашний арест. Попал в опалу и великий князь Николай Михайлович (1859–1919), который вынужден был отправиться из столицы в краткосрочную ссылку до 1 марта 1917 года в свое имение Грушовка Херсонской губернии. Поводом послужили не только заступничество «за возмутителей спокойствия», но и его вольные разговоры в яхт-клубе, и чрезмерные поучения царя, в том числе в письме, содержание которого с непосредственной подачи великого князя стало достоянием многих из представителей аристократии. Вот некоторые из него строки: «Ты часто выражал волю вести войну до победы. Но неужели же ты думаешь, что эта победа возможна при настоящем положении вещей?»

Знаешь ли ты внутреннее положение империи? Говорят ли тебе правду? Открыли ли тебе, где находится корень зла?

Ты часто говорил мне, что тебя обманывают, что ты веришь лишь чувствам своей супруги. А между тем слова, которые она произносит, – результат ловких махинаций и не

представляют истины. Если ты бессилен освободить ее от этих влияний, будь, по крайней мере, непрерывно настороже против интриганов, пользующихся ею как орудием.

Удали эти темные силы, и доверие твоего народа к тебе, уже наполовину утраченное, тотчас снова вернется.

Я долго не решался сказать тебе правду, но я на это решился с одобрения твоей матери и твоих двух сестер. Ты находишься накануне новых волнений. Я скажу больше: накануне покушения. Я говорю все это для спасения твоей жизни, твоего трона и твоей родины».

Царя буквально обложили со всех сторон требованиями уступок оппозиции и проведения буржуазных реформ. В этом преуспевали не только Государственная дума, «Прогрессивный блок», но и великие князья. Так, 25 декабря 1916 г. великий князь Александр Михайлович (1866–1933) начал (подобно старшему брату Николаю Михайловичу) свое нескончаемое письмо Николаю II, в котором указывал:

«Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством?... Какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, и Россию к неминуемой гибели. Я говорю – тебя и Россию – вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может; но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может; это надо раз навсегда себе усвоить, и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю – палат, потому что существующие механизмы далеко не совершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немыслимо существующее положение, когда вся ответственность лежит на тебе, и на тебе одном... Как председатель, так и все министры должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны... Состоявшиеся... назначения показывают, что ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех твоих верноподданных. Эта политика только на руку левым элементам, для которых положение "чем хуже, тем лучше" составляет главную задачу; так как недовольство растет, начинает пошатываться даже монархический принцип...

Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, что она жаждет, т. е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем сил народных, а следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы ты доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые подлаживаются под что-то непонятное».

Спустя некоторое время, а именно 25 января 1917 г., Александр Михайлович (закадычный и верный друг с детства Сандро), подумав и собравшись с духом, неспешно продолжил свое послание, больше похожее не на дружеский совет, а на философский трактат, как надо управлять Великой державой:

«События показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели; при таких условиях молчать является преступным перед Богом, тобой и Россией.

Недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом... Такое положение продолжаться не может...

В заключение скажу, что, как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, – народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище: революции сверху, а не снизу».

Письмо было получено царем только 4 февраля 1917 года и, казалось, не произвело особого впечатления на Николая II, но настойчивые предостережения и требования окружения, несомненно, подготавливали его к необходимости перемен.

Доклады Охранного отделения Департамента полиции были в унисон общественному мнению и предупреждали об опасности надвигавшихся голодных бунтов: «Озлобление растет, – констатирует охранка 5 февраля 1917 г., – и конца его росту не видать. А что стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех анархической революции, сомневаться не приходится».

Генерал А. И. Деникин (1872–1947), анализируя события, позднее определенно утверждал в «Очерках русской смуты», что борьба «Прогрессивного блока» с царским правительством находила, «несомненно, сочувствие у Алексеева и командного состава». Речи В. В. Шульгина и П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Государственной думе, свидетельствовал он, «читались и резко обсуждались в офицерских собраниях». Один «видный социалист и деятель городского союза» говорил генералу А. И. Деникину, что, побывав впервые в армии в 1916 г., он был поражен, «с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной грязи».

Среди некоторой части приближенных к императору преобладали фатализм и вера в судьбу, а поэтому и пассивное отношение к событиям. «Морской волк», давний друг Государя Николая II адмирал К. Д. Нил (1856–1919) в присущей ему простоватой манере твердил: «Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре – это все равно».

Несмотря на нараставший размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступление войск против правительства невозможным, во всяком случае, до окончания войны. В этом убеждали царя командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов и министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Однако положение все обострялось, последовали аресты некоторых радикальных революционеров. В свою очередь, лидеры оппозиции, почувствовав реальную опасность за свое личное благополучие, начали «сжигать мосты», призывая к открытому бунту. Кризис власти приобрел необратимый характер, царское правительство теряло должный контроль за нарастающими грозными событиями.

По Петрограду стали распространяться слухи, будто Царское Село (резиденция Николая II) приняло решение расправиться с Государственной думой. А. Ф. Керенский писал в воспоминаниях: «Когда 14 февраля открылось заседание Думы, в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной... Я сказал то, о чем думали, но не рисковали говорить открыто депутаты Думы. И заявил, что ответственность за происходящее лежит не на бюрократии и даже не на "темных силах", а на короне. Корень зла, сказал я, кроется в тех, кто сидит на троне... "Я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима". Председатель Думы позднее распорядился об исключении из стенографического отчета этого моего заявления, оправдывающего свержения тиранов. Когда мои слова передали царице, она воскликнула: "Керенского следует повесить!" На следующий день или, быть может, днем позже председатель Думы получил от министра юстиции официальное заявление с требованием лишить меня парламентской неприкосновенности для привлечения к судебной ответственности за совершение тяжкого преступления против государства. Получив эту ноту, Родзянко тотчас пригласил меня в свой кабинет и, зачитав ее, сказал: "Не волнуйтесь. Дума никогда не выдаст вас"».

До председателя Государственной думы М. В. Родзянко дошли сведения, что царь созывал некоторых министров во главе с главой правительства князем Н. Д. Голицыным. На совещании обсуждался вопрос о последствиях возможного решения «о даровании ответственного министерства». Может быть, Николай II желал показать правительству, что над ним тоже занесен «дамоклов меч», как и над принципом самодержавия, чтобы подтолкнуть на решительные меры? А может, просто прощупывал настроения министров, их отношение

к обострявшейся ситуации? Совещание показало, что князь Н. Д. Голицын был бы доволен, если бы дело обернулось так, что с него сняли бы непосильную ношу. Но вечером 20 февраля его снова вызвали в Царское Село. Николай II сообщил ему, что уезжает на короткое время в Ставку. Когда же он осмелился напомнить царю, что тот собирался ехать в Думу и говорить «о даровании ответственного министерства», Николай II спокойно ответил, что изменил свое решение.

Что вызвало изменение решения? Об этом можно только догадываться. Известно, что в Ставку (Могилев) после продолжительной болезни вернулся генерал М. В. Алексеев. Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) передал во время разговора с венценосным братом в Царском Селе, что в Ставке выражают недовольство его длительным отсутствием. Возможно, сам Николай II еще раз решил взвесить все аргументы и прояснить обстановку до конца, прежде чем сделать такой ответственный шаг.

Накануне отъезда в Могилев, как видно из дневника Николая II, поздно вечером он принял министра внутренних дел Протопопова. По некоторым сведениям, царь сообщил А. Д. Протопопову, что генерал В. И. Гурко вместо кавалерийских полков лейб-гвардии, о направлении которых в Петроград он распорядился, послал туда морскую гвардию. Заметим, что Гвардейским Экипажем в тот момент командовал великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938), который своим отношением к Николаю II вызывал определенные опасения. Царь собирался осуществить ранее намеченную переброску верных войск и конной лейб-гвардии в столицу. Перед тем как покинуть Петроград, Николай II подписал указы Сенату как об отсрочке заседаний, так и о роспуске Думы, не поставив на обоих документах даты, и вручил их на непредвиденный случай главе правительства князю Н. Д. Голицыну. Однако министр внутренних дел А. Д. Протопопов просил царя не задерживаться в Могилеве без крайней необходимости и заручился его обещанием возвратиться не позднее, чем через восемь дней.

Генерал В. И. Гурко (1864–1937), который замещал в штабе Ставки в Могилеве во время болезни генерала М. В. Алексеева, в своих эмигрантских мемуарах «Война и революция в России» (Берлин, 1921) так позднее описывал эти события:

«Очень вероятно, что никому из людей, с которыми мне случалось обсуждать эту тему, ничего не было известно ни о положении дел в промышленных центрах, ни о том, какого рода пропаганда ведется среди рабочих. Я и сам пребывал на этот счет в неизвестности, однако можно предположить, что положение было отнюдь не спокойное, поскольку, как стало известно после революции, в это самое время петроградская полиция по приказу Протопопова обучалась стрельбе из пулеметов. Совершенно ясно, что правительство не могло рассчитывать на надежность петроградского гарнизона, хотя его численность была тогда необычно высока и достигала 160 тысяч человек. В мирное время столичный гарнизон никогда не доходил даже до 40 тысяч. Однако император, как видно – по просьбе Протопопова распорядился направить на отдых в Петроград две конные дивизии, включая одну гвардейскую из Особой армии. Справившись у командующего войсками округа генерала Хабалова, я выяснил, что в городе нет места для расквартирования даже одного кавалерийского полка, не говоря уже о двух дивизиях.

Тогда император ограничился присылкой с побережья Черного моря Гвардейского флотского экипажа, который был расквартирован по деревням в окрестностях Царского Села».

Таким образом, проведя 66 дней в столице, выслушав все доводы противостоявших сторон, Николай II, оставив заболевших корью детей, в 14 часов 22 февраля 1917 г. выехал из Царского Села в Ставку (Могилев).

В связи с обострением политического положения в стране царь вскоре принял решение прервать заседания Государственной думы. Первые сообщения из Петрограда о стачках

и беспорядках были расценены им как вспышки бунта голодного населения и проявление недовольства в связи с перерывом заседаний Думы. Когда в Ставку пришла тревожная телеграмма председателя Думы М. В. Родзянко о начале революции, Николай II (по некоторым свидетельствам) сказал министру Императорского двора графу В. Б. Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

Тем не менее, вечером 26 февраля Хабалов и Протопопов получили от царя из Ставки телеграфное предписание: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. *Николай*».

В Петрограде царское правительство и военные власти были в полной растерянности. Так, позднее, 22 марта 1917 года на допросе ЧСК Временного правительства генерал С. С. Хабалов (1858–1924) признавался:

«Эта телеграмма, как бы вам сказать? – быть откровенным и правдивым: она меняхватила обухом... Как прекратить завтра же?.. Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили «хлеба дать», дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись «долой самодержавие!», – какой же тут хлеб успокоит!» (*орфография и специфика оригинала; так в тексте. – В.Х.*).

В депешах военных властей Петрограда в Ставку (Могилев) не сообщалось об истинных причинах, послуживших толчком к революционному взрыву, который в конечном итоге и привел к государственному перевороту. Князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1938), принадлежавший к радикальному крылу кадетов, писал в воспоминаниях: «Вспыхнувшая в конце февраля 1917 г. революция не была неожиданностью. Она казалась неизбежной. Но никто не представлял себе, как именно она произойдет и что послужит поводом для нее... Революция началась с бунта продовольственных "хвостов", а этот бунт вспыхнул потому, что министр земледелия Риттих, заведовавший продовольствием Петербурга, испугавшись уменьшения подвоза хлеба в столицу, отдал распоряжение отпускать пекарням муку в ограниченном размере – по расчету 1 фунт печеного хлеба в день на человека. Ввиду сокращения хлебных запасов эта мера была вполне разумной, но лишь при одновременном введении системы хлебных карточек... Все были уверены, что начавшийся в Петербурге бунт будет жестоко подавлен... 26 февраля Керенский был уверен в том, что не сегодня завтра его арестуют... Но этот ряд стихийно-хаотических действий создал перелом в истории России, перелом, называемый Февральской революцией. На следующий день открылась новая страница русской истории».

Такого же мнения был кадет В. Д. Набоков: «Происходившее нам казалось довольно грозным... Тем не менее, еще 26-го вечером мы были далеки от мысли, что ближайшие два-три дня принесут с собою такие колоссальные, решающие события всемирно-исторического значения».

События развивались по туго закрученной спирали сценария будто бы современного детектива. Революция в Петрограде началась 23 февраля. Но только 27-го власти сообщили в Ставку о своей неспособности контролировать ситуацию и запросили помощи с фронта. По распоряжению Николая II в ночь с 27 на 28 февраля в столицу направляются Георгиевский батальон и другие воинские части под командованием генерала Н. И. Иванова (1851–1919). С каждого фронта (не в ущерб общей военной обстановке) было снято и дополнительно снималось еще несколько пехотных и кавалерийских полков, общей численностью в две дивизии. В Царское Село выезжает и сам царь.

Тактику жестких мер против бунтовщиков в военное время поддерживала и императрица Александра Федоровна: «Если мы хоть на йоту уступим, завтра не будет ни Государя, ни России, ничего!.. Надо быть твердыми и показать, что мы господа положения».

Любопытна реакция на создавшуюся острую ситуацию в Петрограде французского посла Мориса Палеолога, который записал в дневнике: «Сессия Думы отложена на апрель,

и мы отправили императору телеграмму, умоляя его немедленно вернуться. За исключением г. Протопопова, мои коллеги и я полагали, что необходимо безотлагательно установить диктатуру, которую следовало бы вверить генералу, пользующемуся некоторым престижем в глазах армии, например, генералу Рузскому». И далее указывает: «немедленное назначение министерства, внушающего доверие Думы, мне кажется более, чем когда-либо необходимым; поэтому нельзя больше терять ни одного часа».

В непримиримой схватке столкнулись силы, требовавшие более или менее радикальных общественных перемен, и силы, пытавшиеся сохранить самодержавную систему. Страна стремительно раскалывалась на враждебные лагеря. Обер-гофмейстерина императрицы княгиня Е. А. Нарышкина (1838–1928) констатировала в своем дневнике: «Император думает и работает только для своей неограниченной власти. Увы, увy, у него в будущем отнимут гораздо больше, чем он должен был бы отдать добровольно, обеспечив себе популярность и любовь своего народа...».

Обстановка всего за несколько часов изменилась не в пользу самодержавия. 1 марта Николай II сделал запись в дневнике: «Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина (*гарнизон Гатчины около 20 тыс. оставался верен присяге. – В.Х.*) и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»

Дневник свидетельствует, что Николая II тревожили и благополучие, и здоровье семьи. Перед его отъездом из Царского Села один за другим тяжело заболели корью сын и дочери, и это не прибавляло ему душевных сил. А впереди была серьезная политическая и силовая схватка за власть.

Об этих событиях позднее делился воспоминаниями генерал А. С. Лукомский (1868–1939), который, в частности, указывал:

«Создалось ужасное положение: связь Ставки с Государем потерялась, а Государя явно не желают, по указанию из Петрограда, пропускать в Царское Село. Наконец Государь решил ехать в Псков. В Псков Государь прибыл вечером 1/14 марта.

Что, собственно, побудило Государя направиться в Псков, где находился штаб Главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского, а не вернуться в Ставку в Могилев? Некоторые объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на Северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского. Возможно, конечно, и это, но более вероятно, что Государь, стремясь скорей соединиться со своей семьей, хотел остаться временно где-либо поблизости к Царскому Селу, и таким пунктом, где можно было иметь хорошую связь и со Ставкой и с Царским Селом, был Псков, где находился штаб Северного фронта».

Николай II, которому восставший народ и мятежные части столицы, а также распространяемая злонамеренная дезинформация фактически закрыли путь на Петроград, пытался изменить тактику. Политический компромисс, уступка оппозиции в ее требовании создания «ответственного министерства» (перед Государственной думой) даются императору в нелегкой борьбе с самим собой. Генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» позднее писал: «Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; Государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему указ об ответственном министерстве. “Я знал, что этот компромисс запоздал, – рассказывал Рузский... – но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от Исполнительного комитета Государственной думы”».

Со стороны генерал-адъютанта Н. В. Рузского, нам кажется, приведен довольно странный и сомнительный аргумент, т. к. он давал присягу на верность императору и армия (по действующему положению) должна быть вне политики. В данном случае просматривались явные элементы наличия заговора и нарушения присяги.

В эмигрантских воспоминаниях (Нью-Йорк, 1955; М., 1990) известного кадета П. Н. Милюкова (1859–1943) об этих событиях читаем: «На следующий день, 28 февраля, положение окончательно выяснилось. Мы были победителями. Но кто – “мы”? Масса не разбилась. Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. Дума, как помещение – или Дума, как учреждение? Родзянко хотел понимать это, конечно, в последнем смысле и уже чувствовал себя главой и вождем совершившегося. На его последнюю телеграмму царю, что “решается судьба родины и династии”, он получил 28 февраля ответ, разрешающий ему лично сформировать ответственное министерство. Вплоть до 2 марта он в телефонном разговоре с ген. Рузским держался за это предложение и объявлял, что “до сих пор верят только ему и исполняют только его приказания”, – хотя в то же время и признавался, что “сам висит на волоске, власть ускользает у него из рук и он вынужден был ночью на 2-е назначить Временное правительство”. Только в виде информации он передал Рузскому о “грозных требованиях отречения (царя) в пользу сына при регентстве Михаила Александровича”. Вплоть до 3½ часа 2 марта царь готов был отослать телеграмму в этом смысле, подчиняясь советам начальников фронтов. События разворачивались быстро и оставляли позади всю эту путаницу. Тем не менее в течение этих дней фикция победы Государственной Думы, как учреждения, поддерживалась ее председателем».

События «великой и бескровной Февральской революции» оказались для многих полной неожиданностью. Позднее к этим событиям проявлялся интерес со стороны многих вынужденных эмигрантов из России в течение еще длительного периода. Так, например, бывший депутат Государственной думы, земец-октябрист Н. В. Савич (1869–1942) в дневниковой записи от 8 марта 1921 года зафиксировал: «Видел Крыжановского. Он рассказывал о первых днях революции и о днях им предшествовавших. Уверял, что Родзянко был посредником между революционным комитетом князя Львова и рабочими и что Трепов настаивал пред государем об аресте Родзянко, Гучкова, Алексеева, причем представил переписку этих лиц с ген. Рузским о предполагавшемся перевороте. Государь показал эту переписку ген. Алексееву, который дал честное слово солдата, что письма эти подложные. После этого государь говорил, что верит этому слову и что у него гора свалилась с плеч. За эту достоверность он поплатился головой».

Год спустя, т. е. 29 апреля 1922 г., тот же октябрист Н. В. Савич вновь записал в дневнике: «Разговаривал с Гучковым о днях революции и отречении государя. Он мне рассказал любопытные подробности. За некоторое время до переворота государь стал плохо относиться к Алексееву и под влиянием Александры Федоровны и ее окружения задумал заменить его Рузским. В то время у Алексеева уже началась болезнь простаты, лечил его ассистент профессора Федорова и залечил так, что болезнь явно обострилась. Два доктора обратились тогда к Базили, предупреждая последнего, что Федоров и его ассистент умышленно растрavляют болезнь Алексеева, чтоб вынудить отставку последнего. Базили предупредил тогда зятя Алексеева. Вскоре Алексеев уехал в отпуск, устроив на свое место Гурко. Дней за 20 до революции Алексеев писал Гурко, прося исхлопотать ему продолжение отпуска. На это государь ответил, что не только не возражает против продолжения отпуска, но считает, что Алексеев вообще мог бы заняться серьезно лечением, не думая о возвращении. Узнав об этом, Алексеев поспешил вернуться. По мнению Гучкова, в то время не было частей в армии, кои были способны задавить восстание в Петербурге. Недаром за три дня до начала беспорядков, кончившихся революцией, под влиянием волнений на фабриках от частей гвардии были высланы по роте от полка для поддержания порядка в Петербурге.

Офицеры этих частей со слезами на глазах заявляли герцогу Лейхтенбергскому (по словам Гучкова), что их части стрелять в народ не будут. Хотели тогда выслать первую гвардейскую кавалерийскую дивизию, но посылка ее была отменена по требованию из Петербурга, где не верили в ее лояльность. Гурко, узнав о такой отмене, заявил, что теперь все проиграно».

В известной на западе книге русского историка-эмигранта Георгия Михайловича Каткова (1903–1985) «Февральская революция» имеется раздел, посвященный заговору Гучкова, где говорится: «Нигде влияние масонского движения не приобретало более важного значения, чем в подготовке государственного переворота с целью покончить с правлением Николая II. /.../. Масонское движение состояло по преимуществу из республиканцев. Гучков был монархистом. Он хотел свергнуть Николая II с целью консолидации монархии, после чего приобрел бы в новых условиях ведущую роль. Ни методы, ни конечная цель Гучкова не были характерны для масонов, которые были призваны составить ядро Временного правительства и вскоре после его формирования отделаться от Гучкова. Правда, как признает мадам Кускова, масоны стремились обеспечить для дела революции поддержку влиятельного правительства, общества и двора. В движение вовлекались многие высокопоставленные бюрократы и деятели, принадлежавшие к высшему обществу. Очевидно также, что масонское влияние глубоко проникло в армейские круги, особенно в гвардию, один из представителей которой, генерал Крымов, должен был сыграть важную роль в замышляемом Гучковым заговоре. Вот где связи с масонами приобретали для Гучкова первостепенную важность! И он, без сомнения, использовал их максимально».

Мало кому известно, но была предпринята еще одна отчаянная попытка к спасению трона. 1 марта 1917 г. был составлен проект любопытного документа – «Манифест великих князей», в котором от имени царя предполагалось провозгласить следующее:

«...Поручаем Председателю Государственной думы немедленно составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи».

Под этим документом поставили свои подписи великие князья: Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и Павел Александрович. Однако время ушло. Проект так и остался проектом.

Следует отметить, что вместо поддержки Николая II или нейтралитета по отношению к нему, великий князь Кирилл Владимирович предпринял неожиданные шаги, которые имели пагубные последствия для судеб монархии и России. Так, дворцовый комендант Императорского дворца генерал-майор В. Н. Воейков (1868–1947) писал об этих событиях: «Великий князь Кирилл Владимирович, с царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече, явился 1-го марта в 4 часа 15 мин. дня в Государственную думу, где отрапортовал председателю Думы М. В. Родзянко: “Имею честь явиться Вашему Высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ. Я желаю блага России”, – причем заявил, что Гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной думы».

Этот шаг, по мнению многих аристократов, был равносителен предательству. Позднее сторонники монархии, оказавшись в эмиграции, с горечью констатировали, подобно генералу Н. А. Епанчину (1857–1941), что некоторые «Великие князья изменили Государю дважды: и как Императору, и как Главе Императорского Дома». Графиня М. Э. Клейнмихель (1846–1931) в своих эмигрантских мемуарах «Из потонувшего мира», описывая первые дни Февральской революции, по этому поводу сетовала: «На следующее утро я вышла узнать, что происходит. Я узнала новости, радостные для одних и горестные для других; я слышала много речей, и когда я увидела во главе Гвардейского экипажа великого князя Кирилла Владимировича, революционная осанка которого восхищала солдат, я поняла, что династии

нанесен тяжелый удар. Впоследствии говорили, что великому князю посоветовал так поступить английский посол. Я уверена, что Кирилл не раз, впоследствии, в этом раскаивался».

В Пскове оппозиция, прежде всего в лице М. В. Родзянко, фактически предъявила Государю Николаю II ультиматум, который поддержали генералы Рузский и Алексеев от имени Ставки. Император, оказавшись в силу разных обстоятельств в штабе Северного фронта у генерала Н. В. Рузского в Пскове, пытался найти политический компромисс и боролся до конца. «Основная мысль Государя, – излагал позднее Рузский в интервью журналистам, – была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку...”. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, – все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей». Нам, читателям этих строк, с позиций уже сегодняшнего дня остается констатировать, что император Николай II оказался прав.

Последовавшие события нашли отражение не только в воспоминаниях Д. Н. Дубенского, но и в мемуарах генерала А. И. Деникина: «Рузский представил Государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан...».

Поздно вечером 2 марта в Псков приехали представители Думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Разговор Николая II с ними описан во многих мемуарах. Царь, внимательно выслушав сообщение делегатов о положении дел в Петрограде, заявил: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я не способен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата». Еще до отречения он под давлением генералов Н. В. Рузского и М. В. Алексеева дал телеграфное распоряжение генералу Н. И. Иванову не предпринимать никаких военных действий, вернул верные пехотные полки и кавалерийские части на фронт.

Отречение Николая II от престола за себя и несовершеннолетнего сына Алексея в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича явилось для всех полной неожиданностью. Это решение было непростым и для самого Николая Романова. 2 марта он записал в дневнике: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев – всем главнокомандующим. К 2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»

Вместе с тем отречение Николая II за себя и за своего сына Алексея было очевидным нарушением закона о престолонаследии, так как царь не мог отречься за прямого наследника. Многие видели в этом шаге бывшего царя тайный смысл, то есть намерение в дальнейшем отказаться от этого акта как не имеющего законной силы. Так, например, кадет П. Н. Милюков (1859–1943) прямо позднее писал: «Отказ в пользу брата недействителен, и это

есть трюк, который задуман был и осуществлен в отсутствие царицы... При условии передачи власти Михаилу легче было впоследствии истолковать весь акт как недействительный». Но однако нам не следует забывать, что по законам Российской империи и сам монарх не имел права отречься от престола, о чем все сведущий Милюков почему-то умолчал.

Любопытные и противоречивые сведения об отречении Николая II приводит в своих воспоминаниях генерал А. А. Брусилов, ссылаясь на рассказ генерала Н. В. Рузского. Читаем эти строки, относящиеся к периоду времени августа 1917 года:

«В это время собрался в Москве съезд общественных деятелей. Я выступал и объяснял подробно положение армии и дух ее. Причем не скрывал, что она находится в ужасном виде и положение ее безнадежно. В том же духе докладывали о положении дел на фронте и генералы Алексеев, Рузский, Юденич и Каледин. Кажется, в тот же день или на другой у меня обедали ген. Рузский и Каледин. Это было в последний раз, что я их видел, не подозревая об этом тогда. /.../

Ген. Рузский рассказывал нам много подробностей о своем пребывании в царском поезде во время отречения Николая II в Пскове. У него была собственноручная записка государя, которую он ему прислал через час после отречения. Государь колебался и просил его остановить дело. Он писал, что вопрос о наследнике следует переделать. Но было уже поздно, телеграммы были уже разосланы по всей России. Тяжело было и у Рузского на душе, но он не был так безысходно мрачен, как Каледин».

Вот еще одно свидетельство. Генерал А. И. Деникин красочно позднее описывал в своих мемуарах переживания Николая II после отречения, сообщая отдельные неизвестные ранее детали событий:

«Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II – отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве при свидании с Алексеевым он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, нерешительно сказал:

– Я передумал. Прошу Вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно.

Телеграмму эту Алексеев, “чтобы не смущать умы”, никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование.

Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки».

Стоит подчеркнуть, что генералы А. И. Деникин, Н. В. Рузский и М. В. Алексеев, на наш взгляд, в этом случае (сознательно или нет) были не правы, указывая: «Было слишком поздно». Отречение Николая II было бы окончательным только после принятия и опубликования Сенатом соответствующего Манифеста, что определялось основным законодательством Российской империи. Манифест на тот момент еще не был опубликован. При желании было время все изменить в пользу цесаревича Алексея, который мог занять место на Российском Престоле, что якобы все ожидали и к чему стремились. На самом же деле, более вероятно, деятели Временного правительства прежде всего стремились придать своей власти хоть какие-нибудь черты легитимности, а править они уже собирались сами, поспешив вскоре избавиться даже от Государственной думы.

Растерянность и смятение Николая II можно объяснить его ответственностью не только за будущее России, но и за судьбу сына Алексея. Имел ли он моральное право решать за него? Это и накладывало определенную печать на все последующие его действия.

Тревожные известия об отречении Государя докатились между тем и до царской семьи в Александровском дворце. Государыня Александра Федоровна болезненно переживала это известие. Пьер Жильяр (1879–1962), находившийся при наследнике Алексее, вспоминал:

«Около полудня до дворца доходит вестъ об отречении императора. Императрица об этом тоже узнает, но с негодованием отвергает этот слух как злостную выдумку. Немного погодя приходит великий князь Павел и эту вестъ подтверждает. Сомнений нет. Император отрекся накануне вечером в Пскове в пользу своего брата Михаила Александровича. Отчаяние императрицы беспредельно, но ее огромное мужество ее не оставляет. Она пришла, как обычно, к своим детям, чтобы ничего не смущало больных, которые ничего не знают о том, что произошло со времени отъезда государя в Ставку. Поздно ночью мы узнаем, что великий князь Михаил тоже отрекся, что судьбу России должно решить Учредительное собрание.

На следующий день я встречаю императрицу у Алексея Николаевича. Она спокойна, но очень бледна...».

Уже на второй день после отречения Петроградский исполком, учитывая требования многочисленных митингов и собраний, постановил арестовать царскую семью и великих князей. Через несколько дней под давлением Петросовета принимает почти аналогичное постановление об аресте царской семьи и Временное правительство.

Романовых и Россию ожидали тяжкие испытания...

Лидеры оппозиции, критиковавшие самодержавие, оказались на самом деле лишь «временщиками» и плохими «управленцами», не способными вывести из охватившей страну политической анархии и экономического хаоса. Не лучше было и положение на фронте. Романовы в этот период «нового порядка» были отодвинуты на второй план, но продолжали оставаться в роли «громоотвода» при кризисных политических ситуациях.

Временное правительство назначило Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений царских сановников, но, несмотря на пристрастное следствие, было вынуждено признать, что все обвинения и нападки на Николая II и его супругу, в т. ч. по подготовке «сепаратного мира» с немцами, не имели фактического основания. Тем не менее, арест с царской семьи снят не был и начавшийся крестный путь в Тобольск завершился плахой в Екатеринбургe.

Государственный переворот в России вызвал огромный интерес во всем мире. В западноевропейской прессе проявилась особенно отчетливая тенденция представлять революционные события в Петрограде как антигерманский переворот, произведенный из патриотических целей под руководством Государственной думы. Так, например, заголовок в лондонской газете «Таймс», зачастую воспринимаемой как полуофициальный орган министерства иностранных дел Великобритании, приветствовал эти события как «победу в военном движении», и редакторский комментарий пояснял, что «армия и народ объединились, чтобы свергнуть силы реакции, которые удушали народные стремления и связывали национальные силы».

Исследователь Роберт А. Уорт в своей книге «Антанта и русская революция» по этому поводу пишет: «Своевременность революции была особенно отмечена Соединенными Штатами, в то время как раз готовившимися к крестному походу с целью «обезопасить мир для демократии». Хотя вряд ли Америка вступила в войну в результате свержения царизма /.../ Почти все без исключения американские газеты и журналы приветствовали новую Россию и продолжали это делать еще долго после того, как в британскую и французскую прессу стали проникать критические замечания. Для бостонской “Транскрипт” революция была “кошмаром, вскормленным грудью либерального мира”, тогда как далласская “Ньюс” выражала чувства нации, заметив, что революция “дает политическое и духовное единение союзу противников Германии, которого до сих пор недоставало по той причине, что демократия находилась в одной лиге с автократией”».

Известный английский государственный деятель Уинстон Черчилль (1874–1965) позднее писал в своих мемуарах о Первой мировой войне и российском императоре:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак – флотом. Кроме того, – никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами – держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.

...В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать, как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерять по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начерчивал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот – поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусилевские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, – тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру – к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех его любящих предадут на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; его действия осуждают; его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых; людях честолюбивых и гордых духом; отважных и властных – недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями».

Однако были и другие высказывания о Николае II – английского политического деятеля Д. Ллойда Джорджа (1863–1945), которые часто цитировали в советские времена: «Заговорами, свергнувшими царизм, были, в сущности говоря, царица и Распутин; помощь в свержении царизма им оказали неспособные министры, которых сами выдвигали и которым оказывали поддержку царица и Распутин. Царь, сам того не сознавая, был главою заговора... Существовала корона, но без головы».

Британский посол в Париже Ф. Берти, узнав о революционных событиях в Петрограде и государственном перевороте в Российской империи, с удовлетворением констатировал в своем дневнике: «Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Украины и т. д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку».

Эти высказывания почти вековой давности известных западных политиков (бывших наших союзников по Антанте), к сожалению, остаются для нас актуальными до сегодняшнего дня, несмотря на все произошедшие глобальные перемены в нашей стране.

Посеявшие ветер Февральской революции пожали бурю Октября, которая не только разрушила радужные перспективы, но поломала и оборвала судьбы многих, привела страну на грань катастрофы. Известно, что год спустя, незадолго до смерти, бывший начальник штаба Царской Ставки М. В. Алексеев (1857–1918), стоявший у истоков организации Белого движения, говорил, что «никогда не прощу себе» той роли, которую он сыграл в отречении царя. Многие из уцелевших политических и военных лидеров России, оказавшись за кордоном, еще долго изводили перья, чернила и бумагу, пытаясь задним числом оправдать свои поступки и действия, просто и коротко определявшиеся – «государственная измена».

В. М. Хрусталеv Жизненный путь автора воспоминаний генерал-майора Свиты Императора Дмитрия Николаевича Дубенского

Дубенский Дмитрий Николаевич (1857–1923) – из дворян, родился 26 октября 1857 г. Воспитанник Александровского военного и Михайловского артиллерийского училищ. Был произведен в офицеры в 1880 г., определен в 3-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. В 1884 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но курса не окончил по болезни. Он в 1885 г. перешел в Главный штаб, где прослужил на различных должностях (в том числе делопроизводителем мобилизационного отдела) до 1904 г., когда был назначен штаб-офицером для поручений при начальнике Главного штаба. В Главном штабе занимался актуальными для того времени проблемами: военно-конной повинностью и производством военно-конных переписей (с 1888 по 1904 г.). Являлся секретарем издания «Русский Инвалид», написал учебное пособие «Коннозаводство и перевозочные средства», по которому готовились офицерские кадры Николаевской академии Генштаба. Ему также было поручено обследование коневодства Кавказа, киргизских и калмыцких степей, Сибири, юга и центра России, а также губерний Царства Польского. В 1909 г. он вышел в отставку с производством в чин генерал-майора. Издатель-редактор с 1900 г. народной газеты «Русское Чтение», которая пользовалась популярностью рядовых читателей и была широко распространена особенно среди крестьян и в войсках. Во время Русско-японской войны (1904–1905) Дубенский издавал еженедельный роскошно иллюстрированный журнал «Летопись войны с Японией». Им было издано также много популярных, так называемых – военно-народных книг и картин. Из них наиболее известны: «История России в картинах», «История русского солдата», «Царствование Дома Романовых» и др. С 1 января 1912 г. он вновь был определен на военную службу генералом для особых поручений при Главном управлении государственного коннозаводства. Состоял с 24 января 1912 г. при Главном управлении государственного коннозаводства, а с 15 июня 1915 г. стал членом совета этого же Главного управления. В годы Первой мировой войны – издатель-редактор иллюстрированного журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.». С октября 1914 года был прикомандирован для «Высочайшего сопровождения» Государя Императора Николая II в поездках по фронтам и в Ставку Верховного Главнокомандующего.

Эти поездки нашли также отражение в воспоминаниях некоторых членов Свиты Императора, в частности жандармских генерал-майоров В. Ф. Джунковского (1865–1938) и А. И. Спиридовича (1873–1952), где иногда упоминается и имя военного историографа Д. Н. Дубенского. Так, например, А. И. Спиридович, который отвечал за личную безопасность Государя Николая II, позднее писал о таких путешествиях по стране:

«21 октября [1914 г.] исполнилось 20 лет царствованию Государя. Утром Их Величества приобщились Св. Тайн в Федоровском соборе. День был яркий, солнечный. Через несколько часов императорский поезд нес Государя в действующую армию. Его Величество сопровождали все лица первой поездки, кроме графа Фредерикса и Мосолова. Новым был Сабчин (*вероятно, опечатка, правильно: Саблин. – В.Х.*). В поезде «Литера Б» также был новый человек, отставной генерал Дубенский, которому было поручено составление описаний поездок Государя. Его прикомандировали к канцелярии министра двора, и в поездках он подчинялся непосредственно барону Штакельбергу. Купе генерала было соседним с моим, и мы стали сходитьсЯ с ним с первых же дней. Генерал внес в наше общество све-

жую струю. В первый же вечер, когда мы собрались после обеда в гостиной, Дубенский стал расспрашивать о Распутине, о том, почему он играет такую важную роль при дворе и т. д. Было так неожиданно и странно коснуться именно этой темы, о которой мы никогда между собой не говорили. Мы все ему разъясняли, что никакого влияния Распутин не имеет, что все это сплетни. Но в нашем поезде столкнулись два разных мнения. То же было и в царском поезде. Там новизну внес лейб-хирург Федоров. Женатый на москвичке из купеческой семьи он хорошо знал среду купечества и много говорил о его силе и укрепляющейся власти. Имена Рябушинских, Второвых, Гучковых и других москвичей пересыпали речь Федорова. Много там было неясного, недоговоренного, что уразумелось только потом» (*Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция (1914–1917)*. Минск, 2004. С. 20–21).

В начале 1915 года Д. Н. Дубенский получил ответственное и конкретное задание Министерства Императорского двора описать и опубликовать «деяния Государя Императора Николая II во время Великой войны». Он состоял генерал-майором в Свите Императора в качестве официального историографа, сопровождал Государя в поездках в Ставку и на фронт. Вышли 4 выпуска подготовленного им издания: «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии» за 1914 – февраль 1916 г. Более поздний период за 1916–1917 гг. этого издания был также подготовлен, но не успел выйти из печати в связи с крушением Российской империи.

Имя Д. Н. Дубенского иногда встречается в личной переписке и дневниках Царской семьи. Так, например, императрица Александра Федоровна в письме № 422 от 7 января 1916 года (Государыня во время мировой войны писала на английском языке и нумеровала все свои письма к супругу) сообщала Николаю II в Ставку (Могилев) следующее:

«Н.П. [Саблин] ехал в одном вагоне со стариком Дубенским, который очень откровенно говорил с ним о старой Ставке и поведал ему все эти истории и “милые” вещи насчет толстого Орлова и насчет планов, бывших у последнего и у других. Все это совпадает с тем, что говорил наш Друг. – Расскажу тебе при свидании». И продолжает эту тему на следующий день, т. е. 8 января, в своем письме: «Смотри, когда увидишь Дубенского, то незаметно наведи разговор на тему о толстом Орлове и заставь его высказаться относительно последнего, если у него хватит храбрости обличить низость человека, который впутывает и других из старой Ставки, слишком высокопоставленных. /.../ Расспроси и про Дрентельна, который готовил для меня монастырь. Дж. и Орл. (имеются в виду В. Ф. Джунковский и В. Н. Орлов. – В.Х.) следовало бы прямо сослать в Сибирь. По окончании войны тебе надо будет произвести расправу. – Почему это должны оставаться на свободе и на хороших местах те, кто все подготовил, чтоб низложить тебя и заточить меня, а также Самарин, который сделал все, чтоб натворить неприятностей твоей жене? А они гуляют на свободе, и так как они остались безнаказанными, то многие думают, что они уволены были несправедливо. Противна эта человеческая лживость, – хотя я давно это знала и высказывала тебе мое отношение к ним» (*ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1150*; Переписка Николая и Александры Романовых. 1915–1916 гг. М.; Л., 1925. Т. IV).

Поясним, что речь в упомянутых письмах царицы идет о зарождении и постепенно тайно зревшем заговоре дворцового переворота, в подготовке которого подозревался и великий князь Николай Николаевич.

Между прочим, в дневнике Александры Федоровны от 27 января 1916 года имеется любопытная помета на английском языке о том, что у нее в 2 часа дня был Дубенский. (*ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332*). Однако более подробные сведения об этой встрече в дневнике отсутствуют.

Зато в этот же день (27 января 1916 г.) старшая сестра милосердия лазарета Ее Императорского Величества Валентина Ивановна Чеботарева (1879–1919) записала в своем дневнике некоторые слухи, которые ходили в Царском Селе:

«Вчера у Краснова Петра Николаевича был генерал Дубенский, человек со связями и вращающийся близко ко Двору, ездит все время с Государем, уверяет, что Александра Федоровна, Воейков и Григорий (*имеется в виду Распутин. – В.Х.*) ведут усердную кампанию убедить Государя заключить сепаратный мир с Германией и вместе с ней напасть на Англию и Францию». (Из дневника В. Чеботаревой. 1916 год. / Новый журнал. № 181. Нью-Йорк, 1990).

Упоминается имя Дубенского и в дневнике императора Николая II. Вот одна из подобных поденных записей за 1916 год: «6-го февраля. Суббота. Всю ночь и утро мело на дворе, снега выпала масса. Доклад был не особенно продолжительный. После завтрака принял Дубенского. Читал, погулял полчаса и писал Аликс. После чая поехал ко всенощной. От 9 ч. до 9½ [ч] у меня был ген. бар. Ропп с докладом по командировке на М. В. Р. жел. дорогу. Переехал в поезд». (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 264; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 571).

Д. Н. Дубенский был хорошо известен и царским детям. Так, например, наследник престола цесаревич Алексей Николаевич 18 июля 1916 года записал в своем дневнике в Ставке в Могилеве: «Грязевая ванна. Играл и читал. Ген [ерал] Дубенский привез с фронта две алюминиевых ложки и осколки от 6 [-дюймового] снаряда, а также головку от дистанционной германской трубки. Прогулка по Днепру. Играл с Макаровым. П.В. П [етров] мне читал про деревенских школьников. Уехал в Царское Село Вл. Ник. [Деревенко]. Вечером писал (плохо) и читал. Лег в свое время. Получил письмо от Жилика» (ГА РФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 189).

Жандармский генерал-майор А. И. Спиридович в своих воспоминаниях писал о Д. Н. Дубенском следующее: «И жизненный опыт Дубенского, его почтенные года, и долголетняя его журнальная и издательская работа, и знание военных кругов и Петрограда вообще – все это увеличивало ценность его суждений. Я знал, что у него два сына в гвардии. Один служил с Великим князем Дмитрием Павловичем. Его слова меня очень заинтересовали. Мы разговаривались. Дубенский был большой патриот и, если иногда брюзжал по-старчески и говорил не совсем ладные вещи (на то он и журналист), все это искупалось его преданностью Царю и любовью к родине. Вот у кого девиз: «За Веру, Царя и Отечество» был не только красивыми словами, но и делом» (Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция. Т. III. Нью-Йорк, 1961. С. 65–67).

Отметим, что генерал Д. Н. Дубенский позднее являлся непосредственным свидетелем событий отречения Государя Николая II от Российского Престола в Пскове (в Ставке Северного фронта у генерал-адъютанта Н. В. Рузского), о чем он и поведал в своих опубликованных воспоминаниях, т. е. в так называемых «записках-дневниках». Однако мы в более поздних письменных отзывах (ряда персон бывшего ближайшего окружения императора) на эту публикацию читаем следующее:

«Некоторые лица, описывая дни февраля и марта 1917 года, часто пользуются записями “придворного историографа” генерала Дубенского. Как на такового, ссылается на него и генерал Спиридович, но в то же время пишет (с. 67), что генерал Дубенский иногда “Говорил не совсем ладные вещи” (“на то он и журналист”!).

Насколько сведения генерала Дубенского не всегда были точны, указывает более чем странная запись его дневника (15–22 января): “В Царское Село командирован Гвардейский Экипаж, так как Сводный полк не очень надежен...”

Это утверждение “историографа” о “ненадежности” Сводного Пехотного полка и его запись в дневнике не отвечают исторической правде» (Галушкин Н. В. Собственный Е. И.В. Конвой. М., 2008. С. 351).

Вот другое мнение – флигель-адъютанта Свиты Императора, полковника А. А. Мординова о записках-дневниках Д. Н. Дубенского: «Я удивляюсь, как мог ген [ерал] Дубенский

записать в своем дневнике, что “Государь в полном ее (Императрицы) подчинении”. “Достаточно было их видеть, – говорит он, – четверть часа, чтобы сказать, что самодержавием была она, а не он. Он на нее смотрел, как мальчик на гувернантку, это бросалось в глаза”. В данном случае Дубенский повторял лишь дословно то ложное ходячее мнение, которое сложилось у людей, никогда не видевших Государя и Императрицу в их частной жизни. Впрочем, и Дубенский был из числа таких. Он видел царскую семью только в официальных случаях или лишь “на людях”, когда такое подчинение, если бы оно и существовало и при всем желании его видеть, уж никоим образом и никому не могло броситься в глаза. Как и большинство остальных, он видел в своем воображении лишь то, что хотел сам видеть» (*ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 516. Л. 1 – 89; Мордвинов А. А. Каким я знал моего Государя и каким знали его другие*).

Эмоциональная «закрытость» императора Николая II породила целое направление в мемуарной и исследовательской литературе, в которой существует масса полярных мнений – от эмоциональной патологии до свехволи «самодержца».

Особенно много толков вызвало поведение царя во время отречения в Пскове. Наиболее часто цитируемая фраза официального историографа Ставки генерал-майора Д. Н. Дубенского, произнесенная им во время допросов ЧСК Временного правительства в августе 1917 года: «Это такой фаталист, что я не могу себе представить... он отказался от Российского престола, как сдал эскадрон» (См.: Падение царского режима. Т. VII. М., 1927. С. 393). Это показное спокойствие монарха тогда глубоко задело и даже оскорбило многих. Однако мало кто знает, что секретарь ЧСК известный поэт Александр Блок в своих воспоминаниях ссылается на слова того же Дубенского: «Когда он говорил с Фредериксом об Алексее Николаевиче (т. е. о своем сыне цесаревиче Алексее. – **В.Х.**) один на один, я знаю, он все-таки заплакал» (См.: *Блок А. Последние дни старого режима // Былое. 1919. № 15. С. 47*).

После Февральской революции Д. Н. Дубенский, как мы уже отметили выше, неожиданно подвергся 9 августа 1917 г. допросу следователей ЧСК Временного правительства, как явный монархист, но арестован не был (См.: *ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 977; «Падение Царского режима»*. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. VI. М. – Л., 1926). В частности, следует заметить, что во время этого допроса генералу Дубенскому зачитывались фрагменты из его же собственного дневника, которые любопытно теперь нам будет сопоставить с содержанием текста его более поздних опубликованных воспоминаний. Увы, но заметны явные и местами существенные разночтения, что непроизвольно наводит каждого вдумчивого читателя на определенные размышления – каких же взглядов придерживался их автор в тот или иной период времени? Это еще раз подтверждает тот вывод многих историков, что к такой категории документальных источников, как воспоминания, необходимо относиться критически и не все следует из опубликованного принимать «за чистую монету»! Тем более, об этом следует помнить, когда перед читателем появилась уникальная возможность взглянуть на эти события и через «призму» восприятия этих же фактов другими свидетелями, а также через сопоставление их содержания с текстами архивных документов, многие из которых находились ранее на закрытом хранении, в так называемых «спецхранах».

Во второй половине 1918 года, спасаясь от большевиков, Д. Н. Дубенский уехал из Петрограда и участвовал в Белом движении. Во время Гражданской войны он, по некоторым сведениям, служил в Харьковском коннозаводстве Вооруженных сил Юга России (1919) у генерала А. И. Деникина. Получил вскоре очередной чин генерал-лейтенанта. Его оба родных сына служили в гвардии. Младший был лицеистом, а затем корнетом л. – гв. Кирасирского полка. Он, как и отец, находился в рядах ВСЮР. Однако в середине июля 1919 года был арестован ЧК в Одессе и судьба его неизвестна. Другой, старший сын Николай Дмитриевич – офицер с 1913 г. л. – гв. Конного полка, был дружен с великим князем Дмитрием Павло-

вичем, участвовал в Великой войне и имел многие ранения. Позднее воевал против большевиков. После поражения белогвардейцев, кому удалось спастись, оказались в эмиграции.

Дмитрий Николаевич Дубенский поселился в Италии. Летом 1920 года в Риме он завершил свою рукопись воспоминаний, которую два года спустя опубликовал на русском языке в эмигрантском журнале «Русская Летопись» в Париже. Генерал-лейтенант Д. Н. Дубенский скончался 5 июля 1923 г., находясь на лечении в Висбадене (Германия). Сведения об его сыне Николае немногочисленны и свидетельствуют лишь о том, что на 26 апреля 1931 года тот был в эмиграции.

Перу генерала Дубенского принадлежит целый ряд статей и публикаций в «Русском Инвалиде», «Новом Времени», «Военном сборнике» и «Разведчике». Сам Дмитрий Николаевич Дубенский оставил воспоминания: Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн. 3. Париж. 1922. Вскоре они вышли также отдельным изданием в Прибалтике: *Дубенский Д.* Как произошел переворот в России. (Рига, 1923). Фрагменты их публиковались в 1927 и 1990 гг. в советских изданиях: «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы» (Л., 1927; М., 1990). Однако советская цензура и редакторы изменили или убрали вовсе из текста воспоминаний многие места, которые противоречили в СССР установленным канонам историографии в трактовке событий Февральской революции 1917 года.

Воспоминания генерал-майора Свиты Императора Д. Н. Дубенского, а также протокол его допроса в ЧСК Временного правительства от 9 августа 1917 года подготовлены нами впервые в авторской редакции (полностью без сокращений) с сохранением стилистики и особенностей оригинала.

В качестве приложения нами приводятся в конце издания по данной теме ряд уникальных архивных документов, а также фрагментов дневниковых записей и воспоминаний некоторых непосредственных свидетелей и участников тех далеких событий. Это позволит, на наш взгляд, каждому из неравнодушных читателей самому наглядно сопоставить и уточнить многие факты истории этого весьма сложного, переломного и судьбоносного периода нашей Отчизны. Однако при этом творческом процессе изучения исторических событий (включая мемуары и воспоминания) не стоит забывать народную мудрость: «Сколько человек, столько мнений!» Все тексты воспоминаний, дневников и архивных документов данного издания составителем снабжены соответствующими комментариями и примечаниями, что поможет каждому читателю более четко представить и почувствовать атмосферу той эпохи.

Д. Н. Дубенский

Как произошел переворот в России¹

С октября 1914 года я имел высокую честь состоять при Государе Императоре Николае Александровиче^[1] для ведения ежедневной записи событий начавшейся в июле этого года войны, касаясь собственно личной деятельности и личных непосредственных трудов Государя в эту великую эпоху. Общие события войны и явления жизни России я затрагивал лишь постольку, поскольку это было необходимо для ясности изложения описываемых фактов.

Мои «Записки-Дневники» – не историческое исследование, для этого не настало еще время, – это просто описание тех дней, когда Его Величество сначала только бывал при войсках, а затем, с августа 1915 года, непосредственно командуя своими армиями, пережил с ними и радости и горе.

«Записки-Дневники» в том виде, как они ежедневно велись, составляют очень обширный исторический материал. Небольшая часть этого материала была использована мною для составления, с Высочайшего соизволения, четырех выпусков издания Министерства Императорского Двора, «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в Действующей Армии», за период времени с начала войны по февраль 1916 года. Пятый выпуск, посвященный годовому периоду (с февраля 1916 года по февраль 1917 года), был совершенно подготовлен к печати, но переворот и революция помешали появлению его в свет.

Настоящие записки под заглавием: «Как произошел переворот в России» (ноябрь 1916 г. – апрель 1917 г.) составлены мною по уцелевшим моим записным книжкам, заметкам и по памяти. Весь подлинный официальный материал находится в сохранности, но в настоящее время я не имею возможности им воспользоваться.

¹ Сохранены особенности текста эмигрантского издания.

С ноября 1916 до конца февраля 1917 года

В конце ноября, по служебным делам, мне пришлось приехать из Ставки^[2] в Петроград. Государь оставался в Могилеве, и отъезд Его Величества в Царское Село^[3] предполагался в половине декабря.

Столица поразила меня после тихой, спокойной, деловой и серьезной жизни в Ставке. – Там и Государь, и Штаб, и все учреждения с утра до вечера работали и были заняты серьезными, неотложными делами, вызываемыми громадной войной. Почти все были чужды других интересов. Те слухи, которые доходили из столицы до Могилева, мало сравнительно интересовали занятых людей и только та или другая бойкая газетная статья, речь Пуришкевича^[4] в Государственной Думе,^[5] какая-либо особо злобная и крупная сплетня о Царском Селе или о Распутине^[6] заставляли толковать о Петроградских вестях более напряженно.

Здесь в Петрограде – наоборот, весь город жил не столько серьезной политикой, сколько пустыми слухами и пошлыми сплетнями. Появилась положительно мода ругать в обществе Правительство и напряженно порицать Царское Село, передавая ряд заведомо лживых и несообразных известий о Государе и Его Семье. Газеты самые спокойные и более, так сказать, правые, подобно «Новому Времени»^[7], все-таки ежедневно стремились указывать на ту или иную, по их мнению, ошибку Правительства. Государственная Дума, руководимая Прогрессивным блоком^[8], с августа 1916 года определенно вела открытую борьбу с Правительством, требуя, как наименьшего, ответственного Министерства.

Бывало вернешься домой, повидеешь гвардейских офицеров, близких знакомых, разных общественных деятелей и лиц служебного мира, поговоришь с ними и невольно поразишься всем тем, что услышишь.

Точно какой-то шквал враждебной Правительству агитации охватил наш Петроград и, как это ни странно, в особенности старались принять в ней участие наш высший круг и нередко и сами правящие сферы. Все вдруг стали знатоками высшей политики, все познали в себе способности давать указания, как вести Великую Империю в период величайшей войны. Почти никто не упоминал о трудах Государя, о стремлении Его помочь народу вести борьбу с врагом успешно. Наоборот, все говорили о безответственном влиянии темных сил при Дворе, о Распутине, Вырубовой^[9], Протопопове^[10], о сношениях Царского Села даже с Германской Императорской Фамилией. Лично я стоял далеко от всего этого шума столичной жизни, так как, находясь в Ставке при Его Величестве, мало бывал в Петрограде во время войны.

После Нового Года, на короткое время, я уехал в Москву. Там из Первопрестольной шли те же совершенно разговоры, как и в Петрограде.

Торгово-промышленный класс, имевший огромное влияние и значение в Первопрестольной, руководил общественным мнением. Фабриканты, заводчики, получая небывалые прибыли на свои предприятия во время войны, стремились играть и политическую роль в государстве. Их выражение: – «промышленность теперь все», не сходило с языков. Московская пресса – «Русское Слово» (Сытина)^[11] и «Утро России» (Рябушинских)^[12] бойко вели агитацию против Правительства и Царского Села.

Кажется 23-го января в Царском Селе в Александровском дворце^[13], должен был состояться прием иностранных Миссий^[14] наших союзников – Англии, Франции, Америки, Италии, собравшихся в Петрограде для обсуждения вопросов, насколько помню, о снабжении Союзных Армий предметами довольствия, по какой-то общей программе и системе.

Был ясный, солнечный морозный день. Александровский дворец пронизывался лучами солнца. Чудные залы блистали своей красотой. Иностранцы собрались в полукруглом нижнем зале.

Каждая группа в своих военных формах стала по государствам, во главе со своим представителем. Я обратил внимание на Великобританского Посла Бьюкенена^[15]. Он среднего роста, седоват, с красным, некрасивым лицом, с лысиной, которую зачесывает; через его черный английский мундир протянулась сине-лиловая лента.

Государь вышел в кителе, орденах, в сопровождении Министра Двора графа Фредерикса^[16], Обер-Гофмаршала графа Бенкендорфа^[17], Министра Иностранных Дел Покровского^[18] и лиц Своей Свиты. Его Величество обошел всех иностранцев, со многими говорил. Бьюкенен старался держаться как-то напыщенно и гордо и это бросалось в глаза. После приема Государь разрешил фотографу снять общую группу. Его Величество поместился в центре, окруженный Послами и офицерами Союзных Армий. Граф Бенкендорф был недоволен, что Государь снялся в группе. «Очень жаль, что это случилось», сказал он. «Тут далеко не все сочувствуют Государю; достаточно указать на Бьюкенена, чтобы не желать этой группы». Граф Бенкендорф пользовался глубочайшим уважением не только всего Двора, но и всех кто его знал, был выдержанный, спокойный человек и, если он решился высказать такую мысль, хотя и в тесном кругу лиц Свиты, то значит имелись к сему основания. Впрочем, широко известно было, что Посол Англии стоит близко к тем сферам Государственной Думы и Государственного Совета^[19], которые ведут интригу против Государя и желают срочных перемен в Правительстве России.

Прием был короткий; Высочайшего завтрака не было и все присутствовавшие иностранцы скоро уехали из Царского Села.

В последних числах января я был в Царскосельском Александровском дворце, у гувернера Наследника, Жильяра^[20] и мы вместе с ним пошли к Цесаревичу. Алексей Николаевич^[21] с каким-то кадетом оживленно вел игру у большой игрушечной крепости. Они расставляли солдатиков, палили из пушек и весь их бойкий разговор пестрел современными военными терминами: пулемет, аэроплан, тяжелая артиллерия, окопы и пр. Впрочем, игра скоро кончилась и Наследник с кадетом^[22] стали рассматривать какие-то книги. Здесь вошла Великая Княжна Анастасия Николаевна...^[23] Вся эта обстановка детских двух комнат Наследника была проста и нисколько не давала представления о том, что тут живет и получает первоначальное воспитание и образование будущий Русский Царь. На стенах висели карты, стояли шкафы с книгами, было несколько столов, стульев, но все это просто, скромно до чрезвычайности.

Алексей Николаевич, говоря со мной, вспоминал нашу с ним беседу, когда он был в поезде с Государем осенью 1915 года на Юге России:

– «Помните, Вы мне сказали, что в Новороссии Екатерина Великая^[24], Потемкин^[25] и Суворов^[26] крепким узлом завязали Русское влияние и Турецкий Султан навсегда потерял значение в Крыму и южных степях». «Мне это выражение понравилось, и я тогда же сказал об этом Папе. Я всегда Ему говорю, что мне нравится». Затем Наследник стал вспоминать Ставку.

Все это Наследник оживленно говорил и бодро, и весело глядел своими большими, выразительными глазами. Да и вообще Алексей Николаевич имел здоровый и красивый вид. Он постоянно перебегал с одного места на другое. Хромоты не было заметно. Он рассказывал о своих зимних работах в саду, о снежных траншеях и целом ряде своих игр. Пребывание у Алексея Николаевича было приятно, и я с истинным удовольствием беседовал с этим умным, добрым и очень способным Цесаревичем. А насколько спокойна была жизнь детей, особенно младших, настолько трагично и сумрачно шла жизнь Государя и Императрицы в эти дни.

Его Величество ясно понимал все то, что происходило в Петрограде. От Него требовали гласного, торжественного отказа от Самодержавия, передачи власти Государственной Думе и Государственному Совету и превращения их в Парламент с ответственным Мини-

стерством. Государь прекрасно сознавал, что это облегчило бы Ему личную жизнь и освободило бы от громадной работы, постоянно лежавшей на Его плечах. Он выиграл бы, успокоилась бы Семья, но Его Величество считал себя не вправе этого сделать, ибо не верил, чтобы это улучшило жизнь России, и вот почему Он отклонял все предложения о реконструкции Государственной власти.

Императрица^[27], которая была посвящена во все дела и жила душой с Мужем, тоже ради интересов России, а не своих личных (семейных и династических), находила нежелательным менять Правление.

Ко всему этому, Государь не допускал возможности начать обсуждение таких важных государственных дел в разгар войны. – «Я не могу допустить, чтобы теперь, когда все мы поглощены борьбой с немцами, можно было поднимать вопрос о преимуществах парламентаризма; с грустью, но должен сказать, что все это хотят совершить не в чистых интересах Родины, а в своих личных и Мне трудно верить в разумность и искренность планов Родзянко^[28] и Гучкова^[29], первого – недалекого, но признавшего себя государственным деятелем, второго – авантюриста и явно враждебного мне».

Фронт и Армия сравнительно не беспокоили Государя своим состоянием. Он хорошо знал положение всех войск, ежедневно получая донесения с фронта в Ставке, а при отъезде оттуда Ему все доносил генерал Алексеев^[30] по телеграфу и телефону (который был последнее время устроен между Царским и Могилевом), и был поэтому уверен, что в огромной массе Армия спокойна, хорошо устроена, всем снабжена и ожидает боевых операций весной.

Конечно тыл, и в особенности Всероссийский Земский^[31] и Городской Союзы^[32], раскинувшие широко и всюду свои органы и ячейки, вели агитацию подобно Прогрессивному блоку Государственной Думы. Однако у Государя была надежда, что серьезных волнений это не внесет в войска. Кой-где начинали сочувствовать «блоку» высшие командные лица, штабы, но самая толща солдатско-офицерская была, по мнению Царя, вне политики. Тем не менее смута шла.

В пояснение сего рассказу случайную встречу мою (в начале февраля) с генералом Александром Михайловичем Крымовым^[33]. О нем говорили как о выдающемся боевом начальнике, и имя его пользовалось большим уважением в Ставке. Я помню, как при каком-то сообщении о боях в Карпатах, где была дивизия Крымова, Государь сказал: – «Там этот молодец Крымов, он управится скоро...».

Вот этого-то генерала Крымова, недавно прибывшего в Петроград, я встретил у Начальника Главного Штаба генерала Архангельского^[34]. Мы все трое были сослуживцы по Мобилизационному Отделу Генерального Штаба еще до войны и потому говорили откровенно и свободно. Генерал Крымов, большой, полный, в кавказской черной черкеске, с Георгием на груди, ходил по известному круглому кабинету Начальника Главного Штаба и указывал на целый ряд ошибок во внутренней политике, которые, по его мнению, совершил Государь. Он возмущался, негодовал, и когда мы спрашивали его, откуда почерпнуты им сведения о каких-то тайных сношениях Двора с Германией, он отвечал: – «Да так говорят...».

Мы стали разъяснять Крымову и указывать, что многое в его словах преувеличено, извращено и передано в искаженном виде. Наш приятель стал задумываться, меньше возражал и в конце концов сказал: – «Где все это знать у нас в Карпатах...».

Генерал Крымов был человек горячий, неглупый, безусловно порядочный, но увлекающийся.

– «А в Ставке часто бывал Распутин?» – спросил он меня.

– «Да он никогда там не бывал. Все это ложь и клевета».

– «А мы на фронте слышали, что он был там вместе с Царицей. Как это досадно, что подобные сплетни достигают позиций и тревожат войска», – сказал уже смущенно Крымов.

Крымов передал нам, что у них ходит слух о сепаратном мире и о том, что есть сношения между Царским и Вильгельмом^[35]. Говорил он уже как о явных баснях, но вносящих сомнения, смуту.

Грустно было слушать подобные толки и сознавать силу подобной интриги, начавшей доходить из столиц до Армии и подтачивающей доверие к ее Верховному Вождю.

Февраль близился к концу, а отъезд Государя все задерживался; появлялись иногда слухи, что мы останемся до марта и даже до тех пор, пока не успокоятся и не наладятся дела в Правительстве, с Государственной Думой и в Петрограде.

Однако около 20-го февраля стало известно, что отъезд Государя в Ставку должен состояться со дня на день.

Кажется, 21-го февраля часов в десять утра ко мне на квартиру приехал генерал А. И. Спиридович^[36], в то время Ялтинский Градоначальник. До сентября 1916 года он был начальником внешней Дворцовой полиции, состоя в этой должности десять лет. Спиридович всегда неотлучно охранял Государя в Царском, Петрограде и во всех поездках, а во время войны находился в Царской Ставке. Я постоянно встречался с ним, начиная с сентября 1914 года, когда получил назначение в Ставку Его Величества.

Александр Иванович выдающийся и талантливый офицер: высокий, стройный и молодой, он бросался в глаза своей фигурой и своим молодцеватым видом. Служба его охранной команды (около 300 человек) поставлена была блестяще. Все его люди, молодец к молодцу, не только были одеты в превосходную форму (как бы лесной стражи), но отличались сметливостью, выдержкой и воспитанием, видимо выбор людей, преимущественно из гвардии, делался толково.

Охрана Царя поставлена была у генерала Спиридовича серьезно: он все знал, все видел, и люди его зорко следили за всем тем, что окружало Его Величество в Царском и в Ставке.

– «Мои люди должны все знать и беречь Царя, иначе ни я, ни они не нужны», – часто говорил Спиридович. И он действительно берег Государя, делая это незаметно, без всяких шумных распоряжений для публики.

А. И. Спиридович изучил дело сыска и охраны во всех подробностях и, мало того, изучил революционное движение в России за последние 30–40 лет, начиная с конца семидесятых годов. Об этом им написана очень содержательная книга^[37]. Все деятели наших революционных партий ясно отмечены в труде Спиридовича, который изучил их, знакомясь с их «работой», по подлинным материалам Департамента Полиции^[38], по иностранным источникам и по своему личному служебному опыту. Имена Л. Бронштейна^[39], Ленина^[40], Луначарского^[41] и других, программа большевиков, – известны были Спиридовичу давно, когда еще все плохо разбирались в значении этих лиц и осуществимости их идеалов.

Несомненно было большой ошибкой со стороны Дворцового Коменданта ген. Воейкова^[42], что он не удержал у себя такого выдающегося знатока революционного движения в России, и Спиридович, находившийся у него в прямом подчинении, в дни уже назревающей у нас смуты ушел на тихий пост Ялтинского Градоначальника во время войны, когда Царская фамилия даже не жила в Крыму.

А. И. Спиридович только что приехал из Ялты. Он был возбужден и горячо начал передавать свои впечатления о современных событиях; он то вставал и ходил по комнате, то садился:

– «Вы все здесь мало знаете, что готовится в Петрограде, Москве и России. Вы здесь живете как за стеной. Возбуждение повсюду в обществе огромное. Все это направлено против Царского Села. Ненависть к Александре Федоровне, Вырубовой, Протопопову – огромная. Вы знаете, что говорят об убийстве Вырубовой и даже Императрицы. В провинции ничего не делается, чтобы успокоить общество, поднять престиж Государя и Его Семьи. А

это можно сделать, если приняться за дело горячо и умно. Я у себя уже начал кое-что делать в этом отношении. Я нарочно приехал сюда, чтобы все это передать кому следует и прежде всего Дворцовому Коменданту, но я боюсь, что к моим словам отнесутся равнодушно и не примут необходимых мер».

В таком роде шла его речь о надвигающихся событиях. Видимо, что А.И. тревожился за будущее и стремился помочь, поправить создавшееся положение. Спиридович понимал опасность надвигающейся революции. Он знал революционных деятелей.

На следующий день он хотел быть у генерала Воейкова и передать ему свои соображения о современных событиях, но я сказал ему, что завтра, т. е. 22-го февраля, Государь уезжает в Ставку, и надо торопиться повидать Дворцового Коменданта: А. И. Спиридович уехал от меня и сказал, что попытается тотчас же снестись по телефону с Дворком (сокращенное Дворц. Комендант).

Беседа с А. И. Спиридовичем оставила на меня сильное впечатление. Я знал, что лучше А.И. никто не может оценить действительную опасность надвигающегося революционного движения, и ужаснулся той картине, которую он мне нарисовал.

Насколько я знал, генерал Спиридович едва успел переговорить с Воейковым, так как тот был очень занят, да и не встретил в Дворцовом Коменданте особо сочувственного отношения к тому, что сообщил ему бывший его подчиненный, ведавший политическим розыском и охранявший Царский Дом в течение десяти лет.

На следующий день – 22-го февраля – мы, действительно, вместе с Его Величеством отправились в Ставку^[43].

Заканчивая свои воспоминания о последних днях перед переворотом и разразившейся Февральской революцией, я считаю необходимым посвятить несколько слов памяти Государыни Александры Федоровны.

Личные мои отношения к Императрице Александре Феодоровне начались с 1901-го года, когда я приступил к изданию народной газеты^[44] и доставил свои первые номера (через секретаря Государыни графа Ламздорфа^[45]) Ее Величеству на просмотр.

Императрица очень внимательно отнеслась к газете и через некоторое время пожелала меня видеть.

Государыня, в то время еще очень молодая, красивая женщина, удивила меня тем, насколько она вдумчиво относилась к задачам народной газеты в России. Помню Ее слова:

– «Русский народ, живущий так разбросано, при плохих путях сообщения, при суровости климата, мешающего свободе переездов, – так нуждается в органе простом, патристическом и религиозном. Народ нуждается в просвещении и нравственном воспитании».

Затем все минувшие двадцать лет Императрица всегда сочувственно относилась ко всем изданиям для народа; любила очень наглядные школьные пособия и мои издания: «Россия в картинках», «Картины Родины», «Сельскохозяйственные таблицы» и пр. – всегда встречали милостивое, дружеское отношение Царицы, которая часто повторяла, что Она любит народные издания и Ей нравится русский язык, русская речь.

Императрица скоро научилась прекрасно говорить по-русски и писала красиво, вполне владея литературным слогом.

Привязанность Государыни к нашей Православной Вере была глубоко искренна и сердечна.

Все ходатайства о помощи кому-либо встречались всегда Императрицей с редкой отзывчивостью, и очень много любви к народу было в этих заботах Царицы о деревенских делах.

Когда мне приходилось беседовать с Александрой Федоровной^[46], я всегда уходил от Императрицы с полным убеждением, что это не только высокообразованная, чуткая жен-

щина, но человек, полюбивший глубоко Россию и ее Народ, и желающая сделать для него много добра.

Знают ли многие, что Александра Федоровна серьезно интересовалась земельным вопросом России и Ей не чужда была мысль о принудительном (в некоторых случаях) отчуждении земель для наделения ими крестьян. Пройдет время, и справедливая оценка скажет о Русской Императрице Александре Федоровне много хорошего.

Эта женщина – чудная мать, верная жена, прекрасный, твердый не переменчивый друг, глубокая православная христианка, с мистическим оттенком. Ее, может быть, серьезное уважение и даже поклонение Распутину – надо объяснить тем, что ее сильное религиозное чувство видело в нем не то, что было, а то, что она искала своей измученной душой, суеверный страх которой заставлял хвататься за Распутина, как за спасителя от бед для Семьи и Родины.

Чувство величайшего уважения, почтения и преданности к Царице Александре Федоровне испытывал всякий, кто имел высокую честь узнать Ее ближе.

Императрице обычно ставят в вину, что своим влиянием Она мешала нормальному течению государственных дел; что Она, как говорилось, «путалась» во все распоряжения Государя и Его Величество будто бы смотрел на все Ее глазами. Мне кажется, в этих обвинениях есть значительное преувеличение. Долгие годы Императрица стояла совершенно в стороне от государственных вопросов и всецело жила только семейными интересами и делами благотворительности.

Но настали смутные тяжелые годы, когда не только Царская Семья не могла жить спокойно, но когда сама жизнь Государя и Наследника подвергалась опасностям. А сколько было ложных тревог. Каково все это было переносить серьезной, умной, любящей жене и матери. Надо быть совершенно без души, ума и сердца, чтобы не задуматься над всем тем, что совершалось в России последние годы. Надо было быть совсем неумным человеком, чтобы не стать ближе к мужу-Государю и не разделять с Ним всю эту государственную тревогу.

Надо беспристрастно разобрать эти отношения и понять их сущность, а не произносить обвинения с чужого голоса и по преимуществу тех людей, которые сеяли в обществе смуту и недоверие к Царскому Дому.

Русское общество, к глубокому своему несчастью, не поняло, что надо уметь простить, может быть, некоторые промахи, погрешности, дабы сохранить неприкосновенность, святость Царской Фамилии во имя величайших интересов Родины.

Всякий, узнавший жизнь Царского Дома, с чувством полного убеждения скажет, что это была чудесная, русская семья и пакостный грех совершали те, которые клеветали на честных родителей и честных и неповинных детей их.

Валили и свалили тех, кто всей душой был предан России и служил только ее интересам, ее будущему, ее славе и счастью.

23-го февраля^[47]

Переезд из Царского Села в Ставку.

Государь Император отбыл из Царского 23-го днем^[48]. В этой последней поездке Его Величество сопровождали лица, обычно в годы войны при Нем находившиеся:

1. Министр Императорского Двора, генерал-адъютант, граф Владимир Борисович Фредерикс.
2. Флаг-капитан, генерал-адъютант Константин Дмитриевич Нилов^[49].
3. Дворцовый Комендант С. Е. В. генерал-майор Владимир Николаевич Воейков.
4. В должности Гофмаршала С. Е. В. генерал-майор князь Василий Александрович Долгорукий^[50].

5. Начальник Военно-походной Канцелярии С. Е. В. генерал-майор Кирилл Анатольевич Нарышкин^[51].

6. Командир Конвоя Его Величества С. Е. В. генерал-майор граф Александр Николаевич Граббе – граф Никитин^[52].

7. Генерал-майор Дмитрий Николаевич Дубенский.

8. Командир Собственного Его Величества ж. – дорожного полка генерал-майор Сергей Александрович Цабель^[53].

9. Лейб-хирург Его Величества профессор Сергей Петрович Федоров^[54].

10. Церемониймейстер барон Рудольф Александрович Штакельберг^[55].

11. Флигель-адъютант полковник герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский^[56].

12. Флигель-адъютант полковник Мордвинов^[57].

Офицеры Конвоя Его Величества, Собственного ж. – дорожного полка, Сводного Его Величества полка и, кроме того, обычный небольшой состав чиновников Министерства Двора, нижних чинов и прислуги.

От Царского сначала отошел Свитский поезд, а затем через час Собственный Его Величества поезд.

Нам предстояло ехать по Николаевской ж. – дороге до Лихославля, затем на Вязьму, Смоленск, Оршу и Могилев.

Мы ехали, как я сказал, в постоянном нашем составе, и я давно привык к моим сослуживцам, находясь с ними в добрых отношениях; жизнь в Ставке любил, а тем не менее, с большой тревогой оставлял на этот раз родной город.

Я уезжал беспокойно, да и все были в таком же состоянии.

Предполагали, однако, что поездка в Ставку на этот раз продолжится несколько дней и к 1-му марта Его Величество вернется в Царское.

Весь путь наш прошел совершенно обычным порядком; всюду было спокойно: в городах Царские поезда встречались местным начальством.

Станции были пустынные, так как проезд был неожиданный и никто почти не знал о следовании Государя. Только в Ржеве, Вязьме и Смоленске – народу было больше и он приветливо встречал Царя, снимал шапки, кланялся, кричал «ура».

В Могилев мы прибыли на другой день к вечеру. Государь был встречен генерал-адъютантом Алексеевым и высшими командными лицами.

Его Величество проехал к себе во «Дворец», т. е. бывший Губернаторский дом. Мы все разместились по своим помещениям.

Обычная жизнь Царской Ставки началась. В тот же вечер я посетил разных лиц, видел многих штабных генералов, офицеров, спрашивал о том, как идут дела на фронте, какие события в самом Могилеве.

– «У нас все по-прежнему, на фронте затишье, спокойно, новостей особых нет», – отвечали мне.

– «Но что делается в Петрограде, по газетам, агентским телеграммам (без цензуры), там ожидают тревожных дней. Предстоят будто бы волнения из-за недостатка хлеба. А Дума и даже часть Государственного Совета тоже беспокойны... Здесь опасаются, как все это пройдет и что будет дальше», – спрашивали меня в свою очередь.

Государь находился в обычном своем настроении: ровен, спокоен, приветлив и к вечеру принял с коротким докладом генерал-адъютанта Алексеева.

Весь вечер мы долго беседовали с К. Д. Ниловым и С. П. Федоровым на тему о тех сюрпризах и неожиданностях, которые принесет нам будущее: словом, рисовалась нам неведомая перспектива.

Когда я вышел из дворца, в первом часу ночи, тихий мягкий снег спускался с неба, – начиналась оттепель.

У подъезда стояли в своих дубленых полушубках часовые Георгиевского Батальона, а в садике между дворцом и Управлением Дежурного Генерала дежурила Дворцовая Полиция; на крыше дома Генерал-квартирмейстера ясно виднелись пулеметы в чехлах, установленные на случай налета неприятельских аэропланов, и около них фигуры часовых в папах и постовых шинелях.

Могилев

Пятница, 24-го февраля^[58].

После утреннего чая Государь отправился на доклад генерал-адъютанта Алексеева, который обычно происходил в Генерал-квартирмейстерской части, помещавшейся рядом, в здании «Губернских Присутственных Мест».

На докладе всегда присутствовали только помощник начальника Штаба генерал Клембовский^[59] и генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант Лукомский^[60]. Доклад тянулся до завтрака, т. е. до 12½ часов.

К завтраку было много приглашенных: Свита Государя, великие князья Сергей^[61] и Александр Михайловичи^[62], генерал-адъютант Н. И. Иванов^[63], все иностранцы военных миссий. Его Величество в защитной рубашке, в погонах одного из пехотных полков, – обошел всех, здороваясь и разговаривая с некоторыми из приглашенных. Государь был в обычном спокойном, приветливом настроении.

Тихо спрашивали друг друга: – «Какие вести из Петрограда»; передавали, что только полученные телеграммы сообщили о волнениях в рабочих кварталах; но в общем Высочайший завтрак прошел так же, как и всегда.

После 2-х часов Государь с Воейковым, дежурным флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским, князем Долгоруким, графом Граббе и лейб-хирургом Федоровым поехали в автомобилях за город по шоссе для прогулки. Часа через полтора Его Величество вернулся и пошел к Себе в кабинет.

Затем был дневной короткий чай, после которого Государь снова ушел в кабинет на обычные занятия и оставался там до обеда. Все шло по внешности давно установленным порядком, – и это внушало какую-то уверенность, что сюда до Ставки никакие волнения не докатятся и работа высшего командования будет идти независимо от всяких осложнений в столице.

Генерал-адъютант Алексеев был так близок к Царю и Его Величество так верил Михаилу Васильевичу, они так сроднились в совместной напряженной работе за полтора года, что казалось при этих условиях, какие могут быть осложнения в Царской Ставке. Генерал Алексеев был деятелен, по целым часам сидел у себя в кабинете, всем распоряжался самостоятельно, встречая всегда полную поддержку со стороны Верховного Главнокомандующего.

В это время состав Ставки и высшее командование на фронтах были следующие:

Начальник Штаба, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев.

Его помощник, генерал от инфантерии Вячеслав Наполеонович Клембовский.

Генерал-квартирмейстер, генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский.

Дежурный генерал, генерал-лейтенант Петр Константинович Кондзеровский^[64].

Начальник военных сообщений, генерал-майор Тихменев^[65].

Начальник Морского отдела, адмирал Русин^[66].

Полевой генерал-инспектор артиллерии, великий князь Сергей Михайлович.

Генерал-инспектор Военно-воздушного флота, великий князь Александр Михайлович.

Походный атаман, великий князь Борис Владимирович^[67].

Его начальник Штаба, С. Е. В. генерал-майор Африкан Петрович Богаевский^[68].

Полевой интендант, генерал-лейтенант Егорьев^[69].

Протопресвитер военного и морского духовенства, Георгий Шавельский^[70].

При Особе Его Величества:

Великий князь Георгий Михайлович^[71].

Генерал-адъютант Николай Иудович Иванов.

Военные агенты:

Великобритании, генерал Вильямс^[72].

Франции, генерал Манжен^[73].

Бельгии, генерал барон де Рыккель^[74].

Сербии, полковник Леонткевич^[75].

Италии, помощник военного агента полковник Марсенго^[76], и другие, фамилии которых не припомню.

Главкомандующие фронтами:

Наместник Е. И. В. на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич^[77].

Его помощник и командующий Кавказской армией, генерал Николай Николаевич Юденич^[78].

Главкомандующие:

Северным фронтом – генерал-адъютант Николай Владимирович Рузский^[79].

Западным – генерал-адъютант Алексей Ермолаевич Эверт^[80].

Юго-Западным – генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов^[81].

Румынским – генерал Владимир Викторович Сахаров^[82].

Начальник Главной санитарной и эвакуационной части, Его Императорское Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский^[83].

Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин^[84].

Генералы Клембовский, Лукомский, Кондзеровский – ближайшие помощники генерала Алексеева, – все это умные, толковые люди, известные генералы Генерального Штаба, работали свое дело усердно и вообще Ставка была поставлена твердо.

Гарнизон Ставки состоял из следующих частей:

1. Георгиевский Батальон, сформированный для охраны Ставки во время войны и составленный исключительно из раненых Георгиевских кавалеров; это были избранные по своим заслугам люди. Командовал ими генерал-майор Пожарский^[85], тоже Георгиевский кавалер, видный, прекрасный боевой командир. Все офицеры, подобно солдатам – раненые и Георгиевские кавалеры. По своему виду, по своей безукоризненной службе Георгиевский Батальон являлся превосходной частью. Люди одеты были в красивую форму с Георгиевскими цветами. Нельзя было не любоваться часовыми, стоявшими у подъезда Государя, командами, караулами этого Батальона, встречавшимися по городу.

2. Одна очередная сотня Конвоя Его Величества. Казаки-Конвойцы несли свою обычную службу внутренних постов во дворце Государя. В Ставке постоянно находился командир Конвоя С. Е. В. генерал-майор граф Александр Николаевич Граббе – граф Никитин и очередные офицеры дежурной Сотни. Внешний вид Конвойцев и их выправка обращали на себя внимание в особенности иностранцев, всегда поражавшихся и нарядностью формы и красотою кавказских казаков.

3. Одна (кажется) дежурная рота Сводного Его Величества полка. Люди этой части отличались превосходной выправкой и очень внимательной дворцовой службой. Командир полка С. Е. В. генерал-майор Ресин^[86] находился постоянно в Царском Селе, а в Ставку поочередно командировался один из старших полковых штаб-офицеров и офицеры дежурной роты.

4. Несколько команд Собственного Его Величества ж. – дорожного полка, обслуживавших технически Императорские поезда во время их движения и в Ставке.

Командир полка генерал-майор Сергей Александрович Цабель держал свою часть в отличном виде.

Затем была противу-аэропланная батарея и, насколько помнится, строевых частей больше не было, если не считать автомобильной роты, обслуживавшей во все время войны огромный гараж Ставки. Командир роты капитан Вреден^[87] умело вел свое трудное дело.

Гарнизон был невелик, но находился в полном и блестящем порядке.

Писарские и нестроевые команды особенно разрослись, и потребность в писарях значительно возросла и расширилась.

Все части и команды были размещены в казармах и других помещениях, содержались прекрасно и положительно гордились, что они служат в Царской Ставке при Государе Императоре.

А все-таки, при всех этих кажущихся благоприятных условиях жизни и работы Ставки, уже с первых часов приезда туда Государя чувствовалась некоторая неуверенность в ближайших событиях, но не в смысле военного порядка в самой Ставке, а в общей государственной жизни России.

Определенно об этом говорили редко, но в полусловах, в замечаниях сказывалось беспокойство.

Вечером, после обеда, который ничем не отличался от предыдущих Высочайших обедов, я отправился на телефонную станцию для переговоров через Царское с Петроградом. Телефонист мне передал, что только окончился разговор Государя (из Его кабинета) с Императрицей в Царском, длившийся около получаса.

По телефону узнал, что сегодня 24-го февраля в Петрограде были волнения на Выборгской стороне. Толпы рабочих требовали хлеба и было несколько столкновений с полицией, но все это сравнительно скоро успокоилось. В Петрограде многие не верят в искренность этих требований и считают подобное выступление за провокацию, выражавшую общее недовольство Правительством. Передали также, что на завтра ожидаются гораздо большие волнения и беспорядки. Войска получили приказ оставаться в казармах и быть готовыми к немедленному выступлению по требованию властей. Я обещал переговорить на следующий день вечером, чтобы узнать, что произошло в Петрограде за день. В этот вечер я узнал, что поступившие телеграммы также ничего радостного не сообщили.

Могилев

Суббота, 25-го февраля^[88].

Уже с утра в Ставке стало известно, что волнения в Петрограде приняли широкие размеры. Толпы появились уже на Невском у Николаевского вокзала, а в рабочих районах, как и вчера, народ требовал хлеба и стремился производить насилия над полицией. Были вызваны войска, занявшие площади, некоторые улицы. Революционное настроение масс росло. Государственная Дума с Родзянко во главе предъявляла Правительству новые настоячивые требования о реорганизации власти. Все эти тревожные сведения достигли Могилева отрывочно и определенных сообщений о мероприятиях, принятых властями для подавления беспорядков в Столице, – не было.

Меня интересовал вопрос, как относятся в Ставке к Петроградским событиям. Здесь были лица, которые, в силу своего высокого служебного положения, должны были ясно определить картину начавшихся революционных выступлений. Таких людей в Ставке было двое – и оба они близко стояли к Государю и обязаны были отозваться на Петроградские события и понять весь их ужас. Это генерал-адъютант М. В. Алексеев и Дворцовый Комендант генерал Воейков. Генерал Алексеев пользовался в это время самой широкой популярностью в кругах Государственной Думы, с которой находился в полной связи. Он был надеждой России в наших предстоящих военных операциях на фронте. Ему глубоко верил Государь. Высшее Командование относилось к нему с большим вниманием. На таком высоком посту редко можно было увидеть человека, как генерал Алексеев, к которому люди самых разнообразных партий и направлений относились бы с таким доверием. Уже одно то, что его называли по преимуществу Михаил Васильевич, когда о нем упоминали, говорит о всеобщем доброжелательном отношении к нему. При таком положении генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию, начавшуюся в разгар войны, – да еще в серьезнейший момент, перед весенним наступлением нашим. У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем Его Величества. Фронт находился в его руках, а Государственная Дума и ее прогрессивный блок – не решились бы ослушаться директив Ставки. К величайшему удивлению, генерал Алексеев не только не рискнул начать борьбу с начавшимся движением, но с первых же часов революции выявилась его преступная бездеятельность и беспомощность. Как это случилось, – понять трудно.

Дворцовый Комендант генерал В. Н. Воейков благодаря своему положению должен был хорошо знать, что происходит в столице^[89]. От Министерства Внутренних Дел и от своих агентов он имел сведения о политическом движении. Ему открыты были все пути, и он обязан был неуклонно и настойчиво добиваться мероприятий для прекращения начавшихся волнений. А между тем Воейков, прибыв с Государем в Ставку накануне революции, не обращал внимания на надвигавшиеся события и занимался личными, пустыми делами, вроде устройства квартиры для своей жены, которую ожидал на днях в Могилеве и для которой был нанят дом. Я не могу понять – неужели он не верил, что положение так грозно, и надо безотлагательно принимать меры, тушить занимавшийся пожар. Должен, однако, сказать, что в этот день (25-II) Воейков, видимо, все-таки тревожился, ходил весь красный с широко раскрытыми глазами, меньше буфонил, но никто из нас не слыхал ни о каких серьезных с его стороны распоряжениях.

Генерал Алексеев и генерал Воейков получали известия из Петрограда, совещались, докладывали обо всем Государю, но они, единственные, которые могли сокрушить мятеж, – никаких мер не принимали.

Государь, вероятно, и не все знал, так как он был совершенно спокоен и никаких указаний не давал.

Генерал Воейков вообще не пользовался большим авторитетом в глазах Государя, в делах широкого государственного значения, но при начавшейся революционной смуте, угрожавшей Царскому Дому, он мог и был обязан настоять на решительных мероприятиях в том виде, в каком это требовалось обстоятельствами. Надо было спасти положение и, может быть, сделать необходимые уступки, весьма срочные и толковые, дабы сохранить порядок.

Весь мой вечер прошел в продолжительных беседах с С. П. Федоровым, К. Д. Ниловым и бароном Штакельбергом. Грустное сознание, что ничего не делается для восстановления порядка, что все как-то опустили руки и словно боятся проявить необходимую твердость власти, – это чувство слабости и беспомощности, – охватывало и нас.

Любопытно отметить, что безусловно вся Свита и состоящие при Государе признавали в это время неотложным согласие Государя на ответственное министерство и переход к парламентарному строю.

Генерал-адъютант Нилов, князь Долгорукий, граф Фредерикс и другие находили, что эта мера упрочила бы положение Царской фамилии в России и могла бы внести успокоение в страну.

Внешняя жизнь Могилева – прежняя. Спокойно и тихо на улицах. Государь выезжал на прогулку, были Высочайшие завтраки и обеды, а все остальное время Его Величество занимался в Своем кабинете, принимал графа Фредерикса, генерала Воейкова, генерал-адъютанта Алексеева; утром того же дня происходил обычный доклад по генерал-квартирмейстерской части.

Государь внимательно следил за сведениями, полученными с фронта за истекшие сутки, и удивлял всех Своей памятью и вниманием к делам.

В субботу легли все поздно и заснули беспокойно. Его Величество еще долго не ложился, занимаясь в Своем кабинете.

Могилев

Воскресенье, 26-го февраля^[90].

Государь был у обедни. Церковь переполнена молящимися – генералами, офицерами, командами солдат и простыми прихожанами. Свита Его Величества, генерал-адъютант Алексеев, генерал Кондзеровский – находились в храме. Служил протопресвитер Георгий Шавельский^[91].

После обедни Государь прошел на доклад в генерал-квартирмейстерскую часть, который продолжался недолго. Никаких важных событий за субботу не произошло, и вести от союзных армий были также спокойного характера.

На завтраке по случаю воскресенья много приглашенных: все наличные иностранцы, т. е. не только военные агенты, но и их помощники. Государь обходил всех, здоровался и довольно долго беседовал с Английским генералом Вильямс^[92], которого ценил как высоко порядочного человека, толкового и дельного военного агента.

Среди присутствовавших на завтраке шли разнообразные разговоры о печальных событиях в Петрограде, но, по внешности, это был обычный Царский воскресный завтрак.

Около двух часов Государь с Воейковым, графом Граббе, герцогом Лейхтенбергским и профессором Федоровым поехал по Бобруйскому шоссе на прогулку и вышел около часовни в память 1812-го года и гулял там не более часа. Мне передавали, что Его Величество не поднимал никаких вопросов о происходящих событиях и вообще почти не разговаривал ни с кем и задумчиво гулял по лесной дорожке.

Однако уже с утра Государя глубоко заботили события в столице. Он не раз беседовал о них с графом Фредериксом, с Воейковым, Алексеевым, Ниловым и другими более близкими Ему людьми. Государь говорил, что Его тревожат отрывочные известия, получаемые из Царского, что Он волнуется за Петроград, за Императрицу и всю семью, тем более, что Наследник хворает корью.

Ближайшим попечителем и, так сказать, охранителем Государыни и детей в Царском в это время был обер-гофмаршал генерал-адъютант граф Павел Константинович Бенкендорф. Это разумный, спокойный, выдержанный и в высшей степени благородный человек, глубоко преданный Их Величествам и всей семье. На него и надеялся Государь, ибо никого других лиц опытных не находилось в Царском Селе в эти дни. Вновь назначенный помощником дворцового коменданта генерал Гротен^[93] мало знаком был еще с дворцовой службой.

В Царском, конечно, имелся огромный штат дворцовых служащих, конвой Его Величества, сводный Его Величества полк, но всеми людьми надо было руководить в наступившие критические часы.

В самом Петрограде, где уже шли беспорядки, не было заметной авторитетной власти, не было имени, которое знали бы народные массы. Командующий Петроградскими войсками генерал Хабалов^[94] ничем не заметный генерал, а имя министра внутренних дел Протопопова стало ненавистно Петрограду и всей России. Государь все это вероятно понимал, но сам никаких указаний не давал и словно мирился со всем тем, что происходило. Чувствовалось, что от Него указаний и директив не будет и в эти тяжелые минуты надо было помогать Его Величеству, а не ждать инициативы от измученного Царя. Хотелось верить, что эту законную помощь, верное служение присяге своему Императору даст прежде всего Его начальник штаба. Его генерал-адъютант Алексеев, все знавший, со всеми сносившийся и пользовавшийся, как я уже говорил, полным доверием Верховного Главнокомандующего.

Но этого не случилось. Не попытался также придти на помощь Государю и его дворцовый комендант, не проявив никакой деятельности в это тяжелое время. Воейков не сумел

задержать измену Государю и прекратить начавшуюся революцию в то время, когда можно было многое еще сделать.

После обеда Его Величество принял у себя в кабинете сенатора Трегубова^[95], помощника генерал-адъютанта Алексеева по гражданской части, с докладом, касающимся событий данной минуты. Государь долго беседовал с этим неглупым пожилым судебным деятелем, не возражал Трегубову, но твердых личных указаний не дал.

Государь, окруженный своей свитой, своим штабом, находившимся здесь в Царской Ставке великими князьями Борисом Владимировичем, Сергеем и Александром Михайловичами, был страшно все-таки одинок. У Него не было людей, которые понимали бы сложную, чистую Его душу. Не было людей, которые имели бы особый вес в глазах Государя. Ко всем «своим» Его Величество относился ласково, внимательно, ценил их преданность, но при большом уме Государя Он ясно понимал окружающих Его ближайших лиц и сознавал, что они не советчики Ему. Государь привязан к графу Фредериксу за его благородный характер, честность, за долгую преданность Своему Дому, но он понимал, что министр двора старец 78 лет, с которым трудно поделитьcя мыслью по государственным делам и задачам России. Государь хорошо относился к Нилову, верил ему, но Его Величество не мог устранить в себе некоторого шутилого отношения к характеру своего флаг-капитана за его горячность. Государь ценил Нилова просто как прямого честного служаку. К Воейкову Государь относился доверчиво как к распорядительному дворцовому коменданту, бодрому, веселому человеку, хорошему хозяину, но, конечно, Его Величество чувствовал, что Воейков не советчик в государственных делах, и особого значения ему не придавал. Та ирония, с которой относились к Воейкову все окружающие, это прозвище «Кувака» за его торговлю водой, понималась Государем. Что касается всех остальных: князя Долгорукого, Нарышкина и других, то это были просто для Царя хорошие, приличные люди и больше – ничего.

Для Государя было величайшее горе, что с Ним в эти страшные дни не было Его истинного и единственного друга – Императрицы Александры Федоровны. Продолжительная тяжелая политическая обстановка, волнение за семью произвели на Государя в эти дни положительно переворот в Его душевных силах. Он стал как бы придавлен событиями и словно не отдавал себе отчета в обстановке и как-то безразлично стал относиться к происходившему.

«Неужели уже ничего нельзя сделать, – говорил я С. П. Федорову, – неужели нельзя найти человека, которого мог бы послать Государь в Петроград для водворения порядка и обеспечения от случайностей Царской Семьи. Мне кажется, такой человек есть в Ставке, это генерал-адъютант Иванов, герой настоящей войны. Имя его известно всей России, и если Николай Иудович немедля отправится в Петроград и Царское, то, может быть, еще спасет положение». С.П. согласился, и мы на завтра, 27-го февраля, решили отправиться к Иванову, сообщить наши мысли и, если он их одобряет, то и просить его доложить Государю о его желании отправиться в Петроград и принять командование над войсками столицы для водворения порядка.

Ни вчера, ни сегодня не было уже возможности переговорить с Петроградом, так как телефон все время был соединен с кабинетом Его Величества в Ставке для переговоров с Царскосельским дворцом.

Я ждал с нетерпением завтрашнего дня, дабы скорей переговорить с генерал-адъютантом Ивановым.

Могилев

Понедельник, 27-го февраля^[96].

Ночью в Ставке получены определенные известия, что в Петрограде начался солдатский бунт и правительство бессильно водворить порядок. Я видел М. В. Алексеева; он был очень встревожен и сказал: «Новые явления – войска переходят на сторону восставшего народа».

Как на причину быстрого перехода войск на сторону бунтовавших рабочих и черни указывали в Ставке на крайне неудачную мысль и распоряжение бывшего военного министра Поливанова^[97] держать запасные гвардейские батальоны в самом Петрограде в тысячных составах. Были такие батальоны, которые имели по 12–15 тысяч. Все это помещалось в скученном виде в казармах, где люди располагались для сна в два-три и четыре яруса. Наблюдать за такими частями становилось трудно, не хватало офицеров, и возможность пропаганды существовала полная. В сущности эти запасные батальоны вовсе не были преображенцы, семеновцы, егеря и т. д. Никто из молодых солдат не был еще в полках, а только обучался, чтобы потом попасть в ряды того или другого гвардейского полка и получить дух, физиономию части и впитать ее традиции. Многие из солдат запасных батальонов не были даже приведены к присяге. Вот почему этот молодой контингент так называемых гвардейских солдат не мог быть стоек и, выйдя 24, 25 и 26 февраля на усмирение беспорядков, зашатался, и затем начался бессмысленный и беспощадный солдатский бунт.

Вместе с тем, однако, получились известия, что некоторые роты, как например Павловского, Волынского, Кексгольмского запасных батальонов, держались в первые два дня стойко.

Удивлялись, что генерал Хабалов не воспользовался такими твердыми частями, как Петроградские юнкерские училища, в которых в это время сосредоточивалось несколько тысяч юнкеров.

Мне передавал генерал Клембовский, что Родзянко прислал телеграмму Государю^[98], где он настойчиво просит образовать новое правительство из лиц, пользующихся доверием общества. Клембовский не знал и потому не мог мне сообщить, какой ответ послан на эту телеграмму. Обо всем этом я узнал до завтрака, к которому Государь прибыл после обычного, но на этот раз короткого, доклада генерал-адъютанта Алексеева в генерал-квартирмейстерской части.

Государь сегодня заметно более сумрачен и очень мало разговорчив. Граф Фредерикс, Нилов и другие не скрывают своих опасений и боятся революционных переворотов. К. Д. Нилов все повторял свою обычную фразу: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было».

Генерал Воейков держится бодро, но видимо все-таки волнуется, хотя все же очень занят устройством своей новой квартиры.

После двух часов Государь с дворцовым комендантом и другими лицами свиты ездили на прогулку по Оршанскому шоссе.

К вечеру мы узнали, что получена еще вторая телеграмма от Родзянки^[99], в которой он вновь настойчиво просит Государя удовлетворить ходатайство об ответственном министерстве, при этом председатель Государственной Думы указывает, что ответственное министерство необходимо во имя спасения родины и династии.

Я лично этой телеграммы не видал, но слышал о ней от многих лиц. На эту телеграмму будто бы послан ответ через генерал-адъютанта Алексеева по прямому проводу в Петроград после совещания у Государя, на котором присутствовали граф Фредерикс, генерал Алексеев и генерал Воейков. Ответ выражал согласие Государя на образование ответственного мини-

стерства, при чем Его Величество, оставляя в своем непосредственном распоряжении министерства военное, морское, иностранных дел и Императорского Двора, поручал формирование кабинета князю Львову^[100].

Безусловно все, и свита и чины штаба, выражали радость по поводу ответа и надеялись, что это согласие Царя на образование ответственного министерства внесет успокоение. Однако все эти сведения появлялись отрывочно и никто не знал, насколько были верны слухи^{4{292}{293}}.

Около 6 часов вечера я вместе с проф. С. П. Федоровым отправился на станцию в вагон генерал-адъютанта Н. И. Иванова, который нас ожидал. В этом вагоне генерал Иванов жил все время войны, начиная с 1914 года, когда он из Киева выступил на войну главнокомандующим Южного фронта. Все победоносные операции в Галиции, блестящего периода начала великой войны, обсуждались в этом вагоне, небольшом, но уютном. В салоне стояло несколько столов, висели карты.

Я лично давно знал Н. И. Иванова, с тех еще пор, когда он был полковником и служил в главном артиллерийском управлении, затем встречал его на Японской войне, бывал у него в Киеве, а с 1914 года постоянно видал его, сначала на Южном фронте, а со времени назначения генерал-адъютанта Иванова состоять при Особе Его Величества мы находились вместе в Ставке.

Николай Иудович был чисто русский человек незнатного происхождения, пробивший себе дорогу упорным трудом. Неглупый, осторожный, настойчивый, глубоко религиозный и честный генерал Иванов и по внешнему своему виду являлся типичным великороссом, с большой, теперь уже поседевшей, бородой и характерной русской речью.

Мы сели, Николай Иудович стал угощать нас чаем.

«Что-то будет от такой разрухи. Чем все это кончится», – сказал он.

«Вам необходимо прийти на помощь Государю. Он совершенно один и измучен. Вам надо отправиться в Петроград, принять командование всеми войсками и водворить порядок», – ответили мы Иванову.

«Поздно теперь, части зашатались и верных мало осталось. Мне, конечно, самому ничего не надо. Жизнь к концу. Я рад и счастлив помочь Его Величеству, но как это сделать. Необходимо иметь хоть небольшую, но твердую часть, чтобы до Царского к Императрице доехать и охранить семью, а там уже действовать как Бог укажет», – рассуждал Иванов.

«Вы сегодня за обедом переговорите с Государем, скажите ему свои соображения и доложите, что готовы принять на себя поручение Его Величества проехать в Петроград для водворения порядка. Государь так волнуется событиями и за Императрицу и детей. Он наверное будет благодарен, что Вы возьмете на себя умиротворение столицы и станете во главе этого тяжелого и серьезного дела. Бог поможет Вам. Вас знает вся Россия».

⁴ Автор воспоминаний впадает в этом случае, как и в последующем изложении, в ошибку. Окружающие Государя, действительно, настаивали на немедленном образовании ответственного перед палатами Министерства, полагая, что эта мера может внести успокоение, и мнение это являлось, общепризнанным в Ставке. Однако телеграмма, посланная Его Величеством кн. Голицыну⁽²⁹²⁾ (см. отдел библиографии⁽²⁹³⁾), свидетельствует, что Государь стоял в этом деле на правильном пути, сознавая, что обстоятельства требовали не уступок мятежу, а твердого образа действия. Согласие Государя на образование ответственного Министерства последовало лишь вечером 1 марта в Пскове, по настоянию генерала Рузского, после чего отменены были военные меры, предуказанные Государем в Ставке. (Ред.)

^{292} Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) – князь, архангельский, калужский, тверской губернатор, сенатор (1903). Во время мировой войны – председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находившимся в неприятельских странах. Член Государственного совета (1915). С 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. – последний председатель Совета министров. Пытался проводить гибкую политику. 27 февраля 1917 г. вместе с другими членами царского правительства был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В апреле 1917 г. освобожден под обязательство не участвовать в политической деятельности. Жил в Петрограде, занимался сапожным ремеслом. Трижды арестовывался органами ВЧК – ОГПУ. В 1925 г. расстрелян.

^{293} См. телеграмму Государя князю Н. Д. Голицыну от 27 февраля 1917 г. в разделе «Приложения».

Мы оставались у Иванова больше часа, обсуждая то трудное и опасное дело, которое он соглашался взять на себя. Должен отметить, что старый генерал-адъютант не поколебался ни одной минуты пойти на помощь Царю и России в эти роковые дни. Он обсуждал только вопрос, как лучше сделать это, и ни разу даже не намекнул, что он не может и не хочет этого делать. Больше всего смущало старика то, что «поздно хватились, надо бы раньше направиться туда в Питер», и часто повторял «боюсь, поздно».

«Мы Вам устроим сегодня за обедом место рядом с Государем», – сказал С. П. Федоров, – «я скажу гофмаршалу князю Долгорукову об этом».

Мы распрощались и поехали во дворец. По пути на Днепровском проспекте у ярко освещенного изнутри дома мы заметили автомобиль дворцового коменданта, и Сергей Петрович сказал мне: «Смотрите, это Воейков все хлопочет и устраивает квартиру для своей жены. Он ждет ее на днях».

Я крайне удивился, услышав эти слова, и не мог себе представить, что в такие минуты, когда все страшилось за судьбу всего нашего строя и Царской Семьи, такой близкий ко двору человек мог быть так спокоен. Верно он не сомневается, что все обойдется благополучно, иначе не стал бы он заниматься такими пустяками. Ведь ему более чем кому-либо известно положение дела.

Этот последний обед, 27 февраля, у Его Величества в Ставке до отречения Государя я ясно помню. Он врезался в память. Приглашены были генерал Кондзеровский и какой-то полковой командир, прибывший с фронта. Затем за столом находились только те, кто постоянно обедали с Государем, т. е. вся свита и иностранные военные представители.

Тяжелое настроение господствовало у всех. Молча ожидали мы выхода Государя из кабинета. Его Величество в защитной рубашке появился за несколько минут до 8 часов. Он был бледен, его большие, красивые глаза смотрели не так, как всегда. Были видны и грусть и тревога. Государь обошел всех молча и только приглашенному командиру полка сказал несколько слов.

За столом рядом с Государем сел генерал-адъютант Иванов, и они весь обед тихо разговаривали между собою.

Когда вышли из-за стола и направились в зал, Государь подошел к дежурному генералу Кондзеровскому и сказал: «Я Вас прошу непременно сделать распоряжение относительно того лица, о котором я говорил Вам. Это поручение моей матушки, и я хочу непременно его срочно исполнить».

Генерал Кондзеровский сказал: «Слушаюсь, Ваше Величество, я немедленно отдам приказание».

Государь сделал общий поклон и ушел в кабинет.

Все стали расходиться. Ко мне подошел генерал-адъютант Иванов и сообщил, что наше общее желание удовлетворено: Государь повелел ему отправиться с Георгиевским батальоном сегодня в ночь в Царское и затем в Петроград для водворения порядка. Николай Иудович добавил: «Его Величество приказал побывать у него еще раз для дополнительных директив. «Ведь Вы уезжаете сегодня ночью в Царское, где будете 1-го марта», – говорил мне Государь. Дается ответственное министерство, послана об этом телеграмма в Петроград. Государь надеется, что это внесет успокоение и восстание можно будет потушить. А я все-таки опасаюсь, не поздно ли. Да и сам Государь, как Вы видели, сумрачен и очень тревожится. Я с Георгиевцами поеду прямо через Дно на Царское и Петроград, а Императорские поезда пойдут через Смоленск – Лихославль – Тосно на Царское».

Мы простились с Николаем Иудовичем, я пожелал ему успеха и сказал: «Бог даст, скоро встретимся в Петрограде».

«Дай Бог», – ответил генерал Иванов и, наклонив голову, торопливо пошел в кабинет Государя.

Часов в 11 часов вечера, когда я сидел у себя в комнате, ко мне вошел барон Штакельберг и взволнованным голосом сказал:

«Скорее собирайтесь. Мы сейчас уезжаем. Государь едет в Царское. Происходят такие события, что нельзя сказать, чем все это кончится. Правда, ответственное министерство, на которое согласился Его Величество, может поправить дело. На него только надежда, но все-таки очень тяжело».

Через полчаса мы уже переезжали в автомобилях в свой свитский поезд.

Вместе со мною в этом поезде ехали: командир собственного Его Величества железнодорожного полка генерал-майор Цабель, церемониймейстер барон Штакельберг, комендант поезда подполковник Таль^[101], начальник дворцовой охраны полковник Невдаров^[102], затем офицеры конвоя, сводного полка, собственного жел. – дорожн. полка, чины канцелярии министерства Двора. Наш поезд должен был уйти раньше «собственного Его Величества» на час.

Весь этот вечер и почти всю ночь мы все не расходились и беседовали о нашем срочном отъезде и хотя выражали надежду, что предуказанный парламентский строй внесет успокоение в общество, но отошли мы из Могилева, после 2 часов ночи 28 февраля, с большой тревогой.

Переезд Могилев – Орша – Смоленск – Лихославль – Бологое – Малая Вишера

Вторник, 28-го февраля^[103].

Вчера, 27 февраля, в понедельник, после обеда Государь ушел к себе в кабинет и там беседовал сначала с генерал-адъютантом Ивановым и указал ему еще раз придти к нему в вагон по переезде его в поезд, затем с генерал-адъютантом Алексеевым, потом с графом Фредериксом и генералом Воейковым. С генералом Алексеевым Его Величество говорил о том, что теперь, когда будет создаваться ответственное министерство, ему придется задержаться в Царском, так как новые условия организации правительства потребуют пребывания Его в столице. Государь расстался с своим начальником штаба в полной уверенности, что генерал-адъютант Алексеев поведет дело так, как оно определено Его Величеством.

«Теперь есть телефон между Ставкой и Царским и Вы, Михаил Васильевич, будете меня держать в курсе всех дел и событий», – сказал Государь, расставаясь с генералом Алексеевым. «Дай Бог только наладить спокойствие в Петрограде Николаю Иудовичу», – добавил Его Величество.

После 12 часов ночи с понедельника на вторник Государь переехал в поезд и к Его Величеству тотчас прибыл генерал-адъютант Иванов и оставался на аудиенции почти 2 часа. Государь, как мне передавал потом Николай Иудович, по душе, сердечно и глубоко искренно говорил с ним. Измученный, боящийся за участь России и свою семью, взволнованный озлобленными требованиями бунтующей Государственной Думы, Царь сказал генералу Иванову свои грустные и тяжелые соображения.

«Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу» – так выразился Государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался до сих пор дать парламентский строй. Затем Государь указал, что теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы, так как волнения дошли до бунта и противодействовать он не в силах. Государь говорил о той упорной агитации, которая давно ведется против Императрицы и его самого, и скорбел о том, что их лучшим стремлениям никогда не верили и злобные слухи доходили до того, что высказывались подозрения о возможности сношений между ними и врагом России императором Вильгельмом.

Слова Царя трогали генерала Иванова, по его рассказу, настолько, что ему трудно было иногда отвечать от спазм в горле. Государь, расставаясь с Николаем Иудовичем, поцеловался с ним, перекрестил его и в свою очередь Иванов перекрестил Царя.

Его Величество лег в эту ночь поздно, после 3 часов, и встал на следующий день позже обычного времени, около 10 часов утра. Днем, во вторник, мы проехали Смоленск, Вязьму. Всюду было полное спокойствие. Стоял яркий солнечный, немного морозный, день. Царские поезда шли обычным порядком. Нас сопровождали, каждый по своему участку, путевые инженеры. Вот от одного из таких инженеров в нашем свитском поезде, который шел, как я сказал, впереди Императорского поезда, мы узнали через нашего инженера Эртеля после 4 часов дня, что образовано какое-то новое «временное правительство», а старая власть свергнута. Об этом оповещал телеграммой по железной дороге член Думы Бубликов^[104], назначенный комиссаром путей сообщения. Он просил всех служащих на железной дороге «во имя добытой свободы» оставаться на своих местах и исполнять неуклонно свою работу. Кроме того получена на одной из станций телеграмма от какого-то коменданта ст. Петроград сотника Грекова^[105] о «направлении литерных поездов А и Б (т. е. свитского и Царского) непосредственно в Петроград, а не в Царское Село через Тосно».

Эти неожиданные сведения нас всех крайне взволновали. Стало понятно, что в Петрограде уже совершился революционный переворот и образованное «временное правительство» свободно распоряжается Императорскими поездами, решаясь направлять их по своему усмотрению. После получения этого тревожного известия мы, следовавшие в свитском поезде генерал Цабель, барон Штакельберг, полковник Невдаров, подполковник Таль, чиновники канцелярии министерства Двора А. В. Суслов^[106] и я стали обсуждать вопрос, как же реагировать на него. Постановили, чтобы я написал обо всем, что нами узнано, письмо профессору С. П. Федорову, едущему в поезде Государя, с которым я был близок, с просьбой сообщить дворцовому коменданту для доклада Его Величеству. Письмо мною было сейчас же написано, помню карандашом, причем помимо фактов, было высказано соображение, что в этих обстоятельствах ехать далее не следует и лучше через Бологое направиться в Псков, где находится штаб Северного фронта, там генерал-адъютант Рузский, есть близко войска и сам по себе Псков старый, тихий, небольшой губернский город, где Его Величество спокойно может пробыть и определить создавшиеся обстоятельства и выяснить обстановку. Письмо было передано одному из офицеров, который сошел с нашего поезда на ближайшей станции и дождался поезда собственного Его Величества и передал письмо лейб-хирургу С. П. Федорову. Часам к 12 ночи наш свитский поезд подошел к Бологому, где мы получили от генерала Воейкова ответную на мое письмо телеграмму такого примерно содержания: «во что бы то ни стало пробраться в Царское Село». Всех удивил этот ответ, некоторые из нас даже настаивали, чтобы задержаться в Бологом до подхода «собственного» поезда и еще раз переговорить с дворцовым комендантом, но, в конце концов, решили ехать дальше. Тронулись в путь и около часа ночи на 1-е марта прибыли на ст. Малая Вишера. Весь наш поезд не спал, мы все время обсуждали наше трудное положение и сознавали, что следовать далее не только крайне рискованно, но просто невозможно, не подвергая жизнь Его Величества опасности.

На самой станции Малая Вишера в наш поезд вошел офицер (не помню его фамилии) собственного Его Величества железнодорожного полка и доложил командиру генералу Цабель, что станция Любань, а равно и Тосно заняты революционными войсками, там находятся, кажется, роты л. – гв. Литовского полка с пулеметами, что люди этой роты из Любани уже сняли с постов людей железнодорожного полка и что он едва мог уехать на дрезине сюда, чтобы доложить о том, что случилось.

Вслед за такими, уже определенно грозными, сообщениями было сделано нами немедленное распоряжение по ст. М. Вишера занять телефоны, телеграф и дежурную комнату; выставлены наши посты, указано железнодорожным жандармам охранять станцию от всяких случайностей и она стала изолированной от сношений с кем бы то ни было без нашего ведома. Решено было далее не двигаться и ожидать здесь подхода «собственного» поезда для доклада полученных известий Его Величеству.

На станции почти нет народу. Она ярко освещена. Начальник станции, небольшой старичок, очень исполнительный и расположенный сделать все, что необходимо, перевел наш поезд на запасный путь, и мы стали ждать подхода «собственного» поезда.

Ночь ясная, тихая, морозная. Всюду царствовала полная тишина. На платформе, на путях виднелись наши посты солдат железнодорожного полка. Генерал Цабель, барон Штакельберг и я находились на платформе, поджидая прибытия Царского поезда. Около 2 часов ночи он тихо подошел. Из вагонов вышел только один генерал Нарышкин. Мы спросили Кирилла Анатольевича, где же дворцовый комендант и остальная свита.

«Все спят в поезде», – ответил он. Признаться, мы крайне поразились этому известию.

«Как спят. Вы знаете, что Любань и Тосно заняты революционными войсками. Ведь мы сообщили, что наши поезда приказано отправить не на Царское, а прямо в Петроград, где уже есть какое-то «временное правительство...»

К. А. Нарышкин, неразговорчивый всегда, и на этот раз молчал. Мы вошли в вагон, где было купе дворцового коменданта, и постучались к нему. Владимир Николаевич крепко спал. Наконец он пробудился, оделся, к нему вошел генерал Цабель и доложил, как непосредственно подчиненный, о всех событиях и занятии Любани и Тосно.

Через несколько минут генерал Воейков вышел в коридор с всклооченными волосами и начал с нами обсуждать, что делать. Некоторые из нас советовали ехать назад в Ставку, указывали на путь на Псков, о чем уже я писал днем. Генерал Воейков, помнится, сам не высказывался определенно ни за то, ни за другое предложение. Затем он прошел в вагон Его Величества и доложил Государю все, что ему донесли. Дворцовый коменданта очень скоро вернулся от Государя, который недолго обсуждал создавшееся положение и повелел поездкам следовать назад на Бологое, а оттуда на Псков, где находится генерал-адъютанта Рузский.

Государь вообще отнесся к задержкам в пути и к этим грозным явлениям необычайно спокойно. Он, мне кажется, предполагал, что это случайный эпизод, который не будет иметь последствий и не мешает ему доехать, с некоторым только опозданием, до Царского Села.

Я прошел в купе к С. П. Федорову, который не спал, да и все уже проснулись в Царском поезде. Меня интересовало, почему такое спокойствие царило в их вагонах после того, как мы им передали безусловно тревожные сведения.

«Да Владимир Николаевич не придавал им особого значения и думал, что поезда все-таки могут дойти до Царского, несмотря на приказание направить их на Петроград. Письмо он Ваше прочитал, но вероятно не доложил его Государю», – ответил мне Сергей Петрович.

«Так что Вы думаете, что Его Величество не вполне знает, что случилось», – спросил я.

«Да, я полагаю, Он не вполне в курсе событий. Государь сегодня был довольно спокоен и надеялся, что раз он дает ответственное министерство и послал генерала Иванова в Петроград, то опасность устраняется и можно ждать успокоения. Впрочем, Он мало сегодня с нами говорил», – сказал Сергей Петрович.

Пока переводили наши поезда на обратный путь, причем, дабы охранить, Царский поезд поставили позади, – мы успели прочитать сообщения какого-то листка о намеченном составе «временного правительства».

Весь состав этого первого министерства «временного правительства» почти исключительно кадетский^[107], только Керенский^[108] стоит левее остальных, принадлежа к партии, кажется, социал-демократов; министр военный и морской Гучков считался в октябристах, но по своей общественной деятельности и активной борьбе с правительством, и не только с ним, но даже с Государем, он являлся самым ярким проводником новых начал и перемены власти. Назначенный в начале августа 1915 года председателем промышленного комитета^[109], Гучков много вложил злой энергии в расшатывание основ власти и совместно с бывшим тогда военным министром генералом А. А. Поливановым, его другом, сеял недоверие в деятельность Ставки и опять-таки к самому Государю. Наша пресса, настроенная уже давно враждебно к прежнему правительству, встретила состав «временного правительства», судя по первым попавшим газетам и листкам, сочувственно и высказывала уверенность, что Россия приобретает огромные преимущества, заменив «негодную царскую самодержавную власть». Сулились победы, подъем деятельности в стране после «перемены шофера», как уже выражались тогда поклонники переворота, и устранения от власти «Николая». Так все это мы и прочитали уже 1-го марта в М. Вишере.

Помню, мы начали обсуждать состав министерства и некоторые из нас находили его соответствующим настоящему моменту. На мои замечания, что вряд ли социалист Керенский может быть полезен в составе министерства, мне ответили: «Кто знает, он может успокоить рабочих, левое крыло Думы и несколько утихомирить революционные проявления, если конечно пожелает начать работать, а не продолжать революцию»...

Уже поздно ночью, должно быть в четвертом часу, наш свитский поезд отошел вслед за «собственным».

Мы ехали в Псков к генерал-адъютанту Рузскому, надеясь, что Главнокомандующий Северного фронта поможет Царю в эти тревожные часы, когда зашаталась власть, устранить революционные крайности и даст возможность Его Величеству провести в жизнь народа спешные преобразования правления России, по возможности, более тихо по намеченной уже программе, о чем сообщено было днем 27 февраля из Ставки в Петроград. В пути на Псков мы готовили манифест, в котором Государь призывал народ к спокойствию, указывая на необходимость единодушно с ним – царем – продолжать войну с немцами. Казалось старый, считавшийся умным, спокойным Рузский сумеет поддержать Государя в это страшное время. Верил в это и сам Государь, почему и выбрал путь на Псков, а не в другое место.

Переезд Малая Вишера – Бологое – Валдай – Ст. Русса – Дно – Порхов – Псков

Среда, 1-го марта^[110].

Днем мы подходили к Старой Руссе. Огромная толпа народа заполняла всю станцию. Около часовни, которая имеется на платформе, сгруппировались монахины местного монастыря. Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение всего народа глубоко сочувственное к Царю, поезд которого только что прошел Руссу, и я сам слышал, как монахины и другие говорили: «Слава Богу удалось хотя в окошко увидеть Батюшку-Царя, а то ведь некоторые никогда не видали его».

Всюду господствовал полный порядок и оживление. Местной полиции, кроме двух-трех урядников, станционных жандармов, исправника, никого и не было на станции. Я не знаю, было ли уже известно всему народу о создании «временного правительства», но железнодорожная администрация из телеграммы Бубликова^[111] должна была знать о переменах и распоряжениях Государственной Думы, тем не менее все было по-прежнему, и внимание к поезду особого назначения полное.

Невольно думалось об этой разнице в отношении к Царю среди простого народа в глубине провинции, здесь в Ст. Руссе, и теми революционными массами Петрограда с солдатскими бунтами, благодаря которым Государь принужден вернуться с своего пути в Царское Село.

День стоял ясный, уже чуть-чуть чувствовалась весна. Наши поезда шли спокойно, без малейших затруднений. Единственное изменение в нашем движении было то, что мы шли тише, так как не был известен путь и надо было уменьшать скорость. Кроме того на паровозе находились офицер железнодорожного полка с двумя солдатами. Как я сказал выше, свитский поезд шел сзади «собственного», но на ст. Дно, которую прошли совершенно спокойно, мы обогнали Царский поезд, дабы к Пскову подойти раньше.

Когда мы проходили на ст. Дно мимо «собственного» поезда и некоторые из нас стояли на площадке вагона, то дворцовый комендант вышел из своего вагона, стал на подножку, приветливо помахал нам рукой и улыбаясь громко крикнул в мою сторону: «Надеюсь Вы довольны, мы едем в Псков». Вид у Владимира Николаевича был очень бодрый, веселый.

«Мне кажется, что «Дворком» уверен в благополучном исходе всех наших приключений и событий, иначе у него не было бы такого довольного вида», – сказал кто-то из нас, когда мы миновали Царские вагоны.

Первое марта, проклятый и позорный день для России^[112], уже кончался, когда мы после 7 часов вечера стали подходить к древнему Пскову. Станция темноватая, народу немного, на платформе находился Псковский губернатор, несколько чинов местной администрации, пограничной стражи генерал-лейтенант Ушаков^[113] и еще небольшая группа лиц служебного персонала. Никаких официальных встреч очевидно не будет и почетного караула не видно. Поджидая подход Императорского поезда, многие из нас говорили с теми лицами, которые прибыли на вокзал для встречи Государя, но ничего нового мы не узнали здесь о событиях в Петрограде, да и все были очень сдержаны в своих речах. Губернатор сообщил только, что Псков пока равнодушно отнесся к событиям и в городе тихо. «Впрочем, мы на театре военных действий и у нас трудно было ожидать волнений», – добавил начальник губернии.

На вокзале народа мало, так как из Петрограда после революционных дней конца февраля поезда не приходили и пассажирское движение еще не установилось.

Около 8 часов вечера прибыл «собственный» поезд. Я и барон Штакельберг прошли в вагон лиц свиты. Мы застали всех в коридоре; тут был граф Фредерикс, К. Д. Нилов, князь Долгорукий, граф Граббе, С. П. Федоров, герцог Лейхтенбергский. Уже знали, что почетного караула не будет и Его Величество на платформу не выйдет. Спросили нас, что слышно о городе, спокойно ли там.

Государь на очень короткое время принял губернатора. Все ждали прибытия главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Николая Владимировича Рузского. Через несколько минут он появился на платформе в сопровождении начальника штаба фронта генерала Юрия Никифоровича Данилова^[114] (бывший генерал-квартирмейстер при великом князе Николае Николаевиче) и своего адъютанта графа Шереметьева^[115]. Рузский шел согбенный, седой, старый, в резиновых галошах; он был в форме генерального штаба. Лицо у него бледное, болезненное и глаза из-под очков смотрели неприветливо. Небольшой с сильной проседью брюнет генерал Данилов, известный в армии и штабах под именем «черный», следовал за главнокомандующим. Они вошли в вагон свиты, где все собрались, и Рузский прошел в одно из отделений, кажется князя Долгорукого, поздоровался со всеми нами и сел в угол дивана около двери. Мы все обступили его. Волнение среди нас царило большое. Все хотели говорить. Рузский, отвалившись на угол дивана, смотрел как-то саркастически на всех. Граф Фредерикс, когда немного успокоились и восклицания вроде того что «Ваше Высочайшее величество должны помочь, к Вам направился Его Величество, когда узнал о событиях в Петрограде», прекратились, обратился к Рузскому примерно с следующими словами: «Николай Владимирович, Вы знаете, что Его Величество дает ответственное министерство. Государь едет в Царское. Там находится Императрица и вся семья, Наследник болен корью, а в столице восстание. Когда стало известно, что уже проехать прямо в Царское нельзя, Его Величество в М. Вишере приказал следовать в Псков к Вам и Вы должны помочь Государю наладить дела».

«Теперь уже поздно», – сказал Рузский. «Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной Думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большое значение. Им управлялась Россия. Потом появился Протопопов и сформировано ничтожное министерство князя Голицына. Все говорят о сепаратном мире»... и т. д., и т. д. с яростью и злобой говорил генерал-адъютант Рузский.

Ему начали возражать, указывали, что он сгущает краски и многое в его словах неверно. Граф Фредерикс вновь заговорил:

«Я никогда не был сторонником Распутина, я его не знал, и кроме того Вы ошибаетесь, он вовсе не имел такого влияния на все дела»...

«О Вас, граф, никто не говорит. Вы в стороне стоите», – ответил Рузский, и в этих словах чувствовалось указание, что ты, дескать, стар и не в счет.

«Но однако, что же делать. Вы видите, что мы стоим над пропастью. На Вас только и надежда», – спросили разом несколько человек Рузского.

Ввек не забуду я ответа генерал-адъютанта Рузского на этот крик души всех нас, не меньше его любивших Россию и беззаветно преданных Государю Императору.

«Теперь надо сдаваться на милость победителя», – сказал он.

Опять начались возражения, негодования, споры, требования, наконец просто просьбы помочь Царю в эти минуты и не губить отечества. Говорили все. Генерал Воейков предложил переговорить лично по прямому проводу с Родзянко; на это Рузский ответил:

«Он не подойдет к аппарату, когда узнает, что Вы хотите с ним беседовать». Дворцовый комендант сконфузился, замолчал и отошел в сторону.

«Я сам буду говорить с Михаилом Владимировичем (Родзянко)», – сказал Рузский.

Я стал убеждать своего бывшего сослуживца по мобилизационному отделу генерального штаба генерала Данилова повлиять на Рузского.

«Я ничего не могу сделать, меня не послушают. Дело зашло слишком далеко», – ответил Юрий Никифорович.

В это время флигель-адъютант полковник Мордвинов пришел и доложил генерал-адъютанту Рузскому, что Его Величество его может принять. Главнокомандующий и его начальник штаба поднялись и направились к выходу.

«Вы после аудиенции у Его Величества вернитесь к нам сюда и сообщите о своей беседе с Государем», – говорили ему все.

«Хорошо, я найду», – нехотя ответил Рузский.

После разговора с Рузским мы стояли все потрясенные и как в воду опущенные. Последняя наша надежда, что ближайший главнокомандующий Северного фронта поддержит своего Императора, очевидно не осуществится. С цинизмом и грубой определенностью сказанная Рузским фраза: «Надо сдаваться на милость победителя», все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот. Мы только недоумевали, когда же это произошло. Прошло менее двух суток, т. е. 28 февраля и день 1 марта, как Государь выехал из Ставки и там остался Его генерал-адъютант начальник штаба Алексеев и он знал, зачем едет Царь в столицу, и оказывается, что все уже сейчас предрешено и другой генерал-адъютант Рузский признает «победителей» и советует сдаваться на их милость.

Чувство глубочайшего негодования, оскорбления испытывали все. Более быстрой, более сознательной предательской измены своему Государю представить себе трудно. Думать, что Его Величество сможет поколебать убеждения Рузского и найти в нем опору для своего противодействия начавшемуся уже перевороту, едва ли можно было. Ведь Государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта под командой того же генерала Рузского, признающего «победителей».

Генерал-адъютант К. Д. Нилов был особенно возбужден, и когда я вошел к нему в купе, он задышавшись говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить, что погибнет Государь и вся Россия. К. Д. Нилов не надеялся на какой-либо благоприятный поворот в начавшемся ходе событий.

«Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на решительные действия Государь не пойдет», – сказал Нилов. К.Д. весь вечер не выходил из купе и сидел мрачный, не желая никого видеть.

Я пошел к нему. Нилов прерывающимся голосом стал говорить мне:

«Царь не может согласиться на оставление трона. Это погубит всю Россию, всех нас, весь народ. Генерал обязан противодействовать этой подлой измене Ставки и всех предателей генерал-адъютантов. Кучка людей не может этого делать. Есть верные люди, войска и не все предатели в России».

К.Д. стал убеждать меня пойти к Государю и еще раз доложить, что оставление трона невозможно.

Мы долго ждали возвращения главнокомандующего Северным фронтом от Государя, желая узнать, чем кончилась беседа их между собою. Однако свита не дождалась Рузского. Он в 12-м часу прямо прошел от Его Величества к себе для переговоров по прямому проводу с Петроградом и Ставкой.

При этом первом продолжительном свидании Рузского с Государем сразу же определилось создавшееся положение. Рузский в настойчивой, даже резкой форме доказывал, что для спокойствия России, для удачного продолжения войны Государь должен передать престол Наследнику при регентстве^[116] брата своего великого князя Михаила Александровича^[117]. Ответственное министерство, которое обещал Царь, теперь уже не удовлетворяет

Государственную Думу и образовавшееся «временное правительство», и уже требуют оставления трона Его Величеством. Главнокомандующий Северного фронта сообщил о согласии всех остальных главнокомандующих с этим мнением Думы и «временного правительства». По этому вопросу через генерала Алексеева достигнуто уже соглашение по прямому проведению между Ставкой Верховного и ставками главнокомандующих⁵. Верховное командование всеми Российскими силами необходимо передать прежнему Верховному великому князю Николаю Николаевичу. Рузский опять повторил то, что сказал ранее всем нам – «о сдаче на милость победителям» и недопустимости борьбы, которая, по его словам, была бесполезна, так как и высшее командование, стоящее во главе всех войск, против Императора. Государь редко перебивал Рузского. Он слушал внимательно, видимо сдерживая себя. Его Величество указал, между прочим, что он обо всем переговорил перед своим отъездом из Ставки с генералом Алексеевым, послал Иванова в Петроград. «Когда же мог произойти весь этот переворот», – сказал Государь. Рузский ответил, что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки.

Перед Царем встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врагов Императора.

Зная Государя и все особенности его сложного характера, его искреннюю непритворную любовь к родине, к семье своей, его полное понимание того неблагоприятного к нему отношения, которое в данный момент охватило «прогрессивную» Россию, а главное боясь, что все это бедственно отразится на продолжении войны, многие из нас предполагали, что Его Величество может согласиться на требование отречения от престола, о котором говорил Рузский. Государь не начнет борьбу, думали мы, боясь не за себя, а за судьбу своего отечества.

«Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественных сил просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь отдать за родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», – говорил Государь.

Государь в эту ночь, с 1 на 2 марта, долго не спал. Он ждал опять прихода Рузского к себе после его разговоров с Петроградом и Ставкой, но Рузский не пришел. Его Величество говорил с графом Фредериксом, Воейковым и Федоровым о Царском, и его очень заботила мысль о Петрограде, семье, так как уже с 27 февраля, т. е. два дня Его Величество ничего не знал и никаких сношений с Царским Селом не было.

Поздно ночью я вышел из вагона и пошел на вокзал. Там было пустынно, дежурили только железнодорожные служащие. Около Царских поездов стояли наша охрана, солдаты железнодорожного полка, спокойно и чинно отдавали честь. Полная тишина всюду и окончательное безлюдье.

Я взял извозчика и проехал в город. Ночь была звездная, морозная и безветренная. Улицы старого города безлюдны, дома мало освещены, только около штабов было несколько люднее и ярко светились окна и фонари. На какой-то колокольне пробило 2 часа, и я вернулся в поезд.

Неужели же я нахожусь в древнем Пскове вместе с Государем Императором и присутствую при обсуждении вопроса об оставлении Царем Российского престола в дни величайшей войны с немцами после того, как этот Царь, ставши предводителем Русской армии, накануне перехода в наступление и вся страна и весь народ уверены, что мы разобьем врага.

⁵ Телеграмма генерала Алексеева Главнокомандующим по вопросу об отречении послана была 2 марта в 10 час. 15 м. утра, а ответы Главнокомандующих сообщены Его Величеству генералом Алексеевым того же числа в 14 час. 30 мин. (Ред.)

Два с половиной года я ежедневно вижу Государя, и все мы, стоящие около него, понимаем, какой это искренний, чуждый малейшей позы, простой, добрый и умный человек. Он не только знает Россию, не только беззаветно ей предан, но Он всю свою жизнь ей служил всем своим существом, без отдыха, забывая свои интересы. Он глубоко предан православию, Он понимает нашу историю, своего предка царя Алексея, любит солдата, народ, его обычаи и верования, любит наш русский уклад, эти древние храмы, Московский Кремль.

И все это оказалось ни к чему. Его заставляют передать престол отроку сыну и слабому, маловольному регенту – брату Михаилу. А у власти, явной власти, становятся случайные люди и среди них личный враг Царя Гучков, Родзянко и все эти лидеры «прогрессивного блока», мечтающие о министерских портфелях.

У нас в вагоне еще не спали и вели беседы о тех горьких минутах наших дней.

Псков

Четверг, 2-го марта^[118].

В этот день Государь встал ранее обычного, и уже в 8 часов утра Его Величество сидел за письменным столом у себя в отделении. «С 6 часов слышно было, как Их Величество поднялись и все перебирали записки и бумаги», – говорил мне камердинер Государя.

Уже несколько дней все мы, и даже Его Величество, не знали, что собственно происходит в Царском Селе и самом Петрограде и насколько безопасна там жизнь наших семей и близких людей. Из слов Рузского о разгроме дома графа Фредерикса на Почтамтской улице видно было, что революционная толпа неистовствует в городе. С целью узнать что-либо о происходящем я послал моего денщика в Петроград, переодев его в форму хлебопекa Псковской команды. С ближайшим поездом он отправился в Царское Село и Петроград. Ему удалось доехать быстро по назначению и даже привезти всем ответы, но уже в Могилев, что значительно успокоило всех нас.

Привожу этот случай для показания, в какой обособленности были Царские поезда в эти дни и даже Государь не мог пользоваться телеграфом и телефоном.

В 9 часов должен был прибыть генерал Рузский и доложить Его Величеству о своих переговорах за ночь с Родзянкой и Алексеевым. Всю ночь прямой провод переносил известия из Пскова в столицу и Ставку и обратно.

В начале десятого часа утра генерал Рузский с адъютантом графом Шереметьевым прибыл на станцию и тихо прошел платформу, направляясь в вагон Его Величества.

На вокзале начал собираться народ, но особенного скопления публики не было. Мы встретили несколько гвардейских офицеров-егерей, измайловцев, которые нам передавали о столкновениях в дни революции у гостиницы Астория, а главное о том, что если бы было больше руководства войсками, то был бы другой исход событий, так как солдаты в первые дни настроены были против бунта. Говорили, что никаких пулеметов на крышах не было. Все эти офицеры выбрались из Петрограда и направлялись в свои части на фронт. Они спрашивали о Государе, о его намерениях, о здоровье и искренно желали, чтобы Его Величество проехал к войскам гвардии. «Там совсем другое», – поясняли они. Чувство глубочайшей преданности к Императору сквозило в каждом их слове.

Рузский пробыл у Его Величества около часа. Мы узнали, что в Псков должен днем приехать председатель Государственной Думы М. В. Родзянко для свидания с Государем^[119].

Все с нетерпением стали ожидать этой встречи. Хотелось верить, что «авось» при личном свидании устранился вопрос об оставлении трона Государем Императором, хотя мало верилось этой чуточной мечте. Дело в том, что за ночь Рузский, Родзянко, Алексеев сговорились, и теперь решался не основной вопрос оставления трона, но детали этого предательского решения. Составлялся в Ставке манифест, который должен был быть опубликован.

Манифест этот вырабатывался в Ставке, и автором его являлся церемониймейстер Высочайшего Двора директор политической канцелярии при Верховном Главнокомандующем Базили^[120], а редактировал этот акт генерал-адъютант Алексеев. Когда мы вернулись через день в Могилев, то мне передавали, что Базили, придя в штабную столовую утром 2-го марта, рассказывал, что он всю ночь не спал и работал, составляя по поручению генерала Алексеева манифест об отречении от престола Императора Николая II. А когда ему заметили^{6{294}}, что это слишком серьезный исторический акт, чтобы его можно было составлять так наспех, то Базили ответил, что медлить было нельзя и советоваться было не с кем и

⁶ Полковник Немченко^{294} передавал мне это в Риме 7 мая (н. ст.) 1920 года.

^{294} Немченко – полковник царской армии.

что ему ночью приходилось несколько раз ходить из своей канцелярии к генералу Алексе-
еву, который и установил окончательно текст манифеста и передал его в Псков генерал-адъ-
ютанту Рузскому для представления Государю Императору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Николай II Александрович (Ники; 1868–1918) – сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, российский император (1894–1917); взошел на престол 21 октября 1894 г. К этому времени имел воинское звание полковник, которое сохранил за собой до конца своего царствования, не считая возможным присвоить себе очередной воинский чин. Во время Первой мировой войны, 23 августа 1915 г. возложил на себя ответственность за тяжелое положение армии на фронте, взяв пост Верховного главнокомандующего. 18 декабря 1915 г. получил от союзников фельдмаршальский жезл и звание фельдмаршала английской армии. Георгиевский кавалер. Отрекся от трона 2 марта 1917 г. Вместе с семьей был Временным правительством заключен под домашний арест в Александровском дворце Царского Села, а в начале августа 1917 г. выслан в сибирскую ссылку в Тобольск. После прихода к власти большевиков царская семья в конце апреля 1918 г. переведена на тюремный режим в Ипатьевский дом в Екатеринбурге. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. все были тайно расстреляны. В советской печати объявили только о казни Николая II. Канонизирован РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

2.

Ставка Верховного главнокомандующего – высший орган управления действующей армией и флотом, местопребывание Верховного главнокомандующего вооруженными силами России во время Первой мировой войны. Первоначально находилась в Барановичах, а с 8 (21) августа 1915 г. – в Могилеве. В состав Ставки в 1917 г. входило: 15 управлений, 3 канцелярии и 2 комитета (всего свыше 2 тыс. генералов, офицеров, чиновников и солдат).

3.

Царское Село – находится в 25 км от Санкт-Петербурга. До Февральской революции в Александровском дворце Царского Села находилась постоянная резиденция Николая II и царской семьи с 1904 г. В Царском Селе были расквартированы 1-й и 4-й лейб-гвардии стрелковые резервные полки и другие воинские части. Здесь с 9 марта до начала августа 1917 г. царская семья содержалась под домашним арестом. После Октябрьской революции дворцово-парковый ансамбль был превращен в музей, а лучшие дома города заняли учебно-воспитательные и оздоровительные учреждения. В 1918–1937 гг. изменялось наименование Царского Села – сначала Солдатское Село, затем – Детское Село. В 1937–1998 годах переименовано в г. Пушкин. С 1998 г. находится в черте С.-Петербурга.

4.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета. Один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Депутат Государственной думы III и IV созывов от Бессарабской губернии, фракция правых. В годы Первой мировой войны работал на фронте в качестве уполномоченного Красного Креста, организовал собственный санитарный поезд. Один из участников убийства Григория Распутина. После Февральской революции выступал за восстановление монархии. В октябре 1917 г. был арестован как организатор монархического заговора (14 человек) в Петрограде. От большевиков обвинение возглавлял Д. З. Мануильский. Приговорен в январе 1918 г. к 4 годам принудительных работ. Амнистирован 1 мая 1918 г. Уехал на юг, издавал в Ростове-на-Дону газету «Благовест», сотрудничал с Белым движением. Умер от сыпного тифа в Новороссийске. В 1918 г. в Киеве был опубликован его дневник, который затем был

переиздан с дополнениями в Риге в 1924 г. Репринт этого издания см.: Пуришкевич В. М. Дневник. «Как я убил Распутина». (М., 1990).

5.

Государственная Дума. – Указом Николая II Государственная дума IV созыва начала свою работу 1 ноября 1912 г.; ее полномочия заканчивались в 1917 г., чем во многом объяснялась политическая активность многих депутатов. Выборы в Думу проходили осенью 1912 г. на основе избирательного закона от 3 июня 1907 г. На заседаниях Думы рассматривались законопроекты, которые затем передавались в Государственный совет и после одобрения утверждались царем. Председателем Думы являлся октябрист М. В. Родзянко. Всего в IV Думу было избрано 442 депутата. Правые и националисты имели 185 мест, октябристы – 98, кадеты – 59, прогрессисты и буржуазные националисты – 69, трудовики – 10, социал-демократы – 14 и беспартийные – 7. 27 февраля 1917 г., несмотря на указ Сената о приостановке ее деятельности, сформировался Временный комитет Государственной думы (ВКГД). После февраля Дума практически уже не функционировала. Временное правительство 6 октября 1917 г. издало акт о роспуске Государственной думы.

6.

Распутин Григорий Ефимович (с 1906 г. Распутин-Новых) (1869–1916) – крестьянин из села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии, «старец-проповедник» и «молитвенник», имевший большое влияние на царскую семью. Был осужден в молодости за конокрадство, но впоследствии обратился к религиозно-мистическим учениям (одно время его подозревали в принадлежности к секте хлыстов) и, сделавшись «старцем», пешком обошел многие святые места. Весной 1911 г. он совершил путешествие в Иерусалим и затем вместе с большим числом паломников в Саров. С помощью своих покровителей из «высшего света» был допущен в царский дворец. В качестве «провидца» и «исцелителя» приобрел значительное влияние на императрицу Александру Федоровну, сумев внушить ей, что сможет спасти больного гемофилией цесаревича Алексея. Обладал даром останавливать кровотечение. Он неоднократно облегчал приступы болезни наследника престола, что не удавалось делать многим опытным врачам. Однако порочное и вызывающее поведение Распутина за пределами дворца роняло в общественном мнении репутацию царской семьи, что использовалось левой прессой и политическими оппозиционными деятелями в борьбе за власть. Среди агентов «охранки» условная кличка Распутина была «Темный». В убийстве Г. Е. Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. были замешаны несколько человек, в т. ч. родственники царя – князь Ф. Ф. Юсупов (младший) и вел. князь Дмитрий Павлович, которые считали, что этим актом они спасают монархию. Распутин временно был захоронен вне пределов кладбища, на участке А. А. Вырубовой, около Царскосельского парка. В дальнейшем предполагалось перенести останки Распутина на его родину в село Покровское Тобольской губ. В дни Февральской революции захоронение было уничтожено восставшими солдатами, а труп «старца» сожжен.

7.

«Новое время» (СПб., 1868–1917) – ежедневная газета, одна из популярнейших петербургских политических газет. Основана А. Киркором, в 1871 году перешла к Ф. Н. Устрялову. В 1876 году газету приобрели А. С. Суворин и В. И. Лихачев.

8.

«Прогрессивный блок» – летом 1915 г. в Государственной думе и Государственном совете было выработано соглашение об образовании парламентского блока, в руководстве которого

главную роль играли члены масонских лож. Бюро «Прогрессивного блока» возглавил масон В. Меллер-Закомельский, а членами были – видные масоны: Д. Гримм и М. Ковалевский (от академической группы в Госсовете); В. Гурко, М. Стахович, Д. Олсуфьев (внепартийные в Госсовете); А. Шингарев и Н. Некрасов (от кадетов); И. Ефремов, В. Ржевский (от прогрессистов); С. Шидловский, Е. Ковалевский, И. Годнев (от октябристов); В. Львов (от группы центра). Обстановка в стране подтолкнула большинство фракций в Государственной думе и Государственном совете объединиться в августе 1915 года в «Прогрессивный блок». Вне блока оставались только крайние правые и меньшевики. «Прогрессивный блок» выступал с критикой царского правительства за неспособность обеспечить победу в Первой мировой войне и выдвигал программу ограниченных либерально-демократических реформ. Главным требованием «блока» являлось создание «министерства доверия» во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Государственной думой. Требование оставалось в рамках закона о думе 1906 года.

9.

Вырубова (Танеева) Анна Александровна (1884–1964) – близкий друг царской семьи. В дни Февральской революции тяжело болела корью, как и царские дети, находилась в Александровском дворце. 21 марта 1917 г. по доносу подверглась аресту Временного правительства и была заключена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В конце июля 1917 г. она все же была освобождена постановлением ЧСК «за отсутствием состава преступления». В декабре 1920 г. вместе с матерью бежала из Петрограда по льду Финского залива через границу. Позднее стала монашенкой. Жила и умерла в Финляндии. Автор воспоминаний «Страницы из моей жизни».

10.

Протопопов Александр Дмитриевич (генерал Калинин; 1866–1918) – действительный статский советник, Симбирский губернский предводитель дворянства, депутат III и IV Государственных дум от Симбирской губернии (фракция земцев-октябристов), товарищ председателя IV Государственной думы (с 1914). Член «Прогрессивного блока». Член партии октябристов. Летом 1916 г. во время посещения делегации думцев за границу (парламентов Англии, Франции, Италии) в Стокгольме (Швеция) встречался и вел, предположительно, переговоры с неофициальным агентом Германского правительства банкиром Варбургом. В сентябре 1916 г. был назначен управляющим МВД и Главным начальником Отдельного корпуса жандармов, а затем министром внутренних дел (20.12.1916 – 28.02.1917). Являлся основателем и редактором монархической газеты «Русская воля». Состоял в близких отношениях с Г. Е. Распутиным, за что резко осуждался своими сторонниками по партии и некоторыми кругами светского общества. В дни Февральской революции, после попытки подавления народных выступлений был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Позднее расстрелян по приговору ВЧК.

11.

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – книготорговец и крупнейший русский книгоиздатель. В 1883 г. учредил издательское товарищество «И.Д. Сытин и К», в 1884 году вместе с Л. Н. Толстым создал издательство «Посредник»; владелец самого большого в России издательского предприятия, выпускал книги огромными тиражами и по низкой цене; основатель и издатель газеты «Русское слово» (с 1897). После 1917 г. – консультант Госиздата, с 1928 г. – на пенсии.

12.

Рябушинский Владимир Павлович (1873–1955) – общественный и политический деятель. Брат банкиров и предпринимателей Д.П., М.П., Н.П., П.П. и С. П. Рябушинских. Московский промышленник. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. В 1912 г. один из основателей Прогрессивной партии и газеты «Утро России». Участник Первой мировой войны. Награжден орденом Св. Георгия. Поддерживал генерала Л. Г. Корнилова и Белое движение. Участник Ясского совещания. Приглашен осенью 1920 г. генералом П. Н. Врангелем в качестве эксперта при Экономическом совещании. В эмиграции жил во Франции с 1920 г. Один из основателей Торгово-Промышленного Союза («Торгпром») в Париже, входил в Центральное объединение, избранное зарубежным съездом в 1926 г.

13.

Александровский дворец – заложен в 1792 г. по распоряжению Екатерины II и строился к бракосочетанию ее внука, вел. князя Александра Павловича (будущего императора Александра I). В мае 1796 г. строительство было завершено. Архитектурный проект Александровского дворца принадлежит знаменитому итальянскому архитектору Д. Кваренги. С 1904 г. Александровский дворец стал постоянной резиденцией императора Николая II. В начале XX в. во дворце происходили едва ли не все важные события, связанные с русской государственной жизнью: приемы послов и иностранных деятелей, празднование юбилеев – 300-летия дома Романовых и 200-летия Царского Села.

14.

В конце января 1917 года в Петрограде происходила межсоюзная военная конференция по вопросу о подготовке и начале общего наступления против австро-германских войск, в которой принимали участие представители Франции, Англии, Италии и др.

15.

Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) – лорд, английский дипломат. В 1910–1918 гг. состоял послом в России. Активный сторонник демократических преобразований в России. Автор мемуаров «Моя миссия в России. Воспоминания дипломата» (Берлин, 1924).

16.

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) – граф, генерал-адъютант Свиты Николая II, генерал от кавалерии (1901). В 1897–1917 гг. министр Императорского двора и уделов. В дни Февральской революции по распоряжению Временного правительства был выслан из Ставки и затем арестован. После Октябрьской революции – в эмиграции. Автор воспоминаний (на англ. яз.).

17.

Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921) – граф, генерал-адъютант Свиты императора. Принадлежал к ближайшему окружению царской семьи. После Февральской революции до отправки Романовых в ссылку (Тобольск) разделял их участь в Александровском дворце Царского Села. После Октябрьского переворота большевиков находился в эмиграции. Автор воспоминаний «Последние дни Царского Села». (Лондон, 1927, на англ. яз.).

18.

Покровский Николай Николаевич (1865–1930) – окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1888), службу начал в министерстве финансов (1889).

Товарищ министра финансов (1906–1914). Государственный контролер (25.01.1915 – 30.11.1916). Министр иностранных дел (30.11.1916 – 27.02.1917). Был против политики Протопопова, считая, что она ведет к сепаратному миру. В кабинете министров был сторонником сотрудничества с либеральной общественностью. В МИД передал 3 марта 1917 г. дела П. Н. Милюкову. Арестован не был. После Февральской революции стал председателем Сибирского банка. В эмиграции с 1918 г. С апреля 1918 г. был зам. председателя Союза защиты интересов русских кредиторов и должников – общественной организации, возникшей по почину коммерческих кругов для учета взаимных германо-русских претензий в соответствии с Брестским мирным договором. Профессор Каунасского университета (Литва). Автор рукописных воспоминаний (хранятся в ЦГАЛИ). Умер в Ковно.

19.

Государственный Совет – высший законосовещательный орган Российской империи в 1810–1917 гг. С учреждением I Государственной думы был преобразован в верхнюю законодательную палату. Председатель и члены его назначались императором. Совет подразделялся на департаменты, на которые возлагалось рассмотрение определенного круга вопросов. К 1906 г. в состав Государственного совета входили 4 департамента: законов, государственной экономии, гражданских и духовных дел; промышленности, наук и торговли. Делопроизводство Государственного совета вела Государственная канцелярия во главе с государственным секретарем. 20 февраля 1906 г. Государственный совет был преобразован в верховную палату российского парламента. Половина членов с тех пор избиралась, а другая половина по-прежнему ежегодно назначалась императором. После Февральской революции фактически прекратил свою деятельность

20.

Жильяр Пьер (Петр Андреевич; 1879–1962) – швейцарский гражданин, гувернер и преподаватель французского языка цесаревича Алексея Николаевича. Автор многих книг и воспоминаний.

21.

Алексей Николаевич (1904–1918) – вел. князь, наследник цесаревич. Крестными были императрица Мария Федоровна и вел. князь Алексей Александрович. Страдал гемофилией (несвертываемость крови, болезнь передавалась по наследству по женской линии). В годы Первой мировой войны часто находился вместе с Николаем II в Ставке Верховного главнокомандования в Могилеве. Цесаревич состоял в чине ефрейтора, за пребывание вместе с отцом в прифронтовой полосе отмечен в 1915 г. Георгиевской медалью. Являлся шефом ряда гвардейских частей, в том числе л. – гв. Конно-Гренадерского полка. Находясь с родителями в Тобольской ссылке, поддерживал переписку со школьным учителем П. В. Петровым, А. А. Вырубовой и др. Расстрелян со всей семьей в Ипатьевском доме в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в возрасте 13 лет. Труп цесаревича был сожжен чекистами. После его смерти известно несколько случаев объявления самозванцев, претендовавших на имя наследника Российского престола. Последний дневник цесаревича Алексея, содержащий записи с 11/24 марта до 9 ноября 1917 г., был найден белогвардейцами и позднее оказался вывезенным в США. Канонизирован РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

22.

Имеется в виду кто-то из товарищей Алексея Николаевича. Возможно, юные кадеты «Кулик» или «Глина», сверстники цесаревича по играм, – Евгений Макаров или Василий Агеев.

23.

Анастасия Николаевна (Анастасия; 1901–1918) – вел. княжна, четвертая дочь Николая II и Александры Федоровны. В годы Первой мировой войны ухаживала за ранеными бойцами вместе с неразлучной сестрой Марией в собственном лазарете в Царском Селе. Находясь в тобольской ссылке, вела переписку с родственниками и знакомыми. Расстреляна вместе с семьей с 16 на 17 июля 1918 г. в возрасте 17 лет. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000). После расстрела появились многочисленные слухи о чудесном спасении великой княжны Анастасии, в том числе под именем Анны Андерсон. Версия имела широкое распространение на Западе в связи со скандальными судебными процессами Андерсон, которую так и не признали великой княжной. Недавно проведенные учеными генетические исследования позволили доказать самозванство Андерсон. Несмотря на это, в печати продолжают появляться «сенсации» о благополучном существовании в том или ином месте «очередной» великой княжны Анастасии.

24.

Екатерина II Алексеевна (Екатерина Великая; 1729–1796) – императрица всероссийская (с 1762). До принятия православия урожденная принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская.

25.

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) – князь Таврический, государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Президент Военной коллегии. Фаворит Екатерины II.

26.

Суворов Александр Васильевич (1729–1800) – великий русский полководец, граф Рымникский (1789), князь Итальянский (1799), генералиссимус (1799).

27.

Перед Февральской революцией наиболее устойчивыми слухами из области мифов были обвинения императрицы Александры Федоровны и ее окружения в предательстве интересов России. Даже французский посол в Петрограде Морис Палеолог 10 декабря 1916 г. записал в своем дневнике: «Что политику России делает камарилья императрицы, факт несомненный. Но кто руководит самой этой камарильей? От кого получает она программу и направление? Конечно, не от императрицы. Публика любит простые идеи и общие олицетворения и не имеет точного представления о роли царицы; поэтому она расширяет эту роль и в значительной степени ее искажает. Александра Федоровна слишком импульсивна, слишком не уравновешена, чтобы создать политическую систему и следить за ее проведением. Она является главным и всемогущим орудием заговора, который я постоянно чувствую вокруг нее: однако, она не более, как орудие» (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 250). Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, созданная в марте 1917 года, имела одной из своих главных задач: установление факта переговоров царского правительства с немцами о заключении сепаратного мира. В частности, следователи ЧСК пытались обнаружить прямой провод связи с Германией и тайную радиостанцию на территории Царского Села, но все усилия оказались тщетными. А. Ф. Керенский об этом докладывал на одном из заседаний Временного правительства и позднее писал в своих мемуарах.

28.

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – один из лидеров октябристов, крупный землевладелец. Председатель Государственной думы III и IV созывов (1911–1917). В феврале – марте 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы. После Октябрьской революции жил в эмиграции. Автор мемуаров «Крушение империи».

29.

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – крупный промышленник, основатель и лидер «Союза 17 октября» – партии октябристов, член и председатель III Государственной думы. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне, член Государственного совета с 1915 г. Участвовал в подготовке дворцового переворота с целью заставить Николая II при его захвате заговорщиками отречься от престола; по некоторым сведениям, входил в состав «Военной масонской ложи». В дни Февральской революции вместе с В. В. Шульгиным принимал в Пскове отречение от престола Николая II. В первом составе Временного правительства (март – май 1917 г.) военный и морской министр, позднее один из организаторов «корниловского мятежа». Активно боролся против советской власти. Эмигрировал в 1918 г. в Германию. Умер в Париже.

30.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – участник Русско-турецкой кампании (1877–1878) – ординарец Скобелева, имел ранение. Принимал участие в Русско-японской войне. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и золотого оружия. Генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1915) Свиты императора. Начальник штаба Юго-Западного фронта (19.07.1914 – 17.03.1915), командующий Северо-Западным фронтом (17.03 – 4.08.1915). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (18.08.1915 – 2.04.1917), в отпуске по болезни (10.11.1916 – 17.02.1917). Был введен А. И. Гучковым в «Военную ложу». В дни Февральской революции способствовал давлению со стороны военных в пользу отречения императора Николая II от престола. После Февральской революции вр. исп. обязанности Верховного главнокомандующего (с 11 марта) и Верховный главнокомандующий (2.04–22.05.1917), затем военный советник Временного правительства. Участник Белого движения. Создал 2 (15) ноября 1917 г. в Новочеркасске так называемую «Алексеевскую организацию», ставшую ядром Добровольческой армии. Скончался 8 октября (25 сентября – по старому стилю) 1918 г. от тяжелой болезни и был торжественно похоронен в усыпальнице Екатеринодарского Войскового собора. В начале 1920 г. во время отступления Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) прах генерала был перенесен в Сербию, где на Новом кладбище в Белграде ему установлен скромный памятник.

31.

Земский союз – создан 30 июля 1914 г. Его полное название: Всероссийский земский союз помощи раненым. Главноуполномоченным (председателем Главного комитета) союза был избран кн. Г. Е. Львов.

32.

Всероссийский Городской Союз – автор воспоминаний ведет речь о последствиях съездов земского и городского союзов, прошедших в Москве 6 сентября 1915 г. Опасения императрицы Александры Федоровны о характере деятельности этих съездов сбылись – они во многом носили антиправительственный характер. Именно на этом мероприятии член Государственного совета Владимир Иосифович Гурко заявил: «Нам нужна власть с хлыстом, а не власть, которая сама под хлыстом». Ложный намек на то, что друг царской

семьи Г. Е. Распутин был хлыстом, т. е. религиозным сектантом. Другой масон А. И. Шингарев провозгласил следующее: «После севастопольского грома пало русское рабство. После японской кампании появились первые ростки русской конституции. Эта война приведет к тому, что в муках родится свобода страны, и она освободится от старых форм и органов власти». Так, по сути дела, крупной буржуазией и масонами провозглашалась идея благотворности поражения России в войне, т. е. цель корыстного захвата политической власти

33.

Крымов Александр Михайлович (1871–1917) – из дворян Варшавской губернии. Генерал-лейтенант (29.04.1917). Окончил Псковский кадетский корпус (1890), 1-е военное Павловское училище (1892) и Николаевскую академию Генштаба (1902). Участвовал в Русско-японской войне. В годы Первой мировой войны командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии, командир Уссурийской конной бригады (переименованной в дивизию, 27.03.1915 – 7.04.1917). Сторонник партии октябристов, был втянут Гучковым в организацию дворцового переворота. Заговорщики должны были захватить царский поезд и арестовать императора. Однако план не был осуществлен. Крымов уже после крушения монархии предлагал Гучкову «кровавую расчистку Петрограда» от социалистов, но, не получив тогда поддержки, вернулся на Румынский фронт. Отказался принять предложенный ему пост военного министра. Вскоре 24 августа был назначен Корниловым командующим Особой петроградской армией (в которую включались 3-й конный корпус, «Дикая дивизия» и др.), повел войска на столицу. Конфликт Керенского и Корнилова привел к объявлению Крымова «изменником». По вызову Керенского генерал Крымов явился в Петроград и был предан в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии. Не выдержав обвинений, он застрелился в своей квартире, предварительно направив Корнилову письмо, содержание которого осталось неизвестным.

34.

Архангельский Алексей Петрович (1872–1959) – из дворян. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1890), 3-е Александровское военное училище (1892) и Николаевскую академию Генштаба (1898). Из училища вышел в л. – гв. Волынский полк. Служил на штабных должностях в Варшавском военном округе. Генерал-майор (1913). В 1909–1917 гг. служил в Главном штабе; генерал-лейтенант (24.08.1917). После прихода к власти большевиков был назначен с мая 1918 г. начальником Управления командного состава Всероссийского Главного штаба Красной армии (тайно участник подпольного «Национального центра»). Перешел на сторону Белого движения, состоял при штабе Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина. В эмиграции с 1920 г. В 1926–1938 гг. председатель Русского общества офицеров Генштаба в Бельгии. Позднее председатель Русского общевойскаского союза (23.03.1938 – 25.01.1957). Умер 2 ноября 1959 г. в Брюсселе (Бельгия). Похоронен на кладбище коммуны Uccle.

35.

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император и прусский король с 1888 г. по ноябрь 1918 г. После свержения бежал в Голландию. Его родной брат был женат на сестре императрицы Александры Федоровны. Автор мемуаров.

36.

Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – начальник дворцовой охраны (1906–1912). Жандармский генерал-майор. Лично сопровождал императора Николая II в его поездках в

Ставку. Ялтинский градоначальник (с 15.08.1916). После революции в эмиграции. Автор воспоминаний.

37.

Имеется в виду: Спиридович А. И. История большевизма в России (1883–1917). Париж, 1922.

38.

Полиция – система органов охраны порядка и борьбы с преступностью. В России возглавлялась Департаментом полиции МВД (1880–1917). Важнейшей частью департамента с 1898 г. являлся Особый (Политический) отдел. Охранное отделение («охранка») – местный орган Департамента полиции в России для политического сыска. Имело агентов наружного наблюдения (филёров) и секретных агентов, засылаемых в политические партии. Действовало в 1866–1917 гг. В Российской империи с 1782 г. начальником полиции города или местечка был полицмейстер, которому подчинялись приставы, полицейские (околоточные) надзиратели, городовые.

39.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – один из вождей большевистской и мировой революции.

40.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – один из вождей большевистской и мировой революции, глава правительства Советской России.

41.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – один из лидеров большевиков, советский государственный и общественный деятель, писатель, академик АН СССР.

42.

Воейков Владимир Николаевич (1868–1947) – генерал-майор Свиты императора, с 25 декабря 1913 г. дворцовый комендант. Принадлежал к ближайшему окружению Николая II, был женат на фрейлине императрицы, дочери министра Императорского двора барона В. Б. Фредерикса. В дни Февральской революции по распоряжению Временного правительства был выслан из Ставки, а затем арестован. Позднее эмигрировал. Автор мемуаров «С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II» (Гельсингфорс, 1936).

43.

Император 22 февраля записал в своем дневнике: «Читал, укладывался и принял: Мамантова, Кульчицкого и Добровольского. Миша завтракал. Простился со всем милым своим [семейством] и поехал с Аликс к Знамению, а затем на станцию. В 2 часа уехал на Ставку. День стоял солнечный, морозный. Читал, скучал и отдыхал; не выходил из-за кашля». (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

44.

Сведения об издании народной газеты Дубенским см. в разделе: «Дополнение».

45.

Ламздорф Николай Александрович (1860–1906) – граф, первый секретарь российской миссии в Вюртемберге (1892–1895), камергер, заведующий канцелярией императрицы Александры Федоровны (1895–1902).

46.

Александра Федоровна (Аликс; 1872–1918) – российская императрица, жена императора Николая II; урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, дочь английской принцессы Алисы и гессенского герцога Людвига IV, внучка королевы Виктории I. Имела пятерых детей. В годы Первой мировой войны встала во главе Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. С мая 1915 г. стояла во главе Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным. В Царском Селе создала лазарет для раненых, где вместе со своими старшими дочерьми служила сестрой милосердия. После Февральской революции содержалась под стражей в Царском Селе. Расстреляна в Екатеринбурге вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

47.

Император Николай II записал 23 февраля в дневнике: «Проснулся в Смоленске в 9 1/2 час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время франц. книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилев в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним. (От слов «с ним» в подлиннике проведена стрелка к слову «Алексеевым». – В.Х.) Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

48.

Государь отбыл из Царского Села 22 февраля 1917 года. Протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский делился воспоминаниями: «23-го февраля, в четверг, в 3 часа дня Государь прибыл в Ставку. На вокзале обычная встреча. Как и прежде, Государь ласков и приветлив. Но в наружном его виде произошла значительная перемена. Он постарел осунулся. Стало больше седых волос, больше морщин, – лицо как-то сморщилось, точно подсохло. С ним прибыл министр двора и прежние лица Свиты» (Шавельский Г. И. Воспоминания. Т. 2. М., 1996. С. 284–285).

49.

Нилов Константин Дмитриевич (1856–1919) – генерал-адъютант Свиты императора, адмирал. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1877). Принадлежал к ближайшему окружению Николая II. Был женат на фрейлине императрицы, княжне Марине Михайловне Кочубей. После отречения императора был удален от царской семьи. Репрессирован большевиками

50.

Долгорукий (Долгоруков) Василий Александрович (Валя Долгоруков; 1868–1918) – генерал-майор Свиты императора, гофмаршал Императорского двора. Последовал добровольно в ссылку за Николаем II в Тобольск, до конца разделил участь царской семьи. По ложному обвинению был заключен в тюрьму и вместе с генералом графом И. Л. Татищевым (1859–1918) в Екатеринбурге 10 июня 1918 г. расстрелян чекистами недалеко от тюрьмы. В 1981 г. был канонизирован РПЦЗ под именем святого мученика-воина Василия.

51.

Нарышкин Кирилл Анатольевич (Кира; 1868–1924) – друг детства Николая II. В 1906–1909 гг. штаб-офицер для поручений при Императорской главной квартире; в 1909 г. помощник начальника Военно-походной канцелярии. 6 декабря 1916 г. был произведен в генерал-майоры, зачислен в Свиту и назначен начальником той же канцелярии. После отречения Николая II не пожелал оставаться с царской семьей.

52.

Граббе (Граббе-Никитин) Александр Николаевич (1864–1947) – граф, офицер л. – гв. Казачьего полка, адъютант вел. князя Михаила Николаевича (1897–1910), командир Собственного Е. И. В. Конвоя (1914–1917), генерал-майор Свиты императора. В эмиграции в Германии. Умер в Нью-Йорке (США).

53.

Цабель Сергей Александрович (1871 —?) – окончил 4-й Московский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. В службу вступил 1 сентября 1888 г. Определен в 1-й железнодорожный батальон. Участник Русско-японской войны. Полковник (1908). Командир 1-го железнодорожного полка (с 26.01.1914). Участник Первой мировой войны. Генерал-майор. Командир Собственного Его Величества железнодорожного полка.

54.

Федоров Сергей Петрович (1869–1936) – известный хирург, уролог. Окончил с отличием медицинский факультет Московского университета (1891). Профессор (с 1903), возглавлял кафедру госпитально-хирургической клиники Военно-медицинской академии (с 1903). В 1907 г. избран председателем Российского урологического общества. В конце 1912 г. утвержден в должности лейб-хирурга Императорской семьи. Член Военно-санитарного ученого комитета. Лечил больного гемофилией цесаревича Алексея. С осени 1915 г. находился в Ставке при Николае II. Высказал 1 марта 1917 года свое мнение императору о неизлечимости болезни наследника Алексея, что стало решающей причиной отречения Государя не только за себя, но и за сына, и передачи престола вел. кн. Михаилу Александровичу. После революции переехал в Москву и был принят на работу в Кремлевскую больницу. Позднее директор Ленинградского института хирургической невропатологии (ныне Нейрохирургический институт). Заслуженный деятель науки РСФСР (1928). Скончался в Ленинграде.

55.

Штакельберг Рудольф Александрович фон (1880 – после 1937) – барон, делопроизводитель 3-го делопроизводства (секретная часть) канцелярии Министерства Императорского двора, церемониймейстер, приближенный императрицы Александры Федоровны. В 1914 г. помощник начальника канцелярии министра двора. Сопровождал императора Николая II в поездке 23 февраля 1917 г. в Ставку (Могилев). В эмиграции проживал в Финляндии и Швеции. Принимал деятельное участие в культурной и общественной жизни русской колонии в Финляндии. Председатель, затем почетный член (с 1936) Совета русской колонии в Финляндии. Автор воспоминаний.

56.

Лейхтенбергский Николай Николаевич (1868–1928) – герцог, князь Романовский, старший сын герцога Николая Максимилиановича. В службу вступил 22 января 1891 г. в л. – гв. Преображенский полк. Полковник (25.03.1912), флигель-адъютант Свиты императора

(1912). Участник Первой мировой войны, командовал на фронте 1-м батальоном л. – гв. Преображенского полка, затем 12-м Туркестанским стрелковым полком (26.06.1915). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1915). Сопровождал императора 23 февраля 1917 г. в Ставку (Могилев). После Февральской революции в чине генерал-майора вышел в отставку. С июля 1918 г. представитель Войска Донского в Берлине. Позднее в эмиграции. Скончался в Руге в Баварии (Германия). Сохранилось его интервью с журналистом Л. Ганом о последних днях Николая II в Ставке (см.: «Биржевые Ведомости» № 16132 от 12 марта 1917 г.).

57.

Мордвинов Анатолий Александрович (1870–1940) – полковник по гвардейской кавалерии (1908). Адъютант вел. князя Михаила Александровича (1904–1913). С 1913 г. флигель-адъютант Свиты императора. С 1915 г. постоянно находился при Николае II в Ставке. В дни Февральской революции подвергся аресту Временного правительства. Позднее эмигрировал, жил в г. Гарце (Германия). Умер в Англии. Автор воспоминаний.

58.

Император Николай II записал 24 февраля в дневнике: «В 10½ пошел к докладу, который окончился к 12 час. Перед завтраком принес мне от имени бельгийского короля военный крест (В подлиннике отсутствует указание лица, вручившего Николаю II военный крест. – В.Х.). Погода была неприятная – метель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

59.

Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1921) – из дворян. Участник Русско-японской войны. Имел два ранения и контузию. Генерал-майор по Генштабу (1904). В начале Первой мировой войны командир 16-го армейского корпуса (13.10.1914 – 13.12.1915). Генерал от инфантерии (1915). С 13 декабря 1915 г. – начальник штаба армий Юго-Западного фронта. Позднее помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего в Ставке (Могилев). С 11 марта по 5 апреля 1917 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Командующий Северным фронтом (июнь – август 1917). После «корниловского мятежа» был смещен с поста. Позднее добровольно в РККА. С 3 августа 1918 г. член Военно-законодательного совета. С августа 1918 г. председатель Военно-исторической комиссии по исследованию опыта 1-й мировой войны. В 1920 г. – член Особого совещания при Главкоме Вооруженных Сил Республики. С апреля 1920 г. член Военно-законодательного совета при РВСР. В 1921 г. был арестован. Репрессирован, умер в заключении в тюрьме в Москве после 14-дневной голодовки.

60.

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) – из дворян. Генерал-лейтенант (8.11.1914). Занимал ряд высших должностей в центральном аппарате Военного министерства. Участник Первой мировой войны. С началом войны возглавлял канцелярию Военного министерства, помощник военного министра. В апреле 1916 г. начальник 32-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте. Начальник штаба 10-й армии (14.10 – 6.12.1916). В конце того же года назначен генерал-квартирмейстером Ставки (6.12.1916 – 2.04.1917) и заместителем председателя Особого совещания по обороне государства (1916–1917). Командир 1-го армейского корпуса (2.04 – 2.06.1917). С 2 июня по 30 августа 1917 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Отчислен от должности за участие в

«корниловском мятеже». В ноябре 1917 г. бежал в Новочеркасск. В Добровольческой армии со дня ее основания. С ноября 1920 г. эмигрант. Находился в окружении претендента на «Российский престол» вел. кн. Николая Николаевича. Скончался в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Оставил мемуары и печатные труды. См.: Документы к «Воспоминаниям» ген. А. Лукомского (Архив русской революции. Т. III. Берлин. 1921. С. 247–270).

61.

Сергей Михайлович (1869–1918) – вел. князь, внук императора Николая I и двоюродный дядя Николая II. Друг с детства Государя. Генерал-адъютант (1908) Свиты императора Николая II. Участник Первой мировой войны. В декабре 1915 – апреле 1917 гг. – полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. Много сделал для улучшения русской артиллерии. Уволен от службы Временным правительством 22 марта 1917 г. Весной 1918 г. был выслан из Петрограда в ссылку. Убит чекистами в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском (на Урале) вместе с группой князей Романовых и вел. княгиней Елизаветой Федоровной. Похоронен белогвардейцами при Свято-Серафимовском храме в Пекине на русском кладбище. Захоронение утеряно. Канонизирован РПЦЗ (1981).

62.

Александр Михайлович (Сандро; 1866–1933) – вел. князь, внук императора Николая I и двоюродный дядя Николая II. Близкий друг с детства Государя. С 1894 г. женат на вел. кн. Ксении Александровне, от брака имел дочь и 6 сыновей. Вице-адмирал (1909), генерал-адъютант Свиты императора Николая II (1909), адмирал (1915). Во время Первой мировой войны заведующий организацией авиационного дела в действующей армии, с декабря 1916 г. – генерал-инспектор военного воздушного флота. Уволен со службы 22 марта 1917 г. Вместе с семьей и вдовствующей императрицей Марией Федоровной находились на положении ссыльных в своем имении в Крыму. В 1918 г. отправился в Париж для участия в Версальской мирной конференции. Позднее участвовал в деятельности Русского общевоеинского союза (РОВС). Проживал во Франции, в Ментоне. Автор мемуаров «Книга воспоминаний». (Париж, 1933).

63.

Иванов Николай Иудович (1851–1919) – генерал-адъютант, генерал от артиллерии, член Государственного совета, с июля 1914 г. по март 1916 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. Позднее состоял при Николае II в Ставке. 27 февраля 1917 г. назначен командующим войсками Петроградского военного округа. В марте 1917 г. арестован Чрезвычайной следственной комиссией (ЧСК), но через некоторое время освобожден А. Ф. Керенским. После Октябрьского переворота большевиков бежал в Киев, а затем на Дон. В октябре – ноябре 1918 г. командовал белоказачьей Южной армией. Умер в 1919 г. на Дону от сыпного тифа.

64.

Кондзеровский (Кондырев-Кондзеровский) Петр Константинович (1869–1929) – из дворян. В 1899–1914 г. служил в Главном (с 1909 г. – Генеральном) штабе, пройдя все должности от младшего делопроизводителя до дежурного генерала с производством в генерал-майоры. С начала Первой мировой войны дежурный генерал при Ставке Верховного главнокомандующего (19.07.1914 – 2.04.1917). Генерал-лейтенант (1916). В 1917 г. начальник Главного штаба, затем член Военного совета Военного министерства. В начале 1918 г. уехал с семьей в Финляндию. В 1918–1919 гг. видный деятель Белого движения

на Северо-Западе России. После окончания Гражданской войны в эмиграции. С 1925 г. состоял начальником канцелярии при вел. кн. Николае Николаевиче. Умер в Париже. Автор воспоминаний «В Ставке Верховного. 1914–1917 гг.» (Париж, 1967).

65.

Тихменев Николай Михайлович (1872–1954) – участник Русско-японской и Первой мировой войн. Командир 60-го пехотного Замосцкого полка. За бои в Галиции, в составе 8-й армии генерала Брусилова, в августе 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Генерал-майор (1914). С 4 мая 1915 г. помощник начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта. С 5 октября 1915 г. назначен помощником главного начальника военных сообщений в Ставке Верховного главнокомандующего. С 8 февраля 1917 г. – начальник военных сообщений всего театра военных действий (8.02.1917 – 10.09.1917). Генерал-лейтенант. Участник Белого движения. В эмиграции – многолетний председатель «Союза ревнителей памяти императора Николая II» и деятельный член епархиального управления в Париже. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. Автор «Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в ставке» (изд. Круга ревнителей русского прошлого. Ницца, 1925).

66.

Русин Александр Иванович (1861–1956) – российский военно-морской деятель. Адмирал (10.04.1916). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1916 года – начальник Морского штаба Ставки Верховного главнокомандования (Могилев). В феврале 1917 года отказался подписать обращение высших военачальников к императору Николаю II об отречении от престола. С июня 1917 г. в отставке. С 1917 г. в эмиграции во Франции. Председатель Всезарубежного объединения русских морских организаций (1929). После 1945 г. жил в США, почетный председатель Общества русских морских офицеров в Америке. В 1949 г. переехал в Марокко.

67.

Борис Владимирович (Борис; 1877–1943) – вел. князь, внук императора Александра II, двоюродный брат императора Николая II. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1896); определен в л. – гв. Гусарский Его Величества полк. Флигель-адъютант (1898). Полковник – 26 августа 1912 г. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Командир л. – гв. Атаманского полка (20.03.1914 – 17.09.1915). Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Генерал-майор (1914) Свиты императора Николая II. С 17 сентября 1915 г. походный атаман Всевеликого казачьего войска при Верховном главнокомандующем. После Февральской революции некоторое время находился под домашним арестом в своем дворце. С 7 августа 1917 г. в отставке. Уехал в Кисловодск. С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции и Италии. Скончался в Париже, похоронен рядом с могилой матери, вел. кн. Марии Павловны, в небольшой часовне курортного городка Контрексевилле, департамента Вогезы на востоке Франции.

68.

Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) – из дворян Области Войска Донского. Участник Первой мировой войны. Выступил на фронт, будучи начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Командовал Сводно-казачьим л. – гв. полком (14.01 – 4.10.1915). Генерал-майор (1915) Свиты императора. С октября 1915 г. по апрель 1917 г. – начальник штаба Походного атамана всех казачьих войск вел. кн. Бориса Владимировича. Один из руководителей Белого движения. Генерал-лейтенант (1918). С февраля 1919 г. атаман

Войска Донского и оставался им до самой смерти. В ноябре 1920 г. эмигрировал. Во время пребывания в Константинополе по его инициативе был создан Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека. В конце октября 1922 г. переехал в Белград. С ноября 1923 г. – в Париже, где активно сотрудничал с РОВС. Скончался от сердечного приступа в Париже, похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

69.

Егорьев Константин Николаевич (1870 —?) – окончил Николаевскую академию Генштаба (1896). По окончании академии – на должностях Генштаба. Участник китайской кампании (1900–1901), Русско-японской и Первой мировой войн. Заведующий мобилизационной частью Главного интендантского управления (с 1910), помощник Главного интенданта Военного министерства (с 1911). Генерал-лейтенант (1916). С 20 марта 1916 г. – главный полевой интендант Ставки Верховного главнокомандующего (Могилев).

70.

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) – православный священник, протопресвитер армии и флота при Ставке Верховного главнокомандующего (1914–1917), после революции – в Добровольческой армии на юге России, затем эмигрировал. Автор воспоминаний.

71.

Георгий Михайлович (Георгий, 1863–1919) – вел. князь, внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II. Женат был с 1900 г. на Марии Георгиевне, принцессе греческой, дочери своей двоюродной сестры вел. княгини Ольги Константиновны и имел от брака двух дочерей. Генерал-адъютант (1909) Свиты императора Николая II, генерал от инфантерии. Участник Первой мировой войны. Состоял при Ставке Верховного главнокомандующего, ездил с особой миссией в Японию (1915–1916). Управляющий Русским музеем императора Александра III. Почетный член Императорского географического общества. Расстрелян большевиками 28 января 1919 г. в Петропавловской крепости. Канонизирован РПЦЗ.

72.

Вильямс (Уильямс) Джон Хэнберн (1859–1946) – британский бригадный генерал, начальник английской военной миссии при Ставке Верховного главнокомандующего в России (1914–1917), позднее – руководитель отдела по делам британских военнопленных. Автор мемуаров.

73.

Манжен Шарль Мари Эммануэль (1866–1925) – французский генерал, в 1916–1917 гг. – начальник французской военной миссии при Ставке Верховного главнокомандующего (Могилев), Командующий 10-й французской армией во второй половине 1918 г. Член Высшего совета с 1920 по 1925 г. Начальник французской миссии при Главнокомандующем Русской армией генерале Врангеле с марта по июль 1920 г.

74.

Рыккель – правильно: Риккель де Луи Дезире Юбер (1857–1922) – барон, бельгийский генерал-лейтенант артиллерии (1916), глава бельгийской военной миссии при Царской Ставке (Могилев). Часто становился предметом шуток. Цесаревич Алексей его очень любил и называл «папаша де Риккель» или «господин довольно толстый». Кавалер орденов: Короны; Большого Креста св. Станислава; Почетного легиона Франции. В октябре 1918

года вернулся на родину в Гавр, получив должность военного губернатора западной Фландрии (февраль 1919). Написал воспоминания о службе при Императорском дворе и защите Бельгии в Первой мировой войне, которые были изданы в 1920 г. объемом 411 страниц. В свою очередь образ генерала нашел отражение во многих мемуарах в России. Так, например, протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский делился воспоминаниями: «Генерал Риккель всегда сидел против Наследника по другую сторону стола и между ними постоянно происходила пикировка. Риккель начинал гладить свой большой живот, показывая глазами Наследнику: у тебя, мол, такого «благоутробия» нет. Наследник тоже начинал разглаживать свой животишко. «Non, non? non», улыбаясь, отвечает Риккель» (Шавельский Г. И. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 365).

75.

Леонткевич – полковник, в 1916–1917 гг. глава Сербской военной миссии при Царской Ставке (Могилев).

76.

Марсенго – полковник, помощник военного агента Итальянской военной миссии при Царской Ставке (Могилев).

77.

Николай Николаевич (младший, Николаша; 1856–1929) – вел. князь, внук императора Николая I, двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант Свиты императора (1894), генерал от кавалерии (1901), председатель Совета государственной обороны (1905–1908), командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914). В начале Первой мировой войны и после отречения от престола Николая II являлся Верховным главнокомандующим (20.07.1914 – 23.08.1915; 2 – 11.03.1917). Награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. (за взятие Львова в 1914 г) и орденом Св. Георгия 2-й ст. (за взятие Перемышля в 1915 г.). Смещен с поста Верховного главнокомандующего Николаем II в связи с рядом неудач на фронте. Главнокомандующий Кавказской армией и наместник царя на Кавказе (24.08.1915 – 1.03.1917). После Февральской революции находился в ссылке в имении Дюльбер (Крым). В конце марта 1919 г. эмигрировал, проживал в Италии. С 1922 г. поселился на юге Франции, с 1923 г. – в Шуаньи (под Парижем). С декабря 1924 г. принял от барона П. Н. Врангеля руководство жизнью всех русских военных зарубежных организаций, которые к этому времени оформились в Русский общевоинский союз (РОВС). Среди части белой эмиграции считался главным претендентом на Российский Престол. Скончался 5 января 1929 г. в Антибе (Франция), похоронен в русской церкви г. Канны.

78.

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – из дворян. Службу начал в л. – гв. Литовском полку. Участник Русско-японской войны. Генерал-майор (1905). Командир 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии (1905–1907). Имел ранение. Кавалер золотого оружия. Генерал-лейтенант (1912). Начальник штаба Кавказского военного округа (1913–1914). Генерал от инфантерии (1915). Командующий Кавказской армией (24.01.1915 – 3.03.1917). Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. После провала наступления на Петроград (1919) эмигрировал из России. Умер в Каннах и похоронен в Ницце (Франция).

79.

Рузский Николай Владимирович (1854–1918) – генерал-адъютант Свиты императора, генерал от инфантерии. С августа 1915 г. по апрель 1917 г. командующий Северным

фронтом. Георгиевский кавалер. В Ставке генерала Рузского в Пскове 2 марта 1917 г. императором Николаем II был подписан акт об отречении от престола, что было осуществлено под непосредственным давлением и при поддержке военных деятелей. Давал интервью об отречении Государя журналисту В. Самойлову, которое было опубликовано в газете «Русская Воля» (№ 2 от 7 марта 1917). После начала проведения Временным правительством в жизнь выборного начала в армии Рузский в апреле 1917 г. подал в отставку и уехал в Кисловодск. Отказался от участия в Гражданской войне. В октябре 1918 г. в числе заложников «красного террора» убит в Пятигорске.

80.

Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926) – генерал-адъютант Свиты императора, генерал от инфантерии, участник Русско-японской и Первой мировой войн. С августа 1915 г. главнокомандующий армиями Западного фронта. В марте 1917 г. уволен в отставку. Жил в Смоленске, затем в Верее, занимаясь пчеловодством. Подверглся аресту большевиков. Умер в г. Верее 10 мая 1926 г. По другим сведениям, был арестован и убит конвоирами.

81.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – из дворян, выходцев Речи Посполитой. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Генерал от кавалерии (1912), помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1912–1913). С начала Первой мировой войны командовал 8-й армией, отличившейся в Галиции. Генерал-адъютант (1915) Свиты императора Николая II. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом (17 марта 1916 – май 1917), провел успешное наступление (Брусиловский прорыв) на фронте, пользовался популярностью в войсках. В начале Февральской революции выступил за отречение Николая II от престола. Верховный главнокомандующий (22.05–19.07.1917), затем военный советник в распоряжении Временного правительства. После Октябрьского переворота проживал в Москве и придерживался нейтралитета. В 1920 г. поступил на службу в Красную армию, занимал должности председателя Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики, главного военного инспектора коннозаводства и коневодства, инспектора кавалерии РККА, а с марта 1924 г. состоял для особых поручений при РВС СССР. Умер в Москве. Автор воспоминаний.

82.

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) – из дворян, генерал от кавалерии (1908). Участник Русско-турецкой кампании (1877–1878), похода в Китай (1900–1901) и Русско-японской войны (1904–1905). Кавалер золотого оружия. В начале Первой мировой войны командовал 11-м армейским корпусом, участвовал в Галицийской битве, награжден орденом св. Георгия 3-й ст. Командующий 11-й армией (1915–1916), участник Брусиловского наступления. После крушения румынской армии был направлен в Румынию, где командовал Румынским фронтом (1916–1917). После революции отстранен, проживал на юге России в Крыму. Расстрелян «зелеными» близ Карасубазара.

83.

Ольденбургский Александр Петрович (Алекс; 1844–1932) – принц, с 1868 г. был женат на Евгении Максимилиановне, принцессе Лейхтенбергской. Имел двух сыновей – Петра и Константина. Генерал от инфантерии по гвардейской пехоте (1895), командующий гвардейским корпусом (1885–1889), член Государственного совета. Генерал-адъютант Свиты императора Николая II. В годы Первой мировой войны занимал

должность Главноначальствующего санитарной и эвакуационной частью. После революции эмигрировал, скончался во Франции.

84.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), военный министр (1898–1904), главнокомандующий во время Русско-японской войны (1904–1905), в которой проявил нерешительность и пассивность. Участник Первой мировой войны. С февраля 1916 г. – командующий войсками Северного фронта, успехов не проявил. С июля 1916 г. назначен Туркестанским генерал-губернатором. После революции отошел от дел, отказался вступить в Белое движение. Основал в селе Шешурино Псковской области сельскую школу, в которой работал учителем. По некоторым сведениям, 16 января 1925 г. убит бандитами. Его дневники хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Автор военно-исторических и военно-географических работ.

85.

Пожарский – генерал-майор, командир Георгиевского батальона, созданного для охраны Царской Ставки (Могилев). Георгиевский кавалер.

86.

Ресин Алексей Алексеевич (1866–1933) – генерал-майор Свиты императора, с 14 августа 1914 г. командир Гвардейского Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка в Царском Селе. В дни Февральской революции принимал меры по защите царской семьи в Александровском дворце от мятежников.

87.

Вреден – капитан, командир автомобильной роты по обслуживанию технической части Царской Ставки в 1916–1917 гг. в Могилеве.

88.

Император Николай II кратко записал 25 февраля в дневнике: «Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2 ½ заехал в монастырь и приложился к иконе Божией матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел к всенощной. Весь вечер занимался» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

89.

Дворцовый комендант В. Н. Воейков позднее об этих днях писал в воспоминаниях. См. раздел: «Приложения».

90.

Император Николай II кратко записал 26 февраля в дневнике: «В 10 час. пошел к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобр [уйскому] шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная! После чая читал и принял сен. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

91.

Протопресвитер Георгий Шавельский позднее писал в воспоминаниях: «25 февраля за завтраком я в последний раз видел своего Государя.

92.

Генерал Вильямс позднее вспоминал об этом дне: «Я заговорил с Его Величеством о моем давно запланированном визите в Румынию. Мне предстояло посоветоваться с Алексеевым (который, поправив здоровье, уже вернулся к своим обязанностям) по ряду вопросов касательно тамошнего штаба российских войск. Прощаясь, Император пожелал мне доброй ночи и спросил меня с особым ударением: “Вы твердо решили ехать в Румынию?” Я ответил: “Да, сэр”, – удивляясь его вопросу» (Государь на фронте. Воспоминания. М., 2012. С. 151).

93.

Гротен Павел Павлович (1870–1962) – генерал-майор Свиты императора, командир л. – гв. Конно-гренадерского полка. В 1916–1917 гг. при отъезде В. Н. Воейкова в Ставку временно замещал его в Царском Селе, выполняя обязанности дворцового коменданта.

94.

Хабалов Сергей Семенович (1858–1924) – генерал-лейтенант (1910), военный губернатор Уральской области, наказной атаман Уральского казачьего войска. С 13 июня 1916 г. назначен главным начальником, а с 5 по 28 февраля 1917 г. – главнокомандующим Петроградским военным округом. Участвовал в подавлении мятежных выступлений в столице; 28 февраля арестован и заключен в Петропавловскую крепость; в сентябре Временным правительством освобожден из заключения, после чего эмигрировал.

95.

Трегубов Сергей Николаевич (1866 – позднее 1940) – юрист, профессор Военно-Юридической академии, прокурор Петербургского окружного суда, старший юрисконсульт Министерства юстиции. Сенатор, с 1915 г. – директор 1-го департамента Министерства юстиции. В сентябре 1916 г. – консультант по военно-судебным вопросам в Царской Ставке (Могилев), помощник генерал-адъютанта Алексеева по гражданской части. После революции эмигрант.

96.

Император Николай II кратко записал 27 февраля в дневнике: «В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Ц [арском] С [еле] поскорее, и в час ночи перебрался в поезд» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

97.

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) – из дворян. Помощник военного министра с правами товарища министра (14.04.1906 – 24.04.1912). В 1907–1911 гг. поддерживал тесные отношения с лидером октябристов А. И. Гучковым. Генерал от инфантерии (1911), член Государственного совета (1912–1915), военный министр (1915–1916). После Октябрьского переворота большевиков – в РККА, был назначен в состав советской делегации для переговоров с поляками, но во время которых умер от тифа в Риге. По другой версии – застрелился, не выдержав позорных условий мира с Польшей. Автор воспоминаний и дневников.

98.

См. текст телеграммы в разделе: «Приложения». События в Петрограде развивались стремительно. 27 февраля 1917 г. в здании Таврического дворца, в кабинете М. В. Родзянко в 12 часов дня открывается частное заседание Совещания Государственной думы с представителями фракций. На нем оглашается Высочайший Указ Правительствующему Сенату о прерывании заседаний Думы до апреля месяца. В самой Думе трудовик В. И. Дзюбинский, литовский народный социалист Н. С. Янушкевич и прогрессист князь С. П. Мансырев предложили пренебречь этим указом и объявить Думу Учредительным собранием. Однако, как известно, члены Думы вроде бы подчинились повелению царя, но создали Временный комитет Государственной думы (ВКГД), который имел своей первоначальной задачей водворение порядка в Петрограде. Как можно представить себе из повествования событий П. Н. Милюкова, то в третьем часу дня Государственная дума составила Временный комитет, включив в него: М. В. Родзянко (октябриста), В. Н. Львова (центр), П. Н. Милюкова (к.-д.), Н. В. Некрасова (к.-д.), В. А. Ржевского (прогрессиста), А. Ф. Керенского (трудовика, с марта – эсера), В. В. Шульгина (националиста), И. И. Дмитрюкова (октябриста), С. И. Шидловского (октябриста), М. А. Караулова (независимого), А. И. Коновалова (прогрессиста) и Н. С. Чхеидзе (социал-демократа). Стоит отметить, что ряд членов ВКГД входили в состав масонских лож. Связующим звеном их стал А. Ф. Керенский, который был не только членом ВКГД и заместителем председателя Петросовета, но и генеральным секретарем масонского Верховного Совета Великого Востока народов России. Некоторые члены ВКГД при этом, очевидно, руководствовались мыслью, высказанной В. В. Шульгиным: «Может быть два выхода: все обойдется – Государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие...» (Шульгин В. В. Дни. Л., 1925. С. 111).

99.

См. раздел: «Приложения».

100.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, крупный помещик, по образованию юрист, главный уполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну; гласный Московской городской думы. Примыкал к кадетам. После Февральской революции (до июля 1917 г.) глава двух первых кабинетов министров Временного правительства. После Октябрьской революции уехал в Сибирь, затем эмигрировал во Францию, где возглавлял «Русское политическое совещание» в Париже.

101.

Таль Георгий Александрович фон – ротмистр л. – гв. Гусарского полка, позднее подполковник, комендант царского поезда. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

102.

Невдаров – полковник, начальник дворцовой охраны.

103.

Император Николай II кратко записал 28 февраля в дневнике: «Лег спать в 3¼, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, кот. посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

104.

Бубликов Александр Александрович (1875–1941) – инженер и чиновник путей сообщения. Депутат IV Государственной думы, фракция прогрессистов. В 1917 г. – комиссар по железнодорожному транспорту Временного правительства. Участвовал в аресте Николая II в Ставке в Могилеве и доставке его в Царское Село. После Октябрьской революции в эмиграции. Масон. Автор воспоминаний «Русская революция» (Нью-Йорк, 1918).

105.

Греков – поручик, военный комендант Николаевского вокзала в Петрограде во время Февральской революции.

106.

Суслов А. В. или А. Н. – заведующий отделом канцелярии Министерства Императорского двора.

107.

Имеется в виду основная партийная принадлежность созданного нового Временного правительства. Кадет (к.-д.) – общепринятое обозначение члена партии конституционных демократов (партия народной свободы), образованной на основе ранее существовавших либеральных организаций: «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» (в октябре 1905 г.). Партия представляла широкие круги либерально настроенной интеллигенции и находилась на левом фланге российского либерализма. Она первоначально выступала за преобразования существующего государственного строя, включая, при сохранении монархии, создание ответственного перед парламентом министерства, введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и т. д. (О кадетской партии см.: Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905–1920. М., 1994–1998. Т. 1–3).

108.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – депутат IV Государственной думы, председатель фракции трудовиков. С марта 1917 г. эсер. Известный масон. Во время Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя Исполкома Петросовета. Министр юстиции во Временном правительстве (2 марта – 5 мая 1917 г.). В 1-м и 2-м коалиционном правительствах (май – сентябрь) военный и морской министр, а с 8 июля по 25 октября министр-председатель, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий. В дни Октябрьского переворота большевиков бежал из Петрограда, возглавил выступление верных ему воинских частей, но потерпел крах. С июня 1918 г. жил во Франции, с 1940 г. – в США. Автор многих трудов и воспоминаний.

109.

Военно-промышленные комитеты – сеть комитетов, возникших на местах по инициативе IX съезда представителей промышленности и торговли (май 1915 г.). На комитеты возлагалась организация промышленности в интересах обороны страны. В июле 1915 года объединявший деятельность местных комитетов Центральный военно-промышленный комитет возглавили А. И. Гучков (председатель) и А. И. Коновалов (товарищ председателя). Созданные формально для решения задач, не носивших политического

характера, союзы и военно-промышленные комитеты на деле развернули активную политическую деятельность, не только поддерживая основные требования парламентского «Прогрессивного блока», но зачастую добиваясь их радикализации.

110.

Император Николай II записал 1 марта в дневнике: «Ночью повернули с М [алой] Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам, Господь!» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625).

111.

В работе Виктора Брачева «Победоносный Февраль» 1917 года: масонский след» имеются такие строки: «Что касается А. А. Бубликова, то его роль в истории с блокированием царского поезда /.../, конечно же, важна. Но сам А. А. Бубликов в масонской иерархии был сравнительно мелкая сошка. Подлинным организатором погони или, правильнее, блокирования царского поезда и предательское направление его в Псков – прямо в руки заговорщика Н. В. Рузского был член Верховного совета «Великого Востока народов России» Н. В. Некрасов» (Масоны и Февральская революция 1917 г. Сборник. М., 2007. С. 190–191). «Два момента особенно врезались в память, – вспоминал масон Н. В. Некрасов в 1921 году, – приказ командующему Балтийским флотом Непенину арестовать финляндского генерал-губернатора Зейна и погоня за царским поездом, которую мне довелось направлять из Государственной Думы, делая распоряжения А. А. Бубликову, сидевшему комиссаром в Министерстве путей сообщения» (Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20). Как пишет исследователь С. В. Куликов по этому поводу: «Руководя А. А. Бубликовым, Н. В. Некрасов, несомненно, выполнял план по задерживанию царского поезда, разработанный под руководством А. И. Гучкова» (Куликов Сергей. Февральская «революция сверху», или Фиаско генералов для «понунсиамента». // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. М., 2004. С. 152–153).

112.

Фраза «Первое марта, проклятый и позорный день для России» подразумевает события 1 марта 1881 года, когда от бомбы «народовольцев» погиб реформатор и «Царь-Освободитель» Александр II (1818–1881).

113.

Возможно, генерал-лейтенант Михаил Иванович Ушаков или Константин Михайлович Ушаков.

114.

Данилов Георгий (Юрий) Никифорович (1866–1937) – генерал от инфантерии, в 1914–1916 гг. генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, затем начальник штаба Северного фронта. Автор воспоминаний «На пути к крушению (Очерки из последнего периода русской монархии)» (Ганновер, 1928; Берлин, 1929).

115.

Шереметьев Дмитрий Сергеевич (Димка Шереметев; 1869–1943) – граф, друг с детства Николая II. Флигель-адъютант Свиты императора (1896), полковник л. – гв. Кавалергардского полка (1896). С 1915 г. состоял при Государе в Ставке. Был женат на Ирине Илларионовне, урожденной графине Воронцовой-Дашковой (1872–1959). После Февральской революции в отставке. В период Гражданской войны в ходе крымской эвакуации был выборным президентом Русского комитета, который представлял интересы русских беженцев перед английскими и французскими властями. В 1919 г. эмигрировал в Италию. Возглавлял ассоциацию кавалергардов в Париже. В 1926–1929 гг. председатель Союза русских дворян. Умер в Риме. Автор мемуаров.

116.

Регентство (лат. – правящий) – временное осуществление полномочий главы государства коллегиально (регентский совет) или единолично (регент) при малолетстве, болезни, отсутствии монарха.

117.

Михаил Александрович (1878–1918) – вел. князь, младший брат Николая II, генерал-адъютант Свиты императора, генерал-лейтенант (с 1916). В 1899–1904 гг. – наследник престола до рождения цесаревича Алексея Николаевича. В 1898–1911 гг. служил в гвардии. Против воли императора в 1912 г. заключил морганатический брак с Н. С. Вульферт (урожденная Шереметевская, в первом браке Мамонтова, во втором Вульферт), которой позднее был дарован титул графини Брасовой. Имел сына Георгия (1910–1935), который унаследовал фамилию и титул матери. Михаил был вынужден проживать за границей, т. к. Государь запретил ему возвращение на родину, уволил с занимаемых должностей и подписал указ о передаче в опеку его имущества. Благодаря вмешательству матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, братья помирились. С началом Первой мировой войны ему было дозволено вернуться в Россию. На фронте в Галиции командовал Кавказской (Дикой) конной дивизией, позднее 2-м кавалерийским корпусом, награжден Георгиевским крестом за храбрость. В конце 1916 г. назначен генерал-инспектором кавалерии. 3 марта 1917 г. отказался принять Российский Престол до решения Учредительного собрания. Подверглся аресту Временным правительством в дни «корниловского мятежа», а также Петроградским ВРК во время Октябрьского переворота. По постановлению Совнаркома в марте 1918 г. выслан в Пермь. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. похищен и расстрелян чекистами в окрестностях Перми. В советской периодической печати появилось сообщение об его побеге.

118.

Император Николай II записал 2 марта в дневнике: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц. – дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 ½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265).

119.

Председатель Гос. думы М. В. Родзянко, как свидетельствуют его воспоминания и многочисленные мемуары других политических деятелей, опасался, что его могут арестовать при свидании с императором.

120.

Базили Николай Александрович (1883–1963) – камергер. С 1912 г. директор канцелярии МИД, в 1914–1917 гг. вице-директор и директор (с мая 1915 г.) дипломатической части канцелярии Штаба Верховного главнокомандующего. По поручению генерала М. В. Алексеева составил проект акта об отречении Николая II, который был подписан последним с некоторыми изменениями. В мартовские дни 1917 г. Базили посетил Петроград. В столице сделал доклады М. В. Родзянко, Г. Е. Львову, П. Н. Милюкову, А. И. Гучкову. С этого времени начинается его сближение с последним. В июле 1917 г. Базили становится советником Российского посольства в Париже. В 1918–1919 гг. принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания, направленного на объединение всех антибольшевистских сил в России и за границей. После окончания Гражданской войны занимался литературной деятельностью. С осени 1939 г. жил в Америке, служил в крупном банке (National City Bank of New York). С 1942 до конца 50-х годов работал в представительстве этого банка в Монтевидео (Уругвай).

292.

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) – князь, архангельский, калужский, тверской губернатор, сенатор (1903). Во время мировой войны – председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находившимся в неприятельских странах. Член Государственного совета (1915). С 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. – последний председатель Совета министров. Пытался проводить гибкую политику. 27 февраля 1917 г. вместе с другими членами царского правительства был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В апреле 1917 г. освобожден под обязательство не участвовать в политической деятельности. Жил в Петрограде, занимался сапожным ремеслом. Трижды арестовывался органами ВЧК – ОГПУ. В 1925 г. расстрелян.

293.

См. телеграмму Государя князю Н. Д. Голицыну от 27 февраля 1917 г. в разделе «Приложения».

294.

Немченко – полковник царской армии.